

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Казанский юридический институт

Ю.Ю. Комлев

**ДЕВИАНТНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ:
ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРАКТИКА**

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Казань 2015

ББК 60.51
К 63

Одобрено редакционно-издательским советом
КЮИ МВД России

Комлев Ю.Ю.

К 63 Девиантность и социальный контроль: теория, исследования, практика. Избранные статьи / Ю.Ю. Комлев. – Казань: КЮИ МВД России, 2015. – 422 с.

Сборник включает в себя статьи, опубликованные автором в различных периодических изданиях с 2004 по 2015 год. Рассматриваются такие актуальные вопросы, как противодействие наркотизму, алкоголизму, коррупции, терроризму, обоснование и совершенствование рестриктивного социального контроля, реформа ОВД; анализируется история девиантологической мысли; обсуждаются проблемы интеграции криминологических знаний в эру постмодерна. Книга рассчитана на специалистов – юристов, социологов, психологов, практиков в правоохранительных органах, а также студенческую аудиторию юридических и социологических факультетов, вузов.

ББК 60.51

ISBN 978-5-901593-54-7

© Комлев Ю.Ю., 2015

© КЮИ МВД России, 2015

Юрий Юрьевич Комлев
доктор социологических наук,
профессор,
полковник полиции

Родился в 1958 г. в городе Каменец-Подольский. В 1981 г. окончил факультет вычислительных и управляющих систем Казанского авиационного института по специальности прикладная математика, в 1983 г. – отделение социологии УМЛ при Татарском ОК КПСС. Работал на кафедре в КАИ, в политотделе МВД ТАССР, где одним из первых стал использовать социологические знания в идеологической работе. В 1987–1991 гг. работал в идеологическом отделе Казанского ГК КПСС, где проводил социологические исследования по широкому кругу социальных проблем. Затем трудился в аппарате Президента РТ и секторе социологических исследований Госсовета РТ (1991–1994).

С сентября 1994 года снова работа в вузе. С 1995 года и по настоящее время – начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России. С 2009 по 2013 год – профессор КНИТУ-КАИ, с 2015 года – профессор университета управления «ТИСБИ».

В 1993 году в Казанском государственном университете защитил кандидатскую диссертацию, в 2002 году в Башкирском государственном университете – докторскую диссертацию по социологии, в 2004 году присуждено ученое звание – профессор.

Является действительным членом Международного Санкт-Петербургского криминологического клуба, Санкт-Петербургского центра девиантологии.

За высокие результаты в организации и проведении научных исследований дважды награжден Почетной грамотой МВД России, знаком Министерства образования Российской Федерации «За развитие научно-исследовательской работы студентов», дипломами Совета Федерации, Министерства образования и науки, ФСНК России; нагрудными знаками «За отличную службу в МВД» I степени, «За содействие ФСНК России».

В 2008 году присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РФ».

Содержание

1	Предисловие автора	6
2	Social Coordinates of the Use of and Experimentation with Drugs among Young People in the European Part of Russia – the Example of Tatarstan	8
3	Исследование девиантности в теоретических рамках инте- гративной перспективы	17
4	От социологического изучения феномена к обновлению ан- тинаркотических практик	26
5	Informal economy and corruption in Russia: cultural traditions and determinants	41
6	Наркотизация подростково-молодежной среды: результаты и проблемы рестриктивного социального контроля	42
7	Социология девиантного поведения: истоки и этапы станов- ления в России	46
8	Индексы девиантизации и наркотизации подростково-моло- дежной среды Татарстана	59
9	Совершенствование взаимодействия правовых институтов и средств массовой информации на принципах социально ориентированной организации и представления правоохра- нительной деятельности	64
10	Наркотизация подростков и молодежи: особенности струк- турно-динамических изменений (по итогам регионального мониторинга)	75
11	Основы теории рестриктивного социального контроля	82
12	Потенциальные возможности и опыт применения рестрик- тивного социального контроля в противодействии нарко- конфликту	89
13	Теории девиантного поведения: от классических построений к модернистско-постмодернистскому синтезу	95
14	Рестриктивный потенциал антинаркотических стратегий за- рубежных стран: некоторые результаты контент-анализа по- литико-правовых документов	113
15	Рестриктивный социальный контроль и совершенствование превенции экстремизма в молодежной среде	124
16	Уголовно-правовой рецидивизм: девиантологическая пер- спектива профилактики с позиций теории стигматизации в условиях преодоления «кризиса наказания»	146

17	Стратегии и практики социального контроля: ретрокомпаративный анализ	163
18	Профилактика внутриличностных конфликтов как источник суицидов среди сотрудников ОВД	180
19	Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды: основы теории и оценка региональных трендов	189
20	Эмпирическое изучение девиантности: на пути к триангуляции статистических, количественных и качественных методов	199
21	Преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма	221
22	Общественное мнение как критерий официальной оценки деятельности российской полиции: теория, состояние, тенденции и проблемы формирования	231
23	Реформа ОВД: модели, проблемы и пути решения: результаты дискурсивного анализа	249
24	Классификация теорий девиантного поведения	261
25	Древо девиантологического знания: от позитивизма к постмодернистскому синтезу	272
26	Природа российской коррупции с позиций теории социального научения	283
27	Рестриктивный социальный контроль: основные положения и перспективы минимизации девиантности подростков и молодежи в транзитивном обществе	302
28	«Преступления без жертв» и подростково-молодежный наркотизм: проблемы и перспективы социального контроля (зарубежный и отечественный опыт)	314
29	Постмодернистская криминология: интегративный дискурс	320
30	Модернистская интеграция: предпосылки, типы и опыт синтеза девиантологических теорий	331
31	От постмодернистской девиантологии к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний	341
32	Пост-постмодернистский синтез знаний о преступности – новый вектор в развитии теоретической девиантологии	358
33	От протодевиантологических идей к классической школе: генезис, основные положения	368
34	Адаптация и закрепление молодых специалистов в ОВД в контексте полицейской реформы: результаты социологических исследований	382

Предисловие автора

Позади более 20 лет работы в Казанском юридическом институте МВД России. Это не только этап жизненного и творческого пути, но и хороший повод для подведения определенных итогов.

За время работы в вузе системы МВД России автором подготовлено свыше 200 публикаций, включая 11 монографий, 10 учебных и научно-практических пособий. Значительная часть статей представлена в авторитетных российских научных журналах («Социологические исследования», «Мониторинг общественного мнения: социальные и экономические перемены», «Государство и право», «Общество и право», «Криминология: вчера, сегодня, завтра»), в престижном зарубежном издании («Organised Crime, Trafficking, Drugs»).

Результаты девиантологических изысканий обнародованы на ежегодных международных конференциях Европейского общества криминологов в Хельсинки (2003), Амстердаме (2004), Кракове (2005), Тюбингене (2006), на 1, 2, 3, 4-м Всероссийских социологических конгрессах (Санкт-Петербург, 2001; Москва, 2003, 2006, Уфа, 2012) и на других всероссийских и международных научных форумах.

Наибольшую известность получили такие девиантологические труды, как: «Социологические теории девиации и проблемы социального контроля» (1999); «Социология девиантного поведения: вопросы теории» (2000, в соавторстве); «Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования» (2003, в соавторстве); «Наркоситуация в Татарстане: специфика, тенденции, перспективы» (2004); «Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды» (2005); «Тенденции наркотизации подростково-молодежной среды в Татарстане» (2006); «Социология девиантного поведения» (2003, 2006, в соавторстве), «Теории девиантного поведения» (2013, 2014).

Ряду работ по итогам ежегодных конкурсов Российского общества социологов присуждены в номинациях учебник, монография почетные призовые места, а также грифы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Однако немало статей на злободневные девиантологические темы опубликованы автором в малодоступных и/или ведомственных периодических изданиях, в сборниках материалов всероссийских и международных конференций, в коллективных монографиях, вышедших небольшим тиражом. Эти работы могут представлять определенный интерес для тех, кто изучает девиантологию, работает в науке или использует на практике девиантологические знания, поэтому они и собраны под одной обложкой.

В целом книга отражает научный маршрут автора в лабиринтах девиантологических поисков и находок. Все статьи сборника носят селективный характер и представлены без изменений и дополнений в хронологическом порядке с 2004 по 2015 год. Многие из них подготовлены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грантообладателем которого автор был неоднократно.

К сожалению, в ряде работ содержатся неизбежные повторы при использовании и развитии автором тех или иных девиантологических идей и положений, особенно в статьях, посвященных концептуализации и применению на практике рестриктивного социального контроля. В каждой статье сохранен порядок сносок, принятый в том или ином печатном издании, а также дается ссылка на первоисточник текста.

Техническое оформление рукописей этой, как и всех других книг автора, выполнено доцентом кафедры философии, политологии, социологии и психологии кандидатом педагогических наук Суфией Загитовой Еникеевой.

Автор приносит ей искреннюю благодарность за неизменную помощь и проделанный труд.

Social Coordinates of the Use of and Experimentation with Drugs among Young People in the European Part of Russia – the Example of Tatarstan¹

The use of illegal drugs by some Russian youths has become a relatively widespread and statistically stable phenomenon. The social coordinates of the use of and experimentation with narcotic substances among young people in the European part of Russia can be assessed by the results of a research carried out in Tatarstan under the supervision of the author of the present article. Tatarstan and the other regions of the Volga–Basin (Ulyanovsk, Samara areas) are situated on a drug trafficking route from Central Asia to the central part of Russia and to Western Europe. The use of and experimentation with narcotic substances among young people was studied with a formalised interview method at homes and in the streets in November 2002. The sample of 1,100 units of analysis adequately represents the youth community between the ages 14 to 29. The sample is characterised by the following values: sex – 52.2 per cent men and 47.8 per cent women; age – 41.3 per cent in age group 14–19 year olds; 23.6 per cent in age group 20–23 year olds; 35 per cent 24–29 year olds; ethnicity – 50 per cent Tatars, 45.6 per cent Russian, and 4.7 per cent representatives of other ethnic groups. The methods of respondent selection and research technique have been described in detail in earlier literature (Komlev 2003, 28–33). The present article is devoted to the description and comparison of levels, degree of activity, and other social parameters of the use of and experimentation with narcotic substances among young people in Tatarstan, also typical of other areas of Russia.

According to the study, the level of drug experiences among young people (all forms of experiences) in the region is 25.6

¹ Organised Crime, Trafficking, Drugs: Selected Papers presented at the Annual Conference of the European Society of Criminology, Helsinki, 2003. Helsinki: HEUNI, 2004, P. 81–86.

per cent. This number characterises the external diameter of a «drug funnel». More detailed study reveals that 19.3 per cent of respondents have used drugs once or several times. 1.6 per cent have been actively using drugs earlier, but have stopped. At present, 4.7 per cent of the youth are using drugs actively and on a regular basis, including hard drugs. This population of active drug addicts represents the internal diameter of the youth 'drug funnel', and can form a reliable empirical basis for an estimation of the quantity of drug addicts among young people between 14 and 29 years of age.

The regional centre, Kazan, shows a general level of youth drug use of 25.8 per cent. 19.0 per cent of young Kazanians have experimented with drugs once or several times. 1.6 per cent have been using drugs actively earlier, but stopped. At present, 5.2 per cent of the youth are active drug addicts. The situation in other cities is more complicated. As the received data show, the general rate of drug use there is 28.1 per cent. 21.5 per cent of urban youth have experimented with drugs once or several times. 1.7 per cent of young men have used drugs actively earlier, but stopped. At the moment, 4.8 per cent of respondents are actively using drugs, including hard drugs. The level of drug use in rural areas is considerably lower at 19.8 per cent. There, 14.9 per cent of respondents have experimented with drugs at least once. 1.2 per cent of rural youths have been actively using drugs earlier, but stopped. At the moment, 3.7 per cent of respondents are using drugs actively, including hard drugs.

A comparison of the Tatarstan data with the results of Keselman's research of Samara area reveals many similarities. For example, the vox pop survey shows that in Samara, the general level of drug use among urban youths is 30 per cent (same as in Tatarstan).

What is surprising is the uneven distribution of youth drug use in the urban environment. The research data show that the general drug use level in Naberezhnye Chelny, the second largest

city of Tatarstan, is 27.3 per cent, and thus higher than in Kazan. The highest level of general drug use in Tatarstan is registered in Bugulma, where 58.7 percent of all youths have used drugs in one way or the other. Most have experimented with cannabinoids once or several times instead of using drugs systematically. The situation in this small city in the southeast of Tatarstan results from its proximity to the borders of three large regions (Bashkiria, Samara area, and Orenburg area), where one of the drug traffic routes runs. According to research data, this city is also distinguished by a relatively high crime rate and corruption of law enforcement bodies. As a result, there is not enough formal and informal social control to prevent the expansion of drug use.

The research data show that of those who have tried drugs at least once, 76.1 per cent are young people. The Samara area data show that 97.1 per cent of drug users used cannabinoids (Keselman 1998, 45).

The situation among the young is characterised by a spread of «light» drugs, which are more available due to their low price. Young people as a rule do not consider «grass» to be a drug, and do not define themselves as drug addicts. The notion that marijuana is not dangerous, and that one can easily stop using it at will is widespread among the youth. Law enforcement agencies counteract mainly the expansion of heroin and other 'hard' drugs, and underestimate the danger of cannabinoid proliferation.

All other drugs are much less known by the youth. 14 per cent of respondents with drug use experience have tested various opiates, 5.8 per cent heroin, 3.7 per cent «poppy straw» (an opiate derivative), and 2.9 per cent opium. In the Samara area, the rate of opium and opiates users among all drug users is considerably higher at 21.8 per cent (Keselman 1998, 45). Only 1.4 per cent of Tatarstan youths have tested cocaine and coca derivatives. 9.8 per cent of respondents with drug use experience have used phenylalkylamines (amphetamine, metamphetamine,

methadone, ephedrine, «ecstasy», and other central nervous system stimulators). The most popular of these substances is amphetamine. Its use is reported by 4.7 per cent of respondents with drug use experience. In addition, some have experienced the euphoria effect by inhaling acetone fumes, 'Moment' glue (universal glue made of acetone) or different aerosols. This is reported by 4.7 per cent of respondents. Barbiturates and hallucinogens are not widespread in the region.

Drug use among the young is clearly gender-, socio-professional status- and age-dependent: The general drug use level among young males below the age of 30 is 37 per cent, but considerably lower among young females – 13.1 per cent. The Samara data show somewhat higher levels of drug use among the latter (males – 34 per cent, females – 16.6 per cent). A similar pattern has also been observed by other Russian researchers (Gilinsky and Afanasiev 1993, 78).

According to the 2002 census data, the Tatarstan youth community is bi-ethnic, with approximately an equal number of Tatars and Russians. Tatars dominate in rural areas and small towns. The youth community also includes other ethnic groups: chuvash, mari, udmurt, as well as representatives of other ethnic regions of Russia. The present research was conducted by dividing the young into three groups: Russians, Tatars, and other. It was found that curves of drug use activity distribution are identical, but the levels of drug use differ. The general drug use level among Tatars is 23.9 per cent (3.9 per cent active drug users). Russian youth show a somewhat higher drug use level – 25.7 per cent (5.3 per cent active users). The research indicates that the situation in large cities where there are no noticeable ethnic-cultural differences between Tatars and Russians (same language, similar values, identical forms of recreation, same interests) is characterised by equal drug use levels, e.g. in Kazan they are practically the same. What is surprising is the dynamics

of drug use among the other ethnic groups. Calculations show that these youth are more involved in drug use, the general level being 39.3 per cent. This phenomenon needs more profound research.

Our attention was drawn to the relatively high proportion of young males among drug users (27.3 per cent), and also to the frequency of their drug use (7.3 per cent active users). Another important observation is that males in both rural and urban areas have approximately identical drug use levels regardless of their ethnic background. The situation in Tatarstan indicates a masculinisation of youth drug use that is typical also of the other regions in central Russia.

Drug use is not generally typical for females from rural areas. This may be caused by the ethnic-confessional specific features of young Tatar females which in rural areas prevail over females of other ethnic origins. Provincial Tatar females are more oriented towards the norms of traditionally male-oriented behaviour.

At age 20–21, the involvement in drug use slightly increases to the rate of 30 per cent. This figure is the highest in the Samara region – 38 per cent (Keselman 1998, 50). This group also uses more drugs than the others, since 10 per cent of its drug users use drugs actively. In the age group of 22–23 year olds, the general level of drug use reaches its maximum – 33.3 per cent. This group shows a lesser number of active drug users (3.8 per cent) and an increasing number of those who refer to drug use at an earlier period of life (4.5 per cent). In sum, the general drug use level increases rapidly between the ages 14 to 23.

Analysis of gender and age features can lead us to the conclusion that young men between 14 and 16 years of age, irrespectively of their family status and other characteristics, belong to the group with the highest risk of contact with narcotic substances. According to the received data, the level of the use of and experimentation with narcotic substances among 16–17 year olds is twice that of 14–15 year olds, and continues to increase.

The survey shows that the socially disadvantaged, often unemployed, demonstrate rather a high level of drug use. Most of them are people whose social and professional position is weak, and who are perceived as outsiders by the general public. 35.5 per cent of the jobless youth are addicted to drugs. 10.5 per cent of them are active drug users.

The involvement in drug use is high also among the students of vocational schools (35.5 per cent) and the working-class youth engaged in manual labour (34.1 per cent). However, these two groups differ in the rate of active drug users (4 per cent and 7.2 per cent respectively). The situation among college students is not much better: 31.1 per cent of them are involved in drug use, 8.1 per cent actively. The general drug use level in this category in Kazan is extremely high, reaching 44.5 per cent. The working and studying youth rank high in the level of criminalisation, too. Young people are responsible for most registered offences which also adds to the increase in the number of drug distributors and users.

The use of and experimentation with narcotic substances is also rather widespread in universities. 29 per cent of university students are involved in drug use, and 8.3 per cent are active users. Young qualified professionals and «white collar» workers also show high levels of involvement in drug use (26.8 and 21 per cent respectively).

The survey data show that school students have a relatively low drug use level (9.7 per cent) because they are only in the beginning of their drug addiction route.

The survey data show that the use of and experimentation with narcotic substances is widespread in many social groups of Russian society. It would be quite logical to think that the higher the level of education (and culture), the lower the level of drug use. In practice the correlation between these two factors is not so simple, and depends on the indirect influence of many other socio-cultural and socio-structural indices. According to the

Samara area survey data, «educational type influence on the level of use of and experimentation with narcotic substances can be characterized as weak and contradictory» (Keselman 1998, 56).

The Tatarstan survey shows that there is some correlation between education and the use of and experimentation with narcotic substances, but that it is very specific, and can be observed only at the level of definite socio-territorial communities. The level of the use of and experimentation with narcotic substances is the highest among the youth with only secondary education (30.7 per cent, with 7.9 per cent active drug users). They are over 17 years old and have graduated from a secondary school. The youth graduated from or attending a university show a drug use level of 26.7 per cent (with 3.7 per cent active drug users).

The first possible conclusion is that people with no higher education are more involved in drug use than those who have graduated from or are presently studying in a university. However, analysis of the Kazan city data makes it possible to draw an opposite conclusion.

Young Kazanians with higher education show a drug use level of 34.9 per cent (with 7 per cent active users). For those whose educational level is lower, the same figure is 29.3 per cent (8.6 percent active users). This phenomenon can perhaps be understood by examining some social and socio-cultural factors that are more dominant in the regional centre than in peripheral territories. In provincial communities, the social and demographic structure and mentality are somewhat different than in urban environments. Empirically defined differences can be explained by the influence of the following factors, including (1) relatively high proportion of Kazanians under the age of 30 with higher education; (2) prevalence of «major» drug use among well-to-do youth; (3) higher anonymity of drug use and better availability; (4) growing prevalence of double standards among the youth. Provincial and rural uneducated youths are to a lesser

extent drug-addicted than their educated peers. This dependency provides a more general picture of drug use in the region.

One of the research objectives was to test the hypothesis about the correlation between the general drug use level of the youth, and the average per capita family income. It was discovered that these two factors are indeed interrelated, but not as straightforwardly as it was assumed. Drugs are expensive in Russia, and available only for those whose economic status is high enough, or who can get money illegally.

The received data show that the proportion of young people involved in drug use grows with the increase in average per capita income and economic status of families. Among those respondents whose average per capita family income is less than 1,500 rubles (about \$50 in 2000), the general drug use level is 23.7 per cent (with 3.8 per cent active drug users). If the average per capita income exceeds 4,500 rubles (\$150), the drug use level is 33–37 per cent (11 percent active drug users).

The higher economic status to some extent adds to drug usage. Although this relation is very complex and mediated by other social factors, the milieu of well-to-do young people shows many examples of the so-called «major» drug usage.

The use of and experimentation with narcotic substances among young people has rather complicated social coordinates. This is evident not only among those young people whose social position is less favourable, but also in case of economically advantaged families. However, the prevalence of drug-addiction is higher among the socially disadvantaged youth than those from well-to-do families.

Under the conditions of market economy, all employers need qualified professionals, and sustainable future is guaranteed only to those who can be successful in professional competition. The transition towards market economy has changed the youth's values, and stimulated their economic aspirations. Realisation

of ambiguous plans and orientation towards economically successful life strategies is not unproblematic for the majority of young people. This is mainly caused by the fact that economic transformation processes have deprived many youths of the available channels of vertical social mobility needed for the development of socially favoured careers. Most professional activities are not profitable or attractive enough for the youth. Social experience of the disadvantaged parents has stopped being a guiding line for them. Their own choice of profession is very often unsuccessful. As a result they are faced with diminishing life prospects, disappointment in life, lack of faith in their own vigour. Often such a situation leads young people to the use of and experimentation with narcotic substances and illegal activities.

Failure of socialisation, broken families and the consequent lack of social control are the main reasons for the increase in the use of and experimentation with narcotic substances among young people. It is not surprising that the lowest drug use level is registered in extended families (19.8 per cent). In single-parent families (father or mother with children) the general drug use level does not exceed 30 per cent. The figure climbs to 35.7 per cent if children are brought up by grandparents. If the youngster lives outside any kind of family structure, the drug use level reaches its maximum – 38.2 per cent. The disintegration of family structure leads to decreasing parental influence and diminished ability to prevent youth's or teenagers drug use.

In conclusion, the social research of the use of and experimentation with narcotic substances among young people in Tatarstan allowed the description of the main social co-ordinates of the phenomenon typical of the central Russia. Its results prove that actual drug usage is approximately 11 times more common than what official statistics indicate. The use of and experimentation with narcotic substances spreads rather quickly but irregularly in the youth milieu affecting those parts

of society where socialisation and social control have weakened, employment is replaced by unemployment and crime, and where social consciousness is experiencing a prolonged normative anomie and deprivation of values.

References

1. Komlev Yu., Sadykova R. Narcotism in Tatarstan: The results of empirical research. Kazan, Kazan State University Press, 2003.
2. Keselman L. Social coordinates of narcotism. St. Petersburg, Sociology institute of the Russian Academy of Sciences, 1998.
3. Gilinsky Ya., Afanasiev V. Sociology of deviant behaviour. St. Petersburg, Sociology institute of the Russian Academy of Sciences, 1993.

Исследование девиантности в теоретических рамках интегративной перспективы¹

Работа с отечественными и зарубежными источниками показывает, что в мировой науке о поведенческих отклонениях все чаще создаются новые концепции девиантности на основе интеграции положений как классических, так и постклассических теорий. Весьма полный анализ известных интегративных концепций девиантности содержат труд Р.Айкерса «Criminological theories: introduction and evaluation» (1997), работы Д.Келли «Deviant Behavior» (1996), Д.Доунса и П. Рока «Understanding deviance» (1998), Г.Барака «Integrating Criminologies»(1998). О пользе теоре-

¹ Сборник тезисов докладов 2-й Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения-2005 «Будущее России: стратегия развития». М.: МГУ, 2005 (CD).

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-03-29302a/В.

тической интеграции при разработке объяснительной модели того или иного вида девиантного поведения Рональд Айкерс одним из первых писал еще в 1973 году. Он показал, что определенные идеи и положения теории социального изучения частично совпадают с теориями социальной связи, стигматизации, конфликта и аномии.

Между тем в современных отечественных исследованиях проблем девиантности и преступности интегративный подход – большая редкость. Одной из первых попытку синтеза теорий девиантности предприняла Т.В. Шипунова, которая актуализировала проблему выбора основания для непротиворечивой теоретической интеграции и обосновывала свое решение с использованием категории «социальная несправедливость»¹. Как обобщает Я.И. Гилинский, в российских исследованиях «практически отсутствуют описание и анализ постмодернистских концепций, включая конститутивную криминологию, а также интегративных теорий»².

Интегративные подходы в девиантологии исходят из посыла о том, что детерминация современных форм девиантного, делинквентного поведения в рамках одной теоретической модели отнюдь не всегда является успешной, а подчас и невозможной. Так, например, не представляется возможным на основании одной и той же теории девиантности объяснить различные виды преступления, например, уличную подростковую преступность и респектабельную преступность «белых воротничков». Комбинация же двух или более совместимых теорий, которые отбираются на основе осознания их общности в единую переформулированную теоретическую

¹ См.: Шипунова Т.В. Ведение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003; Шипунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 103–113.

² Гилинский Я.И. Criminology Today // Криминология вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2001. № 1. С. 25.

рамку (framework) с большим объяснительным потенциалом, чем у каждой отдельно взятой из них, – один из все более распространенных способов теоретической интеграции в современной зарубежной криминологии и социологии.

Создание интегративных теорий в последние десятилетия есть результат обобщения, интеграции наиболее удачных положений для единого объяснения преступности, наркотизма, других социально опасных отклонений из уже существующих концептуальных моделей и теорий. Они широко используются в работах правоведов и социологов в США и Западной Европе. Наибольший вклад в формирование этого научного направления внесли американские социологи и криминологи: Р. Айкерс, Ф. Пирсон, Н. Уейнер, М. Крон, Т. Торнберри, Д. Эллиот, Ч. Титтл.

Фрэнк Пирсон и Нейл Уейнер в 1985 году создали теорию «интегративной рамки». Объяснительная модель этих авторов построена на принципиальной основе теории социального научения с интеграцией концептов из наиболее важных макро- и микро-девиантологических теорий в одной «интегративной рамке»¹. В частности, с помощью теории социального научения исследователи определили восемь основных измерений рамки. Шесть из них ссылаются на ведущие факторы в процессе научения: (1) выгода (награда/наказание), (2) поведенческие навыки (техника поведения при совершении преступления), (3) благоприятные возможности совершения преступления, (4) поведенческие ресурсы, (5) правила целесообразности (служат руководящими указаниями для получения максимальной награды, избегания негативных санкций), (6) правила морали (определяют поведение как плохое или хорошее). Пирсон и Уейнер определили механизмы обратных связей в процессе научения. Это результат действия: (7) ре-

¹ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. Los Angeles, 1997. P. 210.

зультат от выгодного приобретения (наград/наказаний) и (8) когнитивное приобретение (получение знаний о поведении, которое может быть использовано в повторных действиях). Позже ученые показали, как концепты из других теорий могут быть вариациями восьми положений, указанных выше. Например, они считали, что привязанность к другим людям (из теории социальной связи) влечет за собой подражание им и то, что эти другие становятся источником позитивной выгоды в форме эмоционального удовлетворения. Концепты теории рационального выбора, по их мнению, могут быть отнесены к выгодным требованиям, правилам целесообразности, символизирующим благоприятные возможности, результаты выгодного или когнитивного приобретения. Концепты теории напряжения о применении социально неодобряемых, незаконных способов адаптации к возможностям материального успеха объединяются в интегративную рамку выгодных требований, правил целесообразности, знаков благоприятных возможностей. Наконец, Пирсон и Уейнер добавили в свою интегративную рамку концепты макроуровня: такие, как социально-структурированный источник производства и распространения выгоды, возможностей и правил целесообразности и морали¹.

Делберт Эллиот в 1985 году разработал интегративную модель делинквентного поведения на основе объединения концептов из теорий напряжения, контроля и социального научения². Мервин Крон создал в 1986 году интегративную аналитическую модель для объяснения делинквентности на основе теории социального научения и теории социальной связи. Его схема перекрестной интеграции позволила соединить концепты о структурных характеристиках социальных моделей и интерактивных процессов. При этом модель

¹ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. Los Angeles, 1997. P. 210.

² Ibid. P. 211–214.

Крона не представляет полной интеграции двух теорий, скорее, это «соединение мостом» различных теоретических утверждений вышеуказанных теорий.

Аналогичные построения предложил Теренс Торнберри в 1987 году («интегративная теория»). Он объединил элементы социальной структуры (класс, потомство, общность соседского взаимодействия), социальной связи и теории социального научения в «интерактивную теорию» преступности¹. Причины преступлений, по Торнберри, в ослаблении связей с обществом. Однако факт ослабления связей лишь выделяет молодого человека подходящим кандидатом в преступники.

В 1989 году Рональд Айкерс разработал оригинальную интегративную теорию «поглощения», привлекая для ее концептуализации понятийный аппарат из теорий социального научения и социального контроля². Чарльз Титтл примерно в то же время создал теорию «баланса контроля». Титтл предложил такой вариант синтетической интеграции, в рамках которого баланс (равновесие) контроля является объединяющим причинным процессом в феноменологии девиантного поведения. Основная предпосылка этой теории заключается в том, что соотношение между количеством контроля, которому люди подчиняются, и количеством контроля, которому они не могут подчиняться, определяет вероятность совершения тех или иных отклонений. В результате девиантное поведение интерпретируется как маневр, который помогает людям игнорировать контроль над собой. Неравновесное состояние контроля в сочетании с желанием автономии и удовлетворения фундаментальных физических и психических потребностей, предопределяют девиантные действия индивидов. Теория «баланса контроля» включает концептуальные положения из теорий социального науче-

¹ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. Los Angeles, 1997. P. 215–216.

² Ibid. P. 208–210.

ния, аномии, рационального выбора¹.

Как видим, теоретическое развитие имеет место не только посредством испытания и изменения отдельных теорий девиантности, через их соревнование, но и, как было показано выше, через концептуальную и/или логическую теоретическую интеграцию². Это влечет за собой создание теорий девиантности с объяснительным потенциалом более высокого уровня, чем он есть в исходных теориях. Заметим, что концепты теории социального научения, так или иначе, являются основным компонентом интегративных теорий.

Очень важно, что все интегративные теории исходят из единого объяснения различных форм девиантности (наркотизм, алкоголизм, преступность, проституция). Действительно, в современных девиантологических исследованиях носитель отклоняющегося поведения рассматривается интегративно, как продукт определенного общества, его нормативно-ролевой структуры, гендерных различий, культуры и субкультур, конфликтов, социального научения, контроля и напряжения, социального конструирования, «дискурсивных практик», на которые существенное влияние оказывают экономические, психологические, географические, исторические, информационные и биологические условия.

Теоретический опыт зарубежных девиантологов вполне применим в России. Интегративный подход открывает новые качественные возможности для определения концептуальных основ и теоретико-методологических рамок как теоретического, так и эмпирического исследования естественной, искусственно «нерасчлененной» девиантной реальности (преступность, как известно, взаимосвязана с алкоголизмом, токсикоманией и наркотизмом, сексуальными отклонениями). Его ценность состоит в более содержа-

¹ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. Los Angeles, 1997. P. 218–219.

² Ibid. P. 219.

тельной интерпретации эмпирических данных, собранных одновременно количественными и качественными социологическими методами.

В основу такой рамочной интегративной концепции, например, при изучении подростково-молодежной девиантности с учетом реалий реформируемого по капиталистическому образцу российского социума в первом приближении могли бы войти непротиворечивые положения теории аномии и напряжения Р. Мертон (структурный функционализм), теории лейблов Г. Беккера, Е. Лемерта, Е. Шура (символический интеракционизм), теории социального научения А. Бандуры, Э. Сазерленда, Д. Кресси (психологическая парадигма), а также современной миротворческой и конститутивной криминологии (конструктивизм и постмодернизм).

Для повышения объяснительных возможностей интегративной теоретической модели подростково-молодежной девиантности и ее эмпирического исследования в современных российских условиях целесообразно использовать концепты теории аномии и напряжения Р. Мертона. Среди них: положение о влиянии социальной структуры на обстоятельства, при которых нарушение социального кодекса представляет собой «нормальный» ответ на возникающую ситуацию¹ (девиантная адаптация как нормальная реакция людей на ненормальные условия жизни); тезис о напряжении, возникающем в современном капиталистическом обществе в силу аномии (рассогласованности между определяемыми культурой устремлениями к материальному обогащению и ограниченными социально организованными, институализированными средствами их достижения).

Из теории лейблов продуктивны идеи о девиантной карьере как результате официальной стигматизации молодых право-

¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299.

нарушителей; о вторичном отклонении как ответе индивида на реакцию общества и давлении формального социального контроля; об основных этапах девиантизации; о «преступлениях без жертв» (потребление легальных и нелегальных наркотиков, занятие проституцией и др.); о декриминализации незначительных по своей опасности деяний с целью сокращения стигматизации и вторичной девиантности и делинквентности; о создании системы ювенальной юстиции.

Из теории социального научения актуально положение о психологических механизмах научения образцам девиантного поведения в ходе общения через подражание референтным группам, о влиянии дезорганизации на рост девиантности.

Весьма ценны и объяснительные возможности положений современной миротворческой и конститутивной криминологии о конвенциональности преступности и девиантности в целом (социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей); о том, что среди жертв преступлений большинство составляют представители низших классов; о росте насильственной преступности, вызванной эскалацией насилия со стороны государства как реального (в полицейских участках, в зачистках), так и символического (на экранах телевизоров); об уменьшении сроков тюремного заключения, об отказе от института смертной казни и репрессивной полицейской и пенитенциарной системы, о необходимости развития стратегии уменьшения вреда (*harm reduction*); о девиантности, преступности и социальном контроле как результате дискурсивных практик среди преступников, контролеров (полицейских, тюремных надзирателей) и жертв преступлений, который не может быть отделен от всеобщего структурного и культурного контекстов.

Исходя из принципа универсальности общенаучных ме-

тодов познания, интегративная теоретическая конструкция позволяет существенно расширить методологический инструментарий эмпирического исследования девиантности за счет приемов и средств, разработанных как в рамках позитивистских, так и феноменологических теорий современной девиантологии и криминологии. В частности, при исследовании таких латентных и динамичных социальных процессов, как наркотизация подростково-молодежной среды, с позиций предлагаемой интегративной рамки весьма уместны и продуктивны как мониторинговые исследования (количественные), так и качественные эмпирические методы (глубинные неформализованные интервью, фокус-групповые дискуссии, нарративный анализ), используемые на основе правил методологической триангуляции.

В соответствии с принципом прагматизма весьма важно современным исследователям девиантности результаты научно-практической деятельности распространять среди практиков правоохранительных организаций, в ведомственных образовательных учреждениях, среди работников других служб социального контроля и институтов социализации.

Социологические исследования подростковой девиантности на основе изложенных выше методологических посылов, положений и принципов позволяют сформировать систему знаний, необходимых для правовой регламентации и практической организации отечественной ювенальной юстиции. Они убедительно доказывают социальную неприемлемость приоритета карательных мер в отношении правонарушителей-подростков, открывают пути к совершенствованию профилактических программ, к созданию восстановительного правосудия, гармонично интегрируют деятельность институтов социализации и социального контроля. И, наконец, использование положений современных интегративных теорий применительно к российским усло-

виям необходимо для преодоления методологической зашоренности и односторонности исследований девиантной реальности, все еще встречающихся в рамках правовой и иных общественных науках.

Освоение девиантологической теории, методологии и передовой практики социального контроля – надежный рецепт для повышения качества исследований, поиска эффективных путей отказа от девиантных карьер, повышения результативности и гуманности формального социального контроля над подростково-молодежной девиантностью и преодоления «кризиса наказания», для решения целого ряда сложных социальных и правовых проблем, стоящих перед российским обществом, государством и его правоохранительными органами в начале нового тысячелетия.

От социологического изучения феномена к обновлению антинаркотических практик¹

В основе статьи – осмысление отечественного и зарубежного опыта, обобщение практики антинаркотической работы, результаты вторичного и сравнительного анализа данных республиканских социологических исследований. Авторское понимание основных понятий и подходов применительно к данной проблеме сложилось в рамках традиции, которая формировалась под влиянием работ Э. Шура, А.А. Габиани, Я.И. Гилинского, Л.Е. Кесельмана и др. Наркотизация молодежи, фиксируемая отечественными исследователями, во многом свидетельствует о том, что реакция общества и государства на эту сложную проблему не вполне адекватна сложившейся социальной ситуации [1]. В переходном российском обществе, расставшемся с идеологиче-

¹ Социологические исследования. 2005. №6. С.95-101.

скими запретами и моральными ограничениями, неизбежно повышение уровня и масштабов молодежного наркотизма. Этот рост вызрел в условиях гипертрофированного социально-экономического неравенства, разделившего молодежь на группы относительно успешных – «включенных» (inclusive) и социально не устроенных, фактически лишенных будущего – «исключенных» (exclusive) [2, с. 11–12].

В настоящее время известны лишь самые общие координаты этой неблагополучной молодежной среды, основу которой составляют социально уязвимые, незанятые и малообеспеченные молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет, включенные в наркопотребление, как правило, относительно широко доступных для них производных конопли и галлюциногенов. Массовый опыт их потребления активно формирует в целом терпимое отношение к наркотикам, укрепляет субкультурные нормы соответствующего образа жизни. Неслучайно многие респонденты в ходе проведенных опросов свое пристрастие к «травке» не связывали с риском заболевания.

Распространение наркотизма как социального феномена, состоящего в массовом немедицинском потреблении наркотиков, несет в себе угрозы уголовного преследования и стигматизации молодых людей, разрушения их духовного и физического здоровья. Носителями проблемы являются не только больные наркоманией, но и те, кто имеет опыт разовых, эпизодических проб наркотиков и психотропных веществ. Было бы большим упрощением считать, что массовое наркопотребление обусловлено только заболеванием, а индивидуальный наркотический опыт неизбежно ведет к наркомании. В большинстве своем наркопотребители не идут дальше разовых или эпизодических экспериментов с наркотиками и со временем самостоятельно или под влиянием внешних обстоятельств отказываются от них. Однако эта латентная часть молодежи, включенной в наркотизацию,

фактически остается вне сферы внимания и общесоциальной превенции со стороны институтов социализации и социального контроля. Широко распространенные правоприменительная и медицинская практики обычно направлены против наркомании, а не наркотизма. Общество информируется об угрозе героиновой экспансии, хотя для молодежи реальна, как правило, каннабиноидная экспансия, открывающая многим молодым людям дорогу к сильным наркотикам, хроническому заболеванию, депривации и преступности. В итоге за счет увеличения числа молодых дегустаторов с опытом периодических наркопроб расширяется социальная база наркотизма и наркомании, придавая проблеме эпидемиологическую окраску, особенно в ряде регионов страны.

Не является благополучной наркоситуация и в Татарстане. По данным органов статистики, число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, за период с 1996 по 2000 гг. в целом по Российской Федерации выросло в 2,5 раза, а в регионе – в 3,75 раз. В 2000 г. в республике было зарегистрировано 4206 наркопреступлений, в 2001 их стало 5154 [3, с. 3]. С 1996 по 2002 г. численность больных, поставленных на учет в лечебно-профилактические учреждения Татарстана, возросла в 10 раз и составила 6920 человек.

Распространение наркотизма и наркомании провоцирует государство на реализацию традиционных запретительно-репрессивных методов формального контроля. Однако радикально изменить наркоситуацию к лучшему таким путем не удастся. Высокая прибыльность операций, связанных с незаконным оборотом наркотиков, стимулирует наркодельцов, и они находят эффективные способы адаптироваться к любым запретам и преследованиям. Жесткая криминализация феномена наркопотребления делает его крайне латентным, а практики правоприменения стигматизируют значительные слои начинающих наркопотребите-

лей, лишая их возможности эффективной реабилитации и ресоциализации. Антинаркотическая работа, как правило, замыкается на правоохранительные структуры и медицинские учреждения, что неизбежно снижает роль программ общесоциальной профилактики. Не в полной мере используются превентивные практики, ориентированные на изменение ценностных ориентации молодежи, формирование культуры здорового образа жизни и твердый отказ от первой пробы, на реализацию мероприятий по минимизации вреда.

Результаты исследований

Несмотря на стремительный рост регистрируемой наркопреступности и заболеваемости наркоманией, в республике длительное время не проводились социологические опросы населения для оценки реальных масштабов, структуры и динамики феномена, факторов его развития. Отдельные замеры с целью изучения ценностных ориентации и поведенческих установок в молодежной среде, группах риска наркотизации, проведенные во второй половине 1990–х годов, не позволяли получить надежные эмпирические оценки этого явления.

Изучение молодежного наркотизма в рамках исследовательских проектов «Социальные координаты наркотизма в Татарстане» и «Мониторинг наркоситуации в Татарстане» были реализованы под руководством автора в ноябре 2002 и октябре 2003 гг. [4].

Объектом эмпирических исследований стали молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет. Сбор социологической информации в крупных и малых городах (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Зеленодольск, Чистополь и др.) и селах был реализован с помощью двух методических приемов. Техника опроса «лицом к лицу» по месту жительства респондентов (в квартирах, коридорах, на лестничных площадках, в отдельных комнатах) использовалась на основе комбинированной квотной выборки ($N =$

700). «Уличные интервью» были проведены по принципам вероятностного отбора ($N = 400$). В общереспубликанской выборке ($N = 1100$) было зафиксировано 51,5% мужчин и 48,5% женщин. По возрастному признаку 41,7% составляют респонденты в возрасте от 14 до 19 лет; 21,0% – от 20 до 23 лет; 37,3% – от 24 до 29 лет. В исследовании приняли участие 51,7% татар, 43,0% русских и 5,3% представителей других этнических групп. Объемы выборок 2002 и 2003 гг. идентичны и адекватно отражают основные социодемографические характеристики генеральной совокупности.

Основная гипотеза исследования состояла в следующем. Возможно, если перевести вектор государственных и общественных усилий с ориентира «борьба с наркоманией репрессивными средствами» на разумное сочетание жесткого наказания за незаконное производство и распространение наркотиков с безусловным приматом общесоциальной профилактики наркотизма, то этот шаг во многом приблизит нас к решению проблем молодежного наркотизма.

Сравнение данных 2002 и 2003 гг., характеризующих специфику молодежной наркотизации в Татарстане, показывает, что заметны благоприятные перемены в возрастных группах от 14 до 15 лет и от 24 до 29 лет. Именно в этих сообществах заметно снизилось число случайных дегустаторов наркотиков. Определенные изменения произошли в структуре молодежного наркопотребления. Доля молодых людей, хотя бы однажды пробовавших каннабиноиды, составила в 2003 г. 74% от общей численности тех, кто имеет опыт наркопотребления (в 2002 – 76%). О пробах различных опиатов сообщили 11% респондентов (в 2002 – 14%). Несколько возросло потребление кокаина и других производных растения коки до 3% (в 2002 – 1%). Фенилалкиламинами и другими стимуляторами центральной нервной системы пользовались 6% опрошенных (в 2002 г. – 10%). Не

получили заметного распространения в регионе барбитураты и галлюциногены. Для получения эйфоризирующего эффекта 3% респондентов использовали ацетон, клей «Момент» и бытовые аэрозоли (в 2002 – 5%).

Среди русской молодежи общий уровень наркопотребления составил в 2003 г. 24%, снизившись по сравнению с 2002 г. на 2,6 пункта. В татарской молодежной среде этот показатель уменьшился еще больше – до 17%, на 7,6 пункта. Эти изменения произошли за счет уменьшения числа случайных наркодегустаторов в провинциальной преимущественно татароязычной среде, которая выступает основной аудиторией республиканских изданий, радио и телевидения.

Наиболее высокий уровень наркопотребления зафиксирован в среде социально неустроенных, незанятых молодых людей или тех, кто в соответствии с общепринятыми представлениями является обладателем уязвимых социально–профессиональных позиций и воспринимается общественным мнением как аутсайдер. В частности, среди безработной молодежи общий уровень наркопотребления существенно вырос и достиг 41% (в 2002 г. он составлял 36%). По–прежнему велика доля наркопотребителей среди учащихся ПТУ – 36% (в 2002 – 35%). Молодые люди из числа рабочих, получив соответствующие специальности в ПТУ и техникумах, также остаются на достаточно высоком уровне наркопотребления – 29% (в 2002 – 34%).

Все еще велика доля включенных в наркотический опыт среди учащихся техникумов и колледжей – 28% опрошенных (в 2002 – 31%). Вместе с тем определенно снизился общий уровень наркопотребления в школьной (на 2,9 пункта) и, особенно, вузовской среде (на 13,5 пункта), соответственно до 29% и 16%. Исследования показали, что риск наркотического дебюта, практика случайных дегустаций наркотиков существенно ниже в семьях, где полноценно ре-

ализуется воспитательная работа с детьми и неформальный социальный контроль. В неполных семьях уровень наркопотребления остается намного выше.

Опросы тех, кто имеет опыт наркотических проб, свидетельствуют, что распространение наркотиков в молодежной среде определяется фактически постоянным набором собственно социальных и психологических факторов [3, с. 86–89]. Социологическое знание позволило в определенной мере усилить и адресно организовать в 2002 и 2003 гг. деятельность ведомств и общественных институтов Татарстана, противодействующих распространению молодежного наркотизма. Антинаркотические практики были сосредоточены на подавлении следующих ключевых факторов.

1. *Фактор улицы.* Вовлечение в наркопотребление происходит чаще всего в ходе социальных контактов, которые молодые люди находят в неформальной среде «друзей, уличного окружения». Такого мнения придерживается 36% участников опроса, имеющих опыт наркопотребления (в 2002 – 45%). Уличная среда оказывает наиболее сильное воздействие на решение подростков принимать наркотики. Этот факт доказывает необходимость организации досуга несовершеннолетних, усиления влияния семьи и других институтов неформального социального контроля по нейтрализации этой детерминанты.

2. *Фактор интереса.* Мотивация наркопотребления в молодежной среде все еще в значительной мере определяется «интересом к необычным и острым ощущениям», которые вызывает употребление наркотика. Такого мнения в целом придерживается 27% опрошенных молодых людей, имеющих наркотический опыт (в 2002 г. – 34%). Как видим, в исследуемый период произошло определенное снижение влияния этого фактора во многом под воздействием мер антинаркотической профилактики и пропаганды здорового образа жизни.

3. *Гедонистический фактор.* Ранг значимости этого фактора в 2003 г. несколько снизился. 15% опрошенных рассматривают «удовольствие, кайф, эйфорию, которые нельзя получить другими способами» от наркотиков как побудительный мотив к наркопотреблению (в 2002 – 16%). Страсть к наслаждениям естественна в молодом возрасте, но ее чрезмерная стимуляция, особенно на подсознательном уровне, с помощью СМИ постепенно вытесняет другие цели и ценности человеческой активности. Телевидение и пресса, многократно рекламируя тот или иной товар, услугу или образ жизни, призывают потребителей получать удовольствие во всем, «здесь и сейчас». Пропаганда гедонизма может косвенно спровоцировать эксперименты молодежи с наркотиками.

4. *Фактор легкомыслия.* Наркотический дебют нередко вызывает легкомыслие молодых. На легкомысленность по отношению к практике наркотических проб в качестве основной детерминанты указали 11% опрошенных (в 2002 – 17%). Эти значения убедительно указывают на необходимость информационно-разъяснительной, просветительной и, особенно, воспитательной работы в семье, школе, среднем специальном или высшем учебном заведении, в трудовом коллективе.

5. *Фактор доступности.* О том, что доступность наркотиков является фактором приобщения к ним, заявляет каждый десятый опрошенный (в 2002 – 12%). Наличие рынка наркотиков, их предложения, несомненно, продиктовано спросом. Спрос на наркотики в среде случайных дегустаторов формируется в значительной мере в ценностно-символической сфере, в среде наркоманов – продиктован зависимостью. В том и другом случае развитие наркотизации, стимулируемое спросом, в значительной мере зависит от того, как реализовано предложение наркотиков. В этом плане велико значение репрессивно-ограничительных мер, обращенных против организаторов незаконного наркооборота.

Опросы показывают, что среди тех, кто имеет опыт наркопотребления, 60% респондентов считают, что наркотики «очень легко» или «легко» достать (в 2002 – 51%). Несмотря на большую работу правоохранительных органов Татарстана по изъятию наркотиков, на рынке их меньше не стало.

6. *Фактор моды.* В определенных кругах молодежной среды употребление наркотиков, особенно элитных («экстази», кокаин), является модным. Так, о том, что «мода на употребление наркотиков» является внешним фактором, влияющим на наркопотребление, заявляют 11% опрошенных (в 2002 – 13%). Чтобы мода на наркотики быстрее ушла в прошлое, также необходимы немалые информационно-психологические, разъяснительные и воспитательные усилия.

7. *Фактор самоутверждения.* «Желание испытать себя», невзирая на риск, для 11% опрошенных также выступает значимым мотивом наркопотребления (в 2002 – 8%). В основе своей он имеет ценностно-символическую природу, что требует активизации и дифференциации мер информационно-воспитательного воздействия, а также пропаганды альтернативных механизмов для канализации энергии самоутверждения молодых людей (спорт, активный досуг, профессиональная деятельность).

Антинаркотическая практика

Наши данные были бы неполны без обращения к практике борьбы с наркотизмом. Анализ нормативных источников, работ зарубежных и отечественных социологов показывает, что существуют три основные стратегии социального контроля в отношении к нему: *репрессивная* («война с наркотиками» – «War on Drugs»), *либеральная* («уменьшение вреда» – «Harm Reduction»), *рестриктивная* (ограничительная).

Репрессивная стратегия рассматривает наркопотребителя в качестве асоциального типа, ответственного за свое собственное незавидное положение. Основным рецептом «ис-

правления» является уголовное наказание, изоляция и принудительное лечение. Особых различий между наркоманом и наркопотребителем не делается. Наркотизм в рамках этой модели в целом представляется как устранимое явление, стоит только раскрутить маховик репрессий. Этот путь наиболее характерен для стран с тоталитарными политическими режимами в настоящем или прошлом.

В рамках *либеральной* модели наркоман – больной человек, ставший жертвой личной предрасположенности или внешних обстоятельств. Наркотический опыт индивида продиктован его свободным и добровольным выбором. Наркотизм неустраним. Внимание общества сосредоточено не на наказании наркозависимых, не на подавлении с помощью репрессий, а на лечении и профилактической работе, на обеспечении жертв наркотизации психологической и социально–медицинской помощью, в том числе и путем отмены запретов на свободную продажу и открытое употребление легких наркотиков. Либеральный подход в законодательстве и антинаркотических практиках влечет за собой ограниченную легализацию наркопотребления. Стратегия либерального реагирования на наркотизм не бесспорна. Однако важно то, что она исключает слепую веру в силу запрета, рассматривая его как недостаточно эффективное и, разумеется, далеко не единственное средство решения проблем молодежного наркотизма. В этом направлении развивают антинаркотическое законодательство и социальные практики Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия. В США во многих штатах декриминализировано хранение в небольших количествах марихуаны (до одной унции), то есть отнесено к разряду мелких правонарушений, таких, как нарушения правил дорожного движения [5, с. 315]. Использование либеральной модели вряд ли приемлемо в современных российских условиях, поскольку в нашей стране все еще очень низка общая и

правовая культура населения, сильны массовые ожидания относительно эффективности репрессий. Снятие административно-правовых запретов и ограничений на употребление даже легких наркотиков, легализация их оборота могут иметь опасные социально-криминальные последствия.

Иной путь видится в рамках развития *рестриктивной* модели социального контроля, реализация которой удачно апробирована в Швеции. Ограничительный подход занимает промежуточное положение между рассмотренными выше вариантами, поскольку включает в себя как меры дифференцированной общесоциальной и социально-медицинской профилактики наркотизма, так и меры репрессивного характера, направленные на пресечение незаконного оборота наркотиков и преследование тех лиц, которые наживаются на этой социальной проблеме. Наркоман с рестриктивной позиции – больной человек, нуждающийся в различных формах лечения и реинтеграции в общество. Между наркоманами и наркопотребителями проводятся четкие различия. Наркопотребители – основной объект превентивной антинаркотической работы с целью существенного ограничения спроса на наркотики. Наркотизм как явление неустраним, но подвержен эффективному контролю и ограничению.

В рамках рестриктивной модели приоритетом являются превентивные практики информационного, психологического, воспитательного, медицинского, просветительского реагирования и мероприятия по минимизации вреда при запрете легализации наркотиков, жестком пресечении их незаконного оборота. Этот подход более гибок и эффективен, поскольку позволяет использовать программы замещающей терапии тяжелых форм наркомании, кабинеты по обмену шприцев и другие социально-медицинские мероприятия по минимизации вреда. Достаточно сказать, что в Голландии – стране с либеральным законодательством в отношении

наркотиков – на 100000 населения совершается 260 тяжких преступлений, в Швеции, где реализуется рестриктивная модель антинаркотической политики, их всего 45 [6, с. 15].

Рестриктивная стратегия социально ориентированна и перспективна для России. Она свободна от крайностей либеральной и репрессивной моделей. Законодательное оформление и использование основных элементов подобного подхода позволило бы понизить латентность и криминализацию молодежного наркотизма, повысить, в конечном счете, продуктивность антинаркотической работы, прежде всего, за счет активной общесоциальной профилактики, программ по минимизации вреда и мероприятий по ограничению незаконного оборота наркотиков.

Отечественное антинаркотическое законодательство все еще имеет преимущественно репрессивную ориентацию. Так, в статье 1 Федерального закона 1997 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» не определяются понятия «наркотизм», «наркопотребитель», а используются термины «наркомания», «большой наркоманией». Статья 4 закона, регламентируя государственную политику в сфере оборота наркотических и психотропных веществ, не содержит указания на приоритет прав человека. В соответствии с этим можно сделать вывод, что потребители наркотиков не расцениваются отечественным законодателем как личности, обладающие определенными правами. В итоге правоприменительные практики направлены на борьбу со всеми, кто так или иначе включен в наркопотребление, на установление контроля над наркооборотом, постепенное сокращение числа больных наркоманией, а также количества наркопреступлений. К сожалению, законом не фиксируются такие важные цели государственной политики в области наркотиков, как уменьшение числа новых наркопотребителей, снижение вреда, причиняемого их здоровью, снижение проблем их социа-

лизации и ресоциализации. Он декларирует «приоритетность мер по профилактике наркомании», а не наркотизма [7, с. 36].

Современное правовое регулирование в области преступлений, связанных с наркотиками, нечетко структурирует приоритеты в борьбе с распространением наркотиков и их потреблением, хотя очевидно, что деятельность по производству (посеву, выращиванию), хранению, транспортировке наркотиков с целью сбыта и сам сбыт имеют особую общественную опасность. Между тем выявить и изобличить участников этой деятельности достаточно сложно, учесть же наркопотребителей – значительно проще. Несовершенство ведомственной отчетности в правоохранительных органах, наличие в некоторых подразделениях плановых показателей по выявлению правонарушителей ставят их сотрудников в сложное положение.

По стране в целом антинаркотическая практика строится на основе федеральных целевых программ. Так, была принята программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2002–2004 гг.». Основным заказчиком и координатором выполнения данной программы было определено Министерство внутренних дел. С учетом изменений и дополнений от 15 июля 2003 г. функции МВД в данной сфере переданы Государственному комитету Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ [8, с. 302]. Создание этого ведомства существенно не изменило приоритетов антинаркотической работы.

Следуя логике рестриктивного подхода, целесообразно сосредоточить внимание правоохранительных организаций на мероприятиях, направленных, прежде всего, на уменьшение незаконного оборота наркотиков. Общесоциальная профилактика молодежного наркотизма как приоритетное направление в наркополитике, меры по минимизации вреда

более подходят компетенции социально ориентированных ведомств и общественных организаций. Не исключено, что при этом потребуется объединяющее начало в виде специального межведомственного органа. Это избавило бы антинаркотическую работу от чрезмерной узковедомственной ориентации и несогласованности.

По такому рестриктивно-ориентированному пути в решении проблемы молодежного наркотизма пошли в Татарстане. В 1999 г. была принята первая Республиканская комплексная антинаркотическая программа, координатором которой было МВД Татарстана при участии Минобразования и Госкомитета по делам детей и молодежи. Уже тогда одним из главных приоритетов программы были определены задачи «совершенствования системы профилактики потребления наркотиков различными категориями населения и, прежде всего, молодежью» и создание современной правовой базы антинаркотической работы в республике [9]. В 2000 г. образован Республиканский центр профилактики наркотизации населения для научно-методического и организационного обеспечения межведомственного взаимодействия и координации деятельности государственных органов и общественных объединений по реализации антинаркотических практик [10]. Вскоре правительство приняло Республиканскую комплексную программу профилактики наркотизации населения в республике и Программу профилактики наркотизации и сохранения здоровья студенческой молодежи на 2002–2006 гг. [11]. За короткое время было выполнено несколько крупных социологических исследований, проведены конференции с широким обменом мнений между отечественными и зарубежными специалистами, организована на научной основе массовая информационная, воспитательная, просветительская работа с молодежью, адресованная к региональному сообществу в целом и группам повышенного риска.

В связи с созданием Госкомнаркоконтроля Республиканский центр профилактики наркотизации населения был упразднен в январе 2004 г. Однако опыт, накопленный в ходе реализации республиканских антинаркотических программ с элементами рестриктивного подхода, по нашему мнению, оказался продуктивным. В частности, решение ряда задач общесоциальной превенции наркотизма всего за 2 года позволило в определенной мере повлиять на ценностные ориентации молодежи. В итоге в условиях все еще высокой доступности наркотиков был несколько ограничен спрос на них, о чем объективно свидетельствует снижение общего уровня молодежного наркопотребления. Как показали данные наших опросов, та или иная степень приобщенности к наркотикам в возрасте от 14 до 29 лет снизилась с 26% опрошенных в 2002 г. до 19% в 2003 г. Это произошло, прежде всего, среди начинающих наркодегустаторов, *наиболее подверженных воздействию мер общесоциальной профилактики*. Так, 55% опрошенных с первичным опытом наркопотребления сообщили, что однократное употребление наркотиков опасно для здоровья. В 2002 г. таких оценок было заметно меньше – 44%.

Социологическое осмысление феномена молодежного наркотизма в республике в указанный период позволяет говорить об определенном позитивном опыте региональной антинаркотической работы. Эффективной превенции молодежного наркотизма в стране могли бы способствовать меры по обновлению отечественного законодательства с использованием элементов рестриктивной модели социального контроля и антинаркотических практик (информационной, воспитательной и просветительской работы). Практика ставит новые проблемы перед участниками научного поиска, что требует продолжения исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гишинский Я., Гурвич И., Русакова А., Симпура Ю., Хлопушин Р. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность: учебно–научное издание. СПб., 2001; Тимофеев Л.М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. СПб., 2001; Тринадцатый шаг: социология наркотизации / под ред. Е.Л. Омельченко. Ульяновск, 2002.

Informal economy and corruption in Russia: cultural traditions and determinants¹

One of the distinctive features of transition to market economy in Russia is the hypertrophied development of informal economy. It includes both legal kinds of non–registered business activity (particularly in small and medium scale business) and criminal ones and provides for favorable conditions for the development of corruption.

Qualitative interviews conducted in August, 2004 in Kazan have shown that up to 90 per cent of businessmen use informal practices more or less regularly. Cultural reasons along with macroeconomic and societal ones take first places in the structure of informal economy and corruption determinants.

In Russia informal communications are traditionally popular. Verbal, not registered agreements are standard for business relations; at the same time law and legal behavior are not appreciated much. Orientations to nepotism, boss and client relations, double standards, achieving economic success at any cost are widespread. Business problems are perceived by the majority of the population as private. People do not trust the state and its legal institutes both at the federal and local levels

¹ 5th Annual Conference of the European Society of Criminology «Challenges of European integration. Challenges for criminology», Cracow, 2005. P. 264.

and the rate of this mistrust is very high. Ignoring laws and ethical standards is a common thing for authorities and business as well as for ordinary people.

Thus, not only reforms, but also traditions, factors of mass and business culture have contributed to the acceptability of informal economy and corruption at the value level in post-soviet Russia. So prevention of corruption criminality should imply not only economic, political, and legal changes, but also social and cultural ones.

Наркотизация подростково-молодежной среды: результаты и проблемы рестриктивного социального контроля¹

Наркотизация наиболее остро заявляет о себе в подростково-молодежной среде. Она развивается на фоне гипертрофированного социально-экономического неравенства, возрастания степени «разрыва» в возможностях удовлетворения витальных и социальных потребностей молодых людей. Наркотизацию и в целом девиантизацию подростково-молодежной среды не сдерживают традиционные уголовно-правовые меры социального контроля, наблюдается «кризис наказания», о «тупиках» в развитии которого все чаще заявляют крупные российские криминологи: Шестаков Д.А., Милюков С.Ф., Гишинский Я.И. и др.

В странах с развитыми демократическими традициями, начиная со второй половины XX века, политиками, законодателями, широкой общественностью глубоко осознано, что современное правовое государство невозможно без декриминализации части негативных девиантных про-

¹ Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России». М.: Альфа-М, 2006. Т. 10. С. 36–39.

явлений, без гуманной юстиции и пенитенциарной системы, без научно обоснованной коррекции законодательства и правоприменительных практик, особенно в сфере «преступлений» против морали. В итоге совершенствуется уголовное, пенитенциарное, процессуальное, антиалкогольное, антинаркотическое законодательство, в целом происходит гуманизация системы формального социального контроля. Между тем в России антинаркотическое законодательство и правоохранительные практики, несмотря на развитие глобализации, по-прежнему сориентированы на приоритет репрессивных целей, на подавление предложения и незаконного оборота наркотиков. Вопросам превенции наркотизма, понижению спроса на наркотики отводится, как правило, второстепенная роль. В оценках «правового персонала», в общественном мнении широко распространены установки на поддержку запретительно-репрессивных мер.

Одной из альтернатив как односторонне репрессивной, так и либеральной антинаркотической политики на современном этапе может быть стратегия, в основе которой лежит идея рестриктивного (ограничительного) социального контроля над наркотизмом [1]. Противодействие наркотизации подростково-молодежной среды в Татарии на протяжении 2002-2005 гг. осуществлялось с использованием ряда рестриктивных практик.

По данным ежегодного социологического мониторинга, в этот период динамика наркоситуации оказалась весьма обнадеживающей. Под воздействием рестриктивных мер по снижению массового спроса на наркотики среди подростков и молодых людей (наступательная пропаганда здорового образа жизни, антинаркотическое просвещение, развитие молодежного спорта и занятости, ограничение алкогольной рекламы и др.) состоялись позитивные перемены в среде городской, студенческой молодежи вузов и техникумов, в

кругу школьников. В результате определенного сокращения спроса на наркотики общий уровень наркотизации подростков и молодежи (в возрасте от 14 до 29 лет), характеризующий ту или иную степень наркопотребления, снизился в 2003 году до 18,6% (в 2002 году он составлял 25,6%). В последующие годы значение этого показателя стабилизировалось на отметке 20%. Уровень случайного наркопотребления, характеризующий опыт «одной или нескольких проб», стабилизировался в пределах 15%. Исследования показали, что в структуре подростково-молодежного наркопотребления доминируют каннабиноиды (до 81,1%). В 2005 году с 4,1% до 3,3% снизилось потребление героина, уменьшилось потребление наркотиков кокаиновой группы и фенилалкиламинов.

Было выявлено, что главными факторами запуска первой пробы наркотика, определяющими последующий опыт наркопотребления, остаются: любопытство, гедонизм, членство в группе и идентичность с группой при активном содействии уличной среды. Установлено, что опыт второй пробы в значительной мере детерминирован желанием подростка добиться желаемого удовольствия, быть как все, быть в группе при заметно меньшем влиянии ближайшего социального окружения и большей активности самого экспериментатора. На начальном этапе наркотизации на индивидуальное решение об отказе экспериментировать с наркотиками наибольшее влияние оказывают рациональные мотивы, здравый смысл – «стал умнее, одумался». Немалая роль в среде подростков-наркоэкспериментаторов принадлежит и факторам страха перед риском абстиненции, огласки наркопотребления, передозировки. Денаркотизации способствуют как фактор индивидуальной реакции («не получил удовольствия»), так и особенно социальное влияние референтной среды (семьи, близких людей, любимого человека, новых друзей, ориентированных на здоровый образ жизни).

Все эти детерминанты антинаркотизма, выявленные в ходе мониторинга, широко и результативно использовались в рамках антинаркотической профилактики по рестрикции подростково-молодежного наркопотребления в регионе.

Вместе с тем исследования показали, что не удастся остановить рост численности больных наркоманией в среде рабочих, учащихся ПТУ, студентов техникумов и частично вузов. Все еще низка эффективность ранней медицинской диагностики и контроля над распространением заболевания в силу его чрезвычайной латентности, общественного ригоризма по отношению к наркозависимым, неразвитости сферы анонимного лечения. В связи с этим в регионе наблюдается рост уровня заболеваемости наркоманией, характеризуемого мерой активного наркопотребления в настоящем. По итогам 2005 года он составил 4,7%. Продолжается и омоложение наркопотребления. В составе наркопотребителей растет доля возрастной категории до 10 лет и от 10 до 12 лет. Плохое воспитание, семейное неблагополучие, конфликтность, ранний опыт курения, токсикомании, алкоголепотребления, бездомности, аморализма, неуспешности – все это факторы ранней наркотизации детско-подростковой среды. В интересах оздоровления и денаркотизации подростков целесообразны более жесткие ограничительные меры на административно-правовом уровне по отношению к рекламе, продвижению и продаже табачных изделий, алкоголя. Необходимы и кардинальные перемены в сфере семейной политики, укрепления материального положения семьи, роли женщины в обществе. Анализ эмпирических данных показал, что в полных семьях, где неформальный социальный контроль за детьми является более плотным, общий уровень наркотизации в два раза ниже, чем в неполных семьях.

Заметим, что силам правопорядка, несмотря на напряженную работу, не удастся уголовно-репрессивными мерами

не только снизить, но и сдержать нелегальное предложение наркотиков. О доступности наркотиков, по данным опросов, заявляют в разные годы от 60,4% до 66% опрошенных. В среде подростков и молодежи репрессивно-запретительные меры остаются крайне неэффективными. Они слабо влияют на снижение масштабов наркотизации. Так, страх перед наказанием за пробы наркотиков останавливает только 3,1% респондентов. На отказ от наркотиков практически не влияет перспектива привлечения к уголовной (1,8%) и административной ответственности (1,1%) за их употребление. Не сдерживает и страх перед необходимостью совершать преступления для приобретения наркотиков (2,9%).

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005.

Социология девиантного поведения: истoki и этапы становления в России¹

Долгое время различные аспекты отклоняющегося от социальных норм поведения входили в предмет ряда социальных и правовых наук: философии, антропологии, психологии, психиатрии, теории государства и права, криминологии. Интерес к социологическому изучению девиаций среди ученых рос по мере становления индустриального общества в XIX–XX вв. Трудami многих исследователей (Ч. Ломброзо, А. Кетле, Э. Ферри, Ф. Листа, А. Принса, Э. Кречмера, Ф. Зака, С. Квенцеля, У. Шелдона, З. Фрейда, Э. Эриксона, Э. Фромма, Э. Дюркгейма, Р. Мертонa, А. Козна, Э. Сатерленда, Г. Беккера) были

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 1. С. 133–137.

созданы оригинальные антропо-биологические, психологические и социологические теории девиантного поведения.

Развитие девиантологических концепций получило мощный импульс в полипарадигмальных рамках мировой социологии с позиций теорий конфликта, функционализма, этиологического (причинного) и, особенно, понимающего (интеракционистского) объяснения различных форм девиантности. В результате абсолютное большинство современных зарубежных социологов и криминологов (С. Коэн, Р. Куинни, Г. Шнайдер, Г. Хесс, С. Шерер, Дж. Кара, Е. Гуд, Э. Шур, Дж. Шелли, Г. Лезьер, Э. Кармен, Р. Паркер, А. Терк, Н. Шовер, М. Лайне) рассматривают девиантное поведение как социальный конструкт, который описывает реальное социальное действие. Так, в частности, преступность есть релятивное, конвенциональное понятие (это то, что «конструирует» законодатель в качестве «преступного» здесь и сейчас в интересах властных элит или в результате компромисса конфликтующих сил)¹.

Общим местом в работах зарубежных исследователей выступают положения о том, что девиантность – интегративное свойство современного общества, а ее воспроизводство есть механизм, определяющий изменчивость социальных отношений и систем. Отсюда взаимосвязь хаоса и порядка, девиации и нормы в рамках конкретного культурного, исторического и социального контекстов нуждается в систематическом социологическом наблюдении, осмыслении наряду с другими общественными явлениями в их тесной взаимосвязи.

Отечественная социология девиантного поведения формировалась не только под идейно-теоретическим влиянием западноевропейской и североамериканской социологии, но и передовой русской юридической и социологической нау-

¹ См.: Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003.

ки начала XX века. В работах профессора Санкт-Петербургского университета Ивана Яковлевича Фойницкого «Влияние времен года на распределение преступности» (1873), «Курс уголовного права. Посягательства на личность и имущество» (1916), а также в монографии выдающегося ученика М.М. Ковалевского Питирима Александровича Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914) были заложены теоретико-методологические основы и традиции отечественной социологии девиантного поведения. Так, наряду с физическими и личностными факторами преступности, в работах российских классиков последовательно проводилась идея первенства ее социальной обусловленности («дурное экономическое устройство общества», «дурное воспитание»). В трудах И. Фойницкого, М. Духовского, Х. Чарыхова, А. Кистяковского, А. Жижиленко и особенно М. Гернета яркое развитие получила многофакторная теория нормонарушающего поведения.

В результате социологическое направление в познании феноменов девиантности в России утвердилось, стало господствующим. Колоссальную роль в развитии девиантологии сыграл Михаил Николаевич Гернет – один из самых прогрессивных юристов начала XX века. В своих работах «Социальные факторы преступности» (1905), «Детоубийство» (1911), «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества» (1916), «Моральная статистика» (1922) он расширил круг криминологических исследований до изучения других социальных явлений (алкоголизма, наркотизма, суицидального поведения, проституции), тесно связывая их с проблемой преступности. В числе первых ученых сделал вывод о том, что важнейшей причиной такого сложного социального феномена, как преступность, является общественное неравенство, «весь социально-экономический строй».

Несмотря на неблагоприятные политические условия, созданные тоталитаризмом, на запрет проводить эмпирические исследования, в советский период сложилась плеяда выдающихся социологически ориентированных криминологов: А. Герцензон, В. Кудрявцев, И. Карпец, В. Лунеев, А. Яковлев, Л. Спиридонов, Я. Гилинский, Г. Забрянский, Н. Кузнецова, Г. Миньковский, С. Вицин, К. Игошев, Ю. Блувштейн, Г. Аванесов, А. Алексеев, Ю. Антонян, А. Долгова и многие другие. Неслучайно В. Лунеев еще в конце 80-х рассматривал значительную часть исследований девиантного поведения в рамках криминологии как «социологию преступности», считая, что роль ее «неизмеримо возрастает»¹.

В недрах правоведения и обществоведения с начала 70-х годов стала постепенно складываться отечественная школа социологии девиантного поведения. Исследования социальных отклонений активно проводят в этот период ленинградские ученые В. Афанасьев, И. Маточкин, Я. Гилинский, И. Голосенко, С. Голод. Формируются специализированные научные коллективы в Москве (В. Кудрявцев, Б. Левин, Н. Копыта, В. Лапаева, Г. Силласте), Башкирии (А. Баимбетов), Белоруссии (Д. Ротман, Л. Новикова), Эстонии (А. Лепс, Э. Раска, Ю. Саар), Грузии (А. Габиани). Наряду с преступностью, в предметную сферу научных изысканий все чаще включаются те социальные отклонения, которые приобретают острое общественное звучание (бюрократизм и коррупция, алкоголизм и наркотизм).

Особая роль в институционализации отечественной социологии девиантного поведения в 80-е годы принадлежит академику В.Н. Кудрявцеву и его ученикам. Так, в составе Советской социологической ассоциации (ССА) с 1988 года по его инициативе успешно функционирует комитет соци-

¹ Лунеев В. Криминология на этапе перестройки // Социалистическая законность. 1989. №3. С.9.

ологии отклоняющегося поведения. Основным центром социологических исследований пьянства, алкоголизма и наркомании в 80–90-е годы становится сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологии АН СССР под руководством Б. Левина. Важно отметить, что в эти годы повысилась методологическая культура и научно-исследовательская активность в учебно-научных учреждениях системы МВД. Широкую известность получили труды В. Егоршина, В. Омигова, А. Гришко, Г. Заиграева.

В 90-е годы социально опасные отклонения в поведении личности и группы стали все чаще анализироваться не только с собственно криминологических, психологических, но и сугубо социологических, культурологических позиций, далеко выходящих за предметные рамки юриспруденции. Более того, социальная практика все настойчивее требовала проведения комплексных исследований феноменов девиации. Подобные изыскания не могли обойтись без феноменологического, системного, структурно-функционального, синергетического подходов к данной проблеме, которые, как известно, наиболее развиты и дополняют друг друга в обществоведении. В этот период на основе социологической методологии создавались конкретные методики комплексных исследований общеуголовной и организованной преступности, виктимного поведения, терроризма, коррупции, наркотизма, алкоголизма и проституции. Девиантологическая проблематика широко обсуждалась учеными в тесной связи с экономическими и политическими реформами в России.

Отказ от слепого следования «единственно верному учению», возрождение полипарадигмальной социологии в 90-е годы, рост социологических кафедр и профессионально подготовленного корпуса специалистов на новом историческом этапе привели к активному включению новой генерации обществоведов в изучение социальных проблем, девиантно-

сти и социального контроля. В итоге с конца 90-х гг. заметно расширяется география девиантологических исследований и центров в России. В годы реформ повышенный интерес к теории, эмпирическим данным и социологическим методам изучения различных форм девиантности проявляет все большее число отечественных исследователей.

Социологический подход к пониманию преступности содержат труды Я. Гилинского, Д. Шестакова, А. Яковлева, Г. Забрянского, А. Дьяченко. Интересные социологические результаты отражены в работах Л. Прокументова, А. Шеслера, Ю. Антоняна, Д. Ли, П. Кабанова, Б. Волженкина, В. Егоршина и многих других известных специалистов в области криминологии¹. Стали чаще выходить научные издания и учебные пособия, подготовленные на междисциплинарном стыке юриспруденции и социологии, психологии и социологии². В частности, содержательный учебный мате-

¹ См.: Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993; Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: учебное пособие. Красноярск, 1997; Антонян Ю.М. Преступная жестокость. М., 1995; Ли Д.А. Преступность как социальное явление. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997; Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000.

² См.: Гилинский Я.И. Девиантное поведение в зеркале социологии // Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля / отв. ред. Я.И. Гилинский. М., 1992; Гилинский Я.И. Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы // Социальный контроль над девиантностью. СПб., 1998; Гилинский Я., Кочетков Э., Подколзин В. Проблема наркотиков в Санкт-Петербурге // Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий / под ред. К. Афанасьева, М. Дмитриева. СПб., 1995; Социология молодежи: учебник / под ред. проф. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. университета, 1996; Кесельман Л. Социальные координаты наркотизма. СПб., 1999; Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000; Социология: учебник для юридических вузов. СПб.: Изд-во “Лань”, СПб. университет МВД России, 2000; Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность: учебно-научное

риал по психологии отклоняющегося поведения обобщен в работе Ю. Клейберга¹. Основные типы клинических форм отклоняющегося поведения описаны в книге В. Менделевича². Актуальные вопросы психологии отклоняющегося поведения личности (феноменология, механизмы детерминации и функционирования различных форм негативной девиантности) раскрыты в учебном пособии Е. Змановской³.

В этот период активно действует исследовательский комитет девиантологии и сектор девиантного поведения Института социологии РАН. В Санкт-Петербургском Институте социологии создается центр девиантологии. Отечественные исследователи стали постоянными участниками ежегодных конференций Европейского криминологического общества в Толедо (2002), Хельсинки (2003), Амстердаме (2004), Кракове (2005), Тюбингене (2006). Все это послужило дальнейшему развитию отечественной социологии девиантного поведения.

Интенсивная институционализация девиантологических исследований в России на новом историческом рубеже потребовала осмысления и привлечения зарубежного опыта теоретической рефлексии отклоняющегося поведения. В девиантологическом дискурсе стали активно развиваться: теория стигматизации, радикальная криминология, левый реализм, аболиционизм, феноменологическая криминология, феминистические теории преступности, конститутивная криминология, интегративные теории.

На современном этапе наиболее активно и результативно теоретические проблемы девиантологии, методологию иссле-

издание. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

¹ Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. М., 2001.

² Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения: учебное пособие. М.: Медпресс, 2001.

³ Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учебное пособие. 2-е изд. М., 2004.

дования различных форм негативной девиантности разрабатывают социологи Санкт-Петербурга. В итоге первое учебное пособие «Социология девиантного (отклоняющегося) поведения» было подготовлено в 1993 г. Я. Гилинским в соавторстве с В. Афанасьевым. Ряд крупных работ Я. Гилинского, его учеников и коллег привел к появлению в 2004 г. фундаментального научно-практического издания «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений"», в котором широко представлено описание теоретических основ, методологии и истории формирования социологии девиантного поведения и социального контроля. Этот труд доработан и выпущен в новой редакции.

Оригинальные социологические исследования проблем наркотизма и пьянства были выполнены в секторе девиантного поведения Института социологии РАН под руководством М. Поздняковой¹. Серия высокопрофессиональных работ по оценке социальных координат наркотизма в регионах России принадлежит Л. Кесельману и его коллегам². Фундаментальные труды по эмпирическому описанию феноменов девиантного поведения подготовлены Ф. Шереги, А. Арефьевым³.

Вместе с тем теоретические аспекты девиантологии представлены в научных работах и учебниках отечественных исследователей лишь частично и фрагментарно, не в полной мере они согласованы с результатами и выводами известных зарубежных исследований. Более того, понятийный аппарат,

¹ Позднякова М.Е. Социологический анализ наркомании. М.: ИС РАН, 1995; Наркомания как форма девиантного поведения / под ред. М.Е. Поздняковой. М., 1997; Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы / под общ. ред. М.Е. Поздняковой. М.: ИС РАН, 2002.

² Кесельман Л.Е. Социальные координаты наркотизма. СПб., 1999; Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Социальное пространство наркотизма. СПб., 2001.

³ Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика (социологический анализ). М.: ЦСП, 2003; Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2004.

теории, методы и результаты современной девиантологии, увы, все еще редко и в малом объеме используются некоторыми создателями отечественных монографий и учебных пособий по социологии и криминологии. Так, в первом учебном пособии «Социология для юристов» С. Курганова и А. Кравченко не содержится самостоятельного раздела или главы, посвященных вопросам теории и методологии изучения девиантного поведения¹. В учебнике для вузов «Юридическая социология» (ответственный редактор В. Глазырин) глава, посвященная проблемам девиантного поведения, содержит всего 20 страниц². В учебном пособии Ю. Гревцова «Социология права» из 312 только 16 страниц посвящено проблемам отклоняющегося поведения³. Из 770 страниц основательного учебника «Криминология», подготовленного большой группой правоведов под редакцией А. Долговой, всего 42 посвящены теориям девиации и их развитию за рубежом⁴.

Новые подходы и данные зарубежных исследований, терминология и концептуальные положения социологии девиантного поведения нашли достаточно полное отражение в работах Я. Гишинского, Т. Шипуновой, С. Иншакова, А. Салагаева, А. Кравченко, Ю. Комлева и других авторов. Удачный опыт преподавания, научного и учебно-методического обеспечения курса «Социология девиантного поведения» накоплен на социологическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова⁵. Отлич-

¹ Курганов С.И., Кравченко А.И. Социология для юристов: учебное пособие для вузов. М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1999.

² Юридическая социология: учебник для вузов. М.: Норма, 2000.

³ Гревцов Ю.И. Социология права: курс лекций. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 252–267.

⁴ Криминология: учебник для юридических вузов/ под общ. ред. доктора юрид. наук, проф. А.И. Долговой. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 397–439.

⁵ Шилова А.Н. Социология отклоняющегося поведения // Социол. исслед. 1994. № 3. С. 68–72.

ный учебник «Социология молодежи» выпущен группой российских социологов под руководством В.Т. Лисовского, где теориям девиации в контексте молодежных проблем посвящена отдельная глава¹.

Актуальные проблемы девиантологии стали предметом изучения все большего числа социологов в российских регионах. Вопросам девиантности и социального контроля на материалах, собранных в Башкирии, посвящено исследование С. Егорышева и В. Толкачева². Социологию наркотизации и новые антинаркотические практики активно разрабатывают в ульяновском научно-исследовательском центре «Регион»³. Концептуальные подходы и теоретические модели девиантного поведения в увлекательной форме описаны Т. Хагуровым и А. Маркиным в Краснодаре⁴.

Отрадно отметить, что увидели свет и содержательные работы ряда казанских авторов. Здесь следует выделить монографию А. Салагаева «Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий». Заслуживают внимания публикации по вопросам отклоняющегося поведения и диссертационные исследования, посвященные различным аспектам этой темы П. Кабанова, И. Гильманова, А. Казакова, В. Эпштейна, И. Туриянского Н. Шоетовой. Теоретико-методологические проблемы интегративного изучения девиантного поведения, социальные параметры, детерминанты и механизмы, региональные тенденции молодежного наркопотребления и алкого-

¹ Социология молодежи: учебник/под ред. проф. В.Т. Лисовского. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. С. 279–332.

² Егорышев С.В., Толкачев В.Б. Социология девиантного поведения: учебное пособие. Уфа, 1997.

³ Тринадцатый шаг: социология наркотизации / под ред. Е.Л. Омельченко. Ульяновск, 2002.

⁴ См.: Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию. Ростов-на-Дону, 2003; Маркин А.В. Социология преступности. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2006.

лепотребления отражены в работах Ю. Комлева и его коллег¹.

Ретроспективный анализ отечественных и зарубежных монографий, диссертаций, статей и учебной литературы дает основание полагать, что социология девиантного поведения как теория среднего уровня состоялась. Вместе с тем многие теоретико-методологические вопросы изучения девиантного поведения все еще остаются дискуссионными. Впрочем, и сама эта отрасль научного знания в различных работах именуется по-разному: либо социологией девиантного поведения и социального контроля, либо просто социологией девиантного поведения, либо социологией преступности, либо девиантологией.

Резюмируя, следует отметить, что предмет современной социологии девиантного поведения составляют закономерности развития и функционирования таких социальных феноменов, как девиация, дезорганизация и социальный контроль, присущие в различных своих проявлениях всем сферам человеческой жизнедеятельности, всем типам обществ. Его специфика состоит в том, что определение девиации зависит от исторически изменчивых социальных норм. Круг отклонений включает в себя как негативные формы противоправного (преступность, проституция, наркотизм), так и непротивоправного поведения (суицидальное поведение, гемблинг, принадлежность к «дурной компании», алкоголизм, футбольный фанатизм и др.). В предмет социологии девиантного поведения входят и позитивные отклонения: научное и социальное творчество.

Социология девиантного поведения сосредоточена на понимании и объяснении отклонений, исходя не столько из

¹ См.: Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005; Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. 2-е изд. дополн. и перераб. Казань: КЮИ МВД России, 2006; Комлев Ю.Ю. Основы социологии для юристов: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2006.

специфики личности девианта, сколько закономерностей процессов социального взаимодействия и культуры, условий социальной среды, социальной структуры, системы социального контроля и социализации. К наиболее важным категориям социологии девиантного поведения относятся понятия «социальной нормы», «девиации», «аномии», «дезорганизации», «социального контроля», «девиантной социализации», «девиантной субкультуры», «девиантной карьеры». Вокруг предмета социологии девиантного поведения продолжаются научные споры. Нет согласия относительно времени становления и развития этой отрасли социологии. В частности, Я.И. Гилинский считает, что «зарождение социологии девиантного поведения» связано с именем выдающегося французского социолога Эмиля Дюркгейма. Институционализацию ее в качестве «самостоятельного научного направления» за рубежом он связывает с именами Р. Мертона и А. Коэна.

На рубеже XXI века социология девиантного поведения переживает в России новый динамичный этап своего развития. Интерес ученых к девиантологической теории растет неслучайно, поскольку в транзитивном обществе наблюдаются его массовая девиантизация и снижение эффективности формального социального контроля. О «кризисе наказания» и «тупиках» в его развитии ныне отчетливо заявляют многие авторитетные отечественные исследователи: Э. Побегайло, В. Лунеев, Д. Шестаков, С. Милуков, Я. Гилинский. Впрочем, этот факт отмечают и зарубежные ученые: Мэтиссон, Кристи, – имея в виду «мировой кризис наказания».

Данные статистики и опросов показывают, что продолжается рост преступности, особенно сравнительно низколатентных ее форм: грабежей, разбойных нападений, хулиганства. Нетерпимо высоко поднялся уровень убийств и иных насильственных преступлений. Растет уличная преступность. Все эти изменения происходят на фоне отсутствия социальной об-

условленности уголовного права, поскольку оно не выражает и не учитывает интересы большинства населения страны; рас-
согласования уголовного и процессуального законодательства (форма важнее содержания, в правоприменительной практике продолжается погоня за формальными показателями); выхо-
лащивания превентивной функции уголовного законодатель-
ства; утверждения классового характера правосудия, поскольку острее уголовной репрессии в целом обращено против
неимущих классов, не способных «отмазаться», откупиться.

Между тем «преступность доминирования», по Р. Куин-
ни, или преступность богатства остается практически без-
наказанной. Достаточно только обратить внимание на от-
сутствие дел о коррупции и отмену конфискации имущества
как меры уголовного наказания. Заметна «феодализация»
государства и права, поскольку повсеместно в стране фор-
мируются традиции клановости, nepотизма, несменяемости
и неподсудности власти.

Осмысление этих сложных социальных проблем переход-
ного периода российского общества требует, как представ-
ляется, развития интегративной девиантологии, поскольку
постмодернизм, релятивизируя знания, убедительно пока-
зал, что нет и не может быть «единственной» теории. Оче-
видно и то, что эвристический потенциал отдельно взятых
традиционных криминологических и социологических мо-
делей девиантности и делинквентности оказывается недо-
статочен для совершенствования социального контроля в
современных динамичных условиях. Неслучайно Я.И. Ги-
линский утверждает, что «нужна новая, «сумасшедшая» те-
ория, способная понять непонимаемое».

Словом, назрела необходимость в поиске новых интег-
ративных теоретико-методологических оснований для иссле-
дования различных форм «нерасчлененной» девиантности,
разработки адекватных мер по совершенствованию обще-

социальной и специальной профилактики девиантных проявлений. Однако эта актуальная задача современного этапа развития социологии девиантного поведения по плечу лишь новому поколению ученых, свободных от стереотипов дифференциации и идеологизации научного знания.

Индексы девиантизации и наркотизации подростково-молодежной среды Татарстана¹

Из положения девиантологии о балансе социальной активности подростков и молодежи в определенном пространственно-временном континууме следует, что при росте интенсивности (уровня) одних форм активности, например, негативных (п – негативные девиации: преступность, алкоголизм, наркотизм, суицидальное поведение и др.), происходит снижение интенсивности других ее форм: позитивных (р – позитивные девиации: социальное, техническое, художественное и научное творчество) и конформных – по принципу сообщающихся сосудов.

В интересах нейтрализации негативных форм девиантного поведения, стимулирования позитивной социальной активности, конформизма, «канализации» социальной энергии молодых людей в социально-конструктивном направлении, в русле профессионального становления и роста необходима детальная оценка девиантной активности различных социально-демографических групп подростков и молодежи. Автором по эмпирическим данным, собранным

¹ Комлев Ю.Ю. Индексы девиантизации и наркотизации подростково-молодежной среды Татарстана // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Проблемы преступности молодежи и толерантность». Казань, 2006.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05-03-29302a/В.

в октябре 2005г. в ходе республиканского репрезентативного опроса подростков и молодежи в возрасте от 14 до 29 лет, были исчислены индексы (коэффициенты) девиантной активности (К), которые раскрывают вклад той или иной социально-демографической группы в девиантность и ее распространение в подростково-молодежной среде Татарстана.

Индексы девиантности рассчитываются по формуле: $K=N/M$, где N – доля (в %) той или иной социально-демографической группы среди всех девиантов; M – доля (в %) той или иной социально-профессиональной группы в составе молодежи от 14 до 29 лет (см.: табл.1).

Как видим, не во всех выделенных социально-демографических группах подростков и молодежи коэффициенты негативной девиантной активности больше 1. Это означает, что в подростково-молодежном сообществе повышенная негативная девиантная активность распространена неравномерно и сосредоточена в определенных социальных средах. Так, наименьшие значения индексы активности табакокурения, алкоголизации, наркотизации принимают среди детей представителей гуманитарной интеллигенции, в подростково-школьном сообществе.

Наибольшие значения индекса активности табакокурения отмечены среди крестьянской (2,1) и рабочей (1,7) молодежи, в кругу детей технической интеллигенции (1,1). Коэффициент алкогольной активности достигает максимума в крестьянской среде (3,5), где молодежь пользуется алкогольными напитками наиболее интенсивно. Этот показатель больше 1 в кругу молодых рабочих (1,6), в среде молодых представителей технической интеллигенции (1,4), среди студенческой вузовской молодежи (1,2). Индекс наркотизации приобретает наибольшие значения среди учащихся ПТУ (1,9), в рабочей среде (1,6), в кругу студентов техникумов (1,1).

Отсюда следует, что негативная девиантная активность в

Таблица 1. Распределение индексов (коэффициентов) девиантной активности

Индексы девиантной активности								
Девианты (зависимые от табака – «да, курю постоянно»)			Девианты (зависимые от спиртного (пиво, вино, водка) – «да, употребляю постоянно»)			Девианты (зависимые от наркотиков – да, пробовал наркотик (от случая к случаю, регулярно «легкие», регулярно «тяжелые»)		
Расчет индекса табачной активности			Расчет индекса алкогольной активности			Расчет индекса наркотической активности		
Девианты–алкоголики в группах	Группы в составе молодежи	Индекс табакокурения	Девианты–алкоголики в группах	Группы в составе молодежи	Индекс алкоголизации	Девианты–алкоголики в группах	Группы в составе молодежи	Индекс наркотизации
Рабочие N1= 36,6%	Рабочие M1=21,1%	K1=1,7	Рабочие N1=34,4%	Рабочие M1=21,1%	K1=1,6	Рабочие N1= 33,7%	Рабочие M1=21,1%	K1=1,6
Служащие N2= 8,4%	Служащие M2=12,1%	K2=0,7	Служащие N2=9,0%	Служащие M2=12,1%	K2=0,7	Служащие N2= 9,7%	Служащие M2=12,1%	K2=0,8
Гуманитарная интеллигенция N3= 1,5%	Гуманитарная интеллигенция M3= 4,1%	K3=0,4	Гуманитарная интеллигенция N3=1,8%	Гуманитарная интеллигенция M3=4,1%	K3=0,4	Гуманитарная интеллигенция N3=1,0%	Гуманитарная интеллигенция M3=4,1%	K3=0,2

Техниче- ская интел- лигенция N4= 4,7%	Техниче- ская интел- лигенция M4= 4,3%	K4=1,1	Техниче- ская интел- лигенция N4=6,0%	Техниче- ская интел- лигенция M4=4,3%	K4=1,4	Техниче- ская интел- лигенция N4=2,9%	Техниче- ская интел- лигенция M4=4,3%	K4=0,7
Крестьяне N5=2,5%	Крестьяне M5=1,2%	K5=2,1	Крестьяне N5=4,2%	Крестьяне M5=1,2%	K5=3,5	Крестьяне N5=1,0	Крестьяне M5=1,2%	K5=0,8
Учащиеся N6=30,3%	Учащиеся M6=45,2%	K6=0,7	Учащиеся N6=30,7%	Учащиеся M6=45,2%	K6=0,7	Учащиеся N6=35,5%	Учащиеся M6=45,2%	K6=0,8
Студенты вузов N7=13,0%	Студенты вузов M7=13,5%	K7=1,0	Студенты вузов N7=16,3%	Студенты вузов M7=13,5%	K7=1,2	Студенты вузов N7=11,3%	Студенты вузов M7=13,5%	K7=0,8
Студенты техникумов N8= 5,2%	Студенты техникумов M8=6,4%	K8=0,8	Студенты техникумов N8=6,6%	Студенты техникумов M8=6,4%	K8=1,0	Студенты техникумов N8=6,8%	Студенты техникумов M8=6,4%	K8=1,1
Учащиеся ПТУ N9= 4,2%	Учащиеся ПТУ M9= 4,6%	K9=0,9	Учащиеся ПТУ N9=4,2%	Учащиеся ПТУ M9=4,6%	K9=0,9	Учащиеся ПТУ N9=8,7%	Учащиеся ПТУ M9=4,6%	K9=1,9
Школьники N10= 7,9%	Школьники M10=20,7%	K10=0,4	Школьники N10=3,6	Школьники M10=20,7%	K10=0,2	Школьники N10=8,7	Школьники M10=20,7%	K10=0,4

форме наркотизма и алкоголизма в наибольшей мере характерна для молодых рабочих и учащихся по программам среднего специального профессионального образования. Рассчитанные индексы показывают наличие интерференции табакокурения, алкоголепотребления и наркопотребления. Интерференция негативных девиаций в подростково-молодежной среде, нарушение баланса социальной активности в современных условиях выражаются в росте уровня и масштабов девиантизации при соответствующем сокращении конформного и позитивного девиантного поведения подростков и молодежи.

Таким образом, социально-профессиональные группы молодых рабочих, учащихся ПТУ и студентов техникумов вносят наибольший вклад в наркотизацию подростково-молодежной среды, что убедительно подтверждает тезис о девиантизации как реакции молодежи на фрустрацию социально-профессионального статуса, на бесперспективность профессиональной программы рабочего или мелкого клерка в условиях капиталистического общества и рыночного транзита России.

Приближение к решению проблемы понижения масштабов девиантизации и наркотизации подростково-молодежной среды в рамках целевой профориентации и перспективной занятости рабочей молодежи видится через реализацию специальных программ и усилий по «нормализации» ее социально вынужденного девиантного поведения из-за проблем в сфере профессиональной учебы, труда и занятости, доходов. Это направление общесоциальной профилактики могло бы откорректировать баланс социальной активности подростков и молодежи, повлиять на стабилизацию масштабов девиантизации подростково-молодежной среды.

Совершенствование взаимодействия правовых институтов и средств массовой информации на принципах социально ориентированной организации и представления правоохранительной деятельности¹

В условиях реформы правовой системы России особое место принадлежит совершенствованию отношений правовых институтов с обществом и его структурными элементами. Ряд исследователей справедливо концентрирует научный поиск на изучении таких отношений в связи с выявлением, регистрацией и учетом преступлений, обеспечением доступа граждан к правосудию². Между тем характер взаимодействия между правовыми институтами и населением в мультикультурном, полиэтническом, поликонфессиональном российском обществе в рамках демократической формы правления во многом детерминирован типом организации правоохранительной деятельности и характером презентации общественности ее результатов.

Коммуникативная ситуация в отечественном медиа-пространстве характеризуется интенсивным развитием процессов виртуализации или замещения социально-правовой реальности образами и симулякрами. В масс-медиа утверждаются нормы диалогичности и тематического многообразия, оценочного плюрализма, что требует решительного развития партнерских, прямых и обратных информационных связей между правовыми институтами, в частности, органами внутренних дел и средствами массовой информации. Традиционные информационно-пропагандистские модели и приемы, ориентированные только на контакты с подконтрольными СМИ, социально не эффективны и не по-

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2007. №. 4. С. 103–108.

² См.: Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратьев Л.В. Улучшение отношений граждан и милиции. Научный доклад. М.: Инфра-М, 2001.

зволяют поддерживать гармоничные отношения ОВД с широкими слоями общественности.

Исследование информационных процессов, проведенное в Казанском юридическом институте МВД России, в рамках институционального и интегративного подходов, а также обобщение отечественного и зарубежного опыта работы правовых институтов по связям с общественностью позволили концептуализировать в первом приближении модель коммуникативного взаимодействия в системе «ОВД–СМИ»¹. Аналитически ее можно представить как особую функцию, принимающую определенные значения-состояния и зависящую от ряда переменных $Y=F(X_1, X_2, X_3, X_4)$. Причем, X_1 характеризует концептуальные основания представления правоохранительной деятельности в СМИ, X_3 – модели состояния и функционирования СМИ; X_4 – типы коммуникативной деятельности ОВД; X_2 – коммуникативные технологии. Эта функция достигает оптимума в условиях виртуализации социально-правовой реальности при определенных параметрических значениях переменных $Y=F(P_1, P_2, P_3, P_4)$ ². Коммуникативное взаимодействие ОВД и СМИ оптимизируют следующие параметры: P_1 – социально ориентированное представление правоохранительной деятельности в СМИ; P_2 – паблик рилейшенз и реклама как эффективные коммуникативные технологии; P_3 – модель специфического состояния и функционирования отечественных СМИ как результат их рыночной институционализации; P_4 – открытая системная модель коммуникативной деятельности ОВД.

¹ См.: Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 25–31.

² Оптимальность здесь следует понимать как результат того, что набор выделенных параметров модели приводит к формированию сбалансированного позитивного общественного мнения о правоохранительной деятельности и институтах ее реализации.

Среди параметров оптимизации концептуальное значение имеет социально ориентированное представление правоохранительной деятельности в масс-медиа. Рассмотрим этот аспект модели детально.

Как известно, поиск новых информационных структур и форм коммуникативной деятельности ОВД стал возможен во второй половине 90-х годов XX века в результате первых попыток реформирования правоохранительной системы в соответствии с требованиями политической системы демократического типа. Об этом свидетельствуют нормативные документы МВД России, регламентирующие создание специальных отделов (управлений) информации и общественных связей¹. Однако появление этих новых структурных подразделений произошло во многом реактивно, без необходимой концептуальной проработки механизмов, приемов и форм коммуникативной деятельности в условиях виртуализации и переходного состояния российского общества. Из нормативно-правовых источников недостаточно ясно, на каких принципах, какой именно образ милиции и ее персонала необходимо формировать ведомственным информационным структурам.

Разработка концептуальных оснований представления в СМИ правоохранительной деятельности и в настоящее время является чрезвычайно актуальной научно–практической задачей. Она требует всестороннего исследования и учета зарубежных подходов и опыта организации полицейской коммуникативистики.

Известно, что в течение последних 20–25 лет в странах с развитыми демократическими традициями образ полицейского стал символизировать в общественном сознании политиче-

¹ См.: Об организации отделов (отделений, групп) информации и общественных связей: приказ МВД России № 231 от 16.04.97. М., 1997; О мерах по совершенствованию организации изучения общественного мнения в деятельности органов внутренних дел: приказ МВД России № 337 от 4.06.97. М., 1997.

скую стабильность, законность, моральный консенсус. Однако рост насилия, не прекращающийся с середины 1950-х годов, показывает западным налогоплательщикам, что полиция без увеличения финансовых расходов и помощи населения не может эффективно осуществлять контроль над преступностью.

Вопросам коммуникативного взаимодействия полиции и СМИ, полиции и общественности, исследованию символического представления правоохранительной деятельности, а также стратегиям развития полицейских организаций посвящено в последнее время немало работ социологов, политологов и криминологов в странах с постиндустриальной социальной структурой¹.

Анализ ряда положений из этих работ показывает, что правовые нормы, регламентирующие статус и работу правоохранительных органов зарубежных стран, требуют от полицейских выполнения, по сути, двух важнейших социально-правовых задач: а) раскрывать и предупреждать преступления – во имя общественной безопасности; б) охранять жизнь, собственность, права и свободу гражданина – во имя безопасности личности.

Мировой практикой были выработаны различные концепции институтов полиции, адекватные конкретным местным условиям и культурно-историческим традициям. При этом эффективные современные системы полицейских коммуникаций все чаще опираются на различные варианты со-

¹ See: Morgan Rod, Newburn Tim. The Future of Policing. Oxford University Press. 1997; Backey T. Policing and the Public: Findings from the 1994 British Crime Survey, Home Office Research Findings no. 28. London: Home Office, 1995; Skogan Wes. «Public opinion and the police», Themes in Contemporary Policing. London: Police Foundation/policy Studies Institute, 1996; Herman Goldstein. Problem-Oriented Policing. McGraw-Hill, Inc., 1990; Marcus Felson. Crime and Everyday Life. Pine Forge Press, 1998; Slater, Harold R. & Martin Reiter. A Comparative Study of Factors Influencing Police Recruitment // Journal of Police Science and Administration. 1988. Vol. 16. № 3. P. 168-176.

циальной модели, сводящейся к тому, что полиция должна «поддерживать правопорядок, предупреждать преступления, оказывать помощь населению»¹.

Исследуя различные варианты организации правоохранительной деятельности, можно выделить два принципиально разных теоретико-методологических подхода к осуществлению полицейской власти: военный и социальный. Подавляющее большинство полицейских систем современности находятся в рамках этого континуума, включая элементы того и другого подхода. Принципиальные различия между военной и социальной моделями полицейских организаций сгруппированы в таблице 1.

Таблица 1

ВОЕННАЯ ПОЛИЦИЯ ориентация на	СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИЦИЯ ориентация на
Закон и порядок	Преступления и беспорядки
Реактивный процесс	Превентивный процесс
Общегосударственные интересы	Локальные интересы
Инцидент	Решение социальной проблемы
Ожидания государства	Ожидания общества
Централизацию	Децентрализацию
Юридическую ответственность	Ресоциализацию и реабилитацию
Формальный контроль	Неформальный контроль
Организационное деление (структуру)	Сотрудничество и партнерство
Изъятие информации у членов общества	Предоставление информации членами общества

В 70-е и особенно в 80–90-е годы XX века в развитых странах Запада СМИ, социальные организации, широкие общественные слои и общности стали все больше влиять на сферу борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности. Были усовершенствованы механизмы

¹ Shane P. Police and People: A Comparison of Five Continents, St.Louis, Miss., 1980. P. 202.

общественного контроля и парламентской демократии за бюджетными средствами, предназначенными для содержания полиции. Повысился уровень участия общественности и социальных организаций в полицейских программах по превенции преступности и негативной девиантности.

Полицейские ведомства развитых стран и сегодня постоянно ведут измерение и учет общественного мнения, широко используют материалы социологических исследований. В полиции точно отслеживают все колебания общественного недовольства ее работой и оперативно реагируют на них. Органы правопорядка стремятся поддерживать привлекательность своего образа, все чаще решают социальные проблемы местных сообществ, пытаются больше соответствовать общественным ожиданиям и запросам населения, проявляя к группам риска виктимизации и жертвам преступлений сочувствие и понимание. За состояние правопорядка и безопасности полицейские в первую очередь отчитываются перед общественностью, а не ведомственными структурами, поэтому правоохранительная деятельность в полной мере является социально ответственной.

Это становится возможным благодаря тому, что в полицейских системах развитых стран все более отчетливо проявляются элементы модели социальной полиции, происходит демократизация этого традиционно авторитарного социального института. Использование преимуществ социальной модели в современных условиях особенно результативно при решении местных проблем по превенции преступности, а также организации коммуникативного взаимодействия полиции со СМИ и общественностью. При этом сохраняются и совершенствуются некоторые элементы модели военной полиции, поскольку на практике не удастся полностью от них отказаться, так как правовое реагирование на многие криминальные явления (организованная преступность, тер-

роризм, бандитизм, массовые беспорядки) невозможно без применения мер силового воздействия.

Транзит военных моделей и практик полицейской организации в сторону социальных моделей создает условия для восстановления доверия общества по отношению к правоохранительной деятельности и правовым институтам. Общественная поддержка полицейских организаций, в свою очередь, несомненно, повышает участие граждан в реализации программ социального контроля, в обеспечении общественной безопасности и улучшает качество жизни тех, кому полиция призвана служить по закону. В рамках социальной модели возрастает значение общественного диалога, партнерства, двусторонних и многосторонних коммуникативных связей между полицией и СМИ.

Во многих европейских странах и, особенно, в Великобритании, начиная с 80-х годов, в деятельности полиции делается сильный акцент не на применение силы, а на «служение обществу». За последние 20 лет развитие систем коммуникативного обмена между британской полицией, СМИ и обществом эволюционировало от односторонней информационно-пропагандистской схемы в рамках военной модели (1980 г.) в сторону интегрированной в рамках концепции социальной полиции (программа HMSO, 1999 г.). Интегрированная модель коммуникации обеспечивает двусторонние и многосторонние разнонаправленные коммуникативные связи между полицией и СМИ, полицией и общественностью, полицией и местными органами власти, полицией и другими социальными организациями.

Как видим, главное достоинство модели социальной полиции состоит в том, что за счет развитой системы коммуникаций со структурными элементами территориального сообщества (местными властями, организациями, институтами, общественностью) полицейская деятельность информаци-

онно более открыта, ориентирована на комплексное решение социальных проблем и превенцию правонарушений в интересах местного сообщества. Переход от реактивного реагирования на криминальные инциденты к обеспечению правопорядка в комплексе, к превенции преступности и негативной девиантности стал во многом возможен благодаря развитию коммуникативных механизмов двустороннего и многостороннего информационного обмена со СМИ и другими институтами гражданского общества, сотрудничества и партнерства.

В полицейской практике стран с развитой политической системой все большее значение отводится работе не столько с тяжкими преступлениями, сколько с менее социально опасными, но массовыми гражданско-правовыми и административными деликтами. Именно эти правонарушения наиболее негативно воздействуют на уровень и качество жизни людей, на их восприятие криминальной реальности и оценку состояния своей личной и общественной безопасности.

Цели ресоциализации и реабилитации правонарушителей, соблюдение прав и свобод личности, а также меры неформального социального контроля в этом случае становятся более приоритетными в социальной и правоохранительной деятельности полицейских сил. Превенция преступности и негативной девиантности определяется в этом случае как более значимая задача полиции, чем осуществление репрессивных акций. Модель социальной полиции является более гибкой по сравнению с военным вариантом в силу большей децентрализации и децентрализации ее организационной структуры. Это дает возможность полицейским лучше ориентироваться в ситуациях на местах, справляться с новыми и сложными социально-правовыми проблемами современности. В итоге формируется значительно больше информационных поводов для позитивного информирования общественности о результатах не столько репрессивной, сколько правозащитной деятельности полиции.

Эффективные варианты сочетания элементов военной и социальной моделей полиции широко представлены в правоохранительной практике европейских стран. Так, впечатляющие примеры общественной поддержки полиции, построенной на основе подобного синтеза, дают опросы общественного мнения в Австрии и Германии. В этих странах традиционно высок престиж полицейских органов, а уровень доверия к ним нередко превышает аналогичный показатель местного правительства или парламента¹.

В настоящее время в рамках социально ориентированной модели полиции в США и развитых европейских странах создана колоссальная по разветвленности сеть социально-коммуникативных взаимодействий полицейских структур с населением по самым различным направлениям. Правоохранительную деятельность на современном этапе транслируют в общество с помощью СМИ ведомственные аналитики и коммуникативисты, а также журналисты и общественные деятели, сотрудничающие с институтами правопорядка. При этом они не только активно информируют общественность, позитивно представляя полицейскую работу, но и предупреждают слухи, парируют негативные сообщения, лоббируют ведомственные интересы.

Полиция постоянно стимулирует участие журналистов в многосторонних коммуникативных связях и полицейских программах. Наряду с поддержкой активности граждан в обеспечении общественной безопасности и правопорядка, значительная доля усилий предпринимается полицейскими аппаратами для того, чтобы поддерживать «климат доверия» к своей деятельности с помощью СМИ. По информационным каналам на повестку дня ставятся темы успешного патрулирования; предоставления помощи людям, оказавшимся в

¹ Основные факторы, влияющие на рост авторитета полиции в некоторых зарубежных странах. Зарубежный опыт. М.:ГИЦ МВД России, 1998. Выпуск 10. С. 2.

трудных ситуациях (на дорогах, в результате бедствий и происшествий); контроля за санитарным состоянием населенных пунктов, по борьбе с наркотиками и уличной преступностью. В итоге социальная роль полиции в системе отношений «полиция-общество» определяется тем, что правоохранительная деятельность «соединяет закон со свободой»¹.

Анализ социальных моделей полицейской деятельности и коммуникативных практик правоохранительных структур развитых стран позволяет подчеркнуть продуманность и высокий уровень организации информационной работы органов правопорядка со СМИ и населением. Достаточно сказать, что по всем линиям общественных связей разрабатываются специальные информационные программы. Особенно эффективны проекты по представлению профилактической и социальной деятельности правоохранительных учреждений; по широкому освещению передового опыта, полицейских ритуалов и праздников; по развитию публичных выступлений полицейских руководителей перед телевизионными и газетными аудиториями, целевыми социальными группами.

Хорошо организованное позитивное отражение в материалах СМИ служебной деятельности полиции по решению актуальных социально-правовых проблем, результатов внедрения программ получения информации от населения о совершенных преступлениях, а также актуальных мер по профилактике преступности, наркотизма и алкоголизма среди подростков и молодежи эффективно способствует росту доверия к полицейским со стороны общества. Позитивный имидж полиции позволяет ей не только эффективно укреплять сотрудничество с населением, институтами власти и гражданского общества, но и результативно контролировать преступность и другие виды негативной девиантности, решать свои кадровые и финансовые задачи.

¹ Knight R. The Police Role in our Permissive Society // ICPR. 1977. P. 208.

В рамках социальной модели полицейская работа далеко выходит за рамки традиционно репрессивного «правоприменения», поскольку немалая доля усилий и времени блюстителей порядка расходуется на решение собственно социальных проблем с широким общественным участием. Неслучайно ведомственные информационные центры, службы по связям с общественностью, СМИ, киноиндустрия представляют полицейских в образе «солдат спасения», постоянно занятых проявлением заботы об общественном благе.

Резюмируя изучение моделей полицейских организаций в широком социально-правовом контексте, а также современных коммуникативных подходов и практик можно сформулировать ряд принципиальных положений социально ориентированного представления правоохранительной деятельности и ее институтов в масс-медиа. Среди них: ориентация не только на борьбу с преступностью, но и правозащитную деятельность; обеспечение информационной открытости ОВД, диалога, сотрудничества и партнерства с общественностью и институтами гражданского общества; общественный контроль; учет интересов и социальных ожиданий широкой общественности; социальная ответственность; ориентация на решение социальных и правовых проблем местных сообществ с освещением результатов в СМИ; позитивное информирование и формирование правосознания; приоритетное отражение превентивной деятельности; использование материалов социологических исследований.

Практическая реализация принципов социально ориентированного представления правоохранительной деятельности заметно укрепляет «климат доверия». Она требует постепенного отхода от приоритетного тиражирования символического клише, в котором превалирует силовой абрис организации (модель военной полиции), осуществляющей преимущественно специальные и репрессивные функции по

борьбе с преступностью и различными формами негативной девиантности. Силовая составляющая в имидже органов внутренних дел не должна превалировать над символизацией социальных и правозащитных функций милиции, несмотря на авторитарные ожидания части общественности относительно эффективности «сильной руки» и жесткой милицеской власти по обеспечению законности и правопорядка.

Таким образом, последовательный, постепенный переход к социально ориентированной модели милиции и правоохранительной деятельности с артикуляцией в СМИ ее символической версии – один из эффективных путей совершенствования коммуникативного взаимодействия ОВД со СМИ и общественностью, а также укрепления общественного доверия к государству и его правовым институтам.

Наркотизация подростков и молодежи: особенности структурно-динамических изменений (по итогам регионального мониторинга)¹

Одна из наиболее сложных и острых социальных проблем современного российского общества состоит в девиантации подростково-молодежной среды, что проявляется в стремительном росте и одновременно интерференции различных проявлений негативной девиантности, особенно наркотизма, алкоголизма, преступности, проституции.

Во многом этот процесс детерминирован рыночной структуризацией российского общества на узкий слой «inclusive» («включенных») – богатых и множество «exclusive» («исключенных») – бедных, в основе которого лежит невиданный рост социально-экономического неравенства, увели-

¹ Сборник материалов 2-й Всероссийской научно-практической конференции «Феноменология девиантного поведения». Краснодар: КУ МВД России, 2008. С. 56–59.

чение степени «разрыва» в возможностях удовлетворения витальных и социальных потребностей людей. Об этом убедительно свидетельствует ежегодный рост значений экономических индексов, таких как: децильный коэффициент, характеризующий дифференциацию доходов и индекс Джини, показывающий их концентрацию. Не является исключением и Республика Татарстан, где индекс Джини вырос с 2003 по 2007 годы с 0,388 до 0,410, в итоге 20% наиболее обеспеченных жителей региона получают 47% от всех доходов.

Рыночный транзит России привел к тому, что на периферию социально-экономических возможностей и перспектив выносятся, в первую очередь, лица несовершеннолетнего возраста и молодые люди до 30 лет из социально обездоленной среды – среды «исключенных». Ее представители создают самую многочисленную группу риска девиантизации в подростково-молодежном сообществе, которое выступает объектом эмпирических девиантологических исследований.

В Казанском юридическом институте МВД России, наряду с разработкой теоретических проблем рестриктивного социального контроля над различными формами негативной девиантности, интегративного девиантологического дискурса, систематически ведется региональный социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды [1].

Обобщение результатов исследований позволяет вполне реалистично оценивать особенности структурно-динамических изменений этого процесса, изучать социальный эффект от реализации программ социального контроля над наркотизмом. Картина развития наркоситуации на примере Татарии в определенной мере социально типична. Она вполне может характеризовать состояние и перемены наркоситуации в тех регионах страны, где в той или иной мере реализуются рестриктивные антинаркотические практики, ориентированные, прежде всего, на снижение спроса,

реабилитацию наркопотребителей, а также репрессивные меры, обращенные против организаторов наркобизнеса. Рассмотрим наиболее характерные ее измерения.

1. Масштабы и динамика наркотизации. Эмпирическая оценка масштабов и динамики наркотизации подростково-молодежного сообщества осуществляется в ходе мониторинга по трем индексам: общий уровень наркотизации, уровень активного наркопотребления или заболеваемости наркоманией и уровень случайного наркопотребления¹.

Обобщение эмпирических данных показывает, что в регионе реально снизились масштабы наркопотребления. Причем с 2003 по 2007 годы удается удерживать наркоситуацию под контролем, поскольку общий уровень наркотизации стабилизировался в пределах 19–20%. Позитивную динамику демонстрируют и другие контролируемые индексы (см. рис. 1).

Полученный социальный эффект стал возможным за счет

¹ *Общий уровень наркотизации* – специально сконструированный по методике исследования интегрированный индекс, который характеризует ту или иную степень причастности к опыту потребления наркотиков и определяется как сумма значений трех индексов активности наркопотребления: уровень случайного наркопотребления, уровень поставившего наркопотребления, уровень активного наркопотребления.

Уровень случайного наркопотребления – одна или несколько проб («все-го один только раз попробовал(-а) наркотик» или «несколько раз попробовал(-а) наркотики») характеризует определенную активность наркопотребления как практику экспериментирования с наркотиками.

Уровень активного наркопотребления – сейчас активно («редко от случая к случаю, не каждый месяц пользуюсь наркотиками в настоящее время» или «регулярно (раз в месяц и чаще) пользуюсь какими-либо «легкими» наркотиками (анаша, гашиш, марихуана и т.п.)» или «регулярно пользуюсь какими-либо «тяжелыми» наркотиками (героин, кокаин и т.п.). Уровень активного наркопотребления сейчас эмпирически характеризует меру заболевания наркоманией, которая фиксируется не на основе медицинского диагноза, а субъективно респондентом как «активное наркопотребление», то есть как прием наркотиков с высокой частотой. При использовании данного индекса нужно иметь в виду, что заболевание наркоманией, как правило, имеет отсроченный характер.

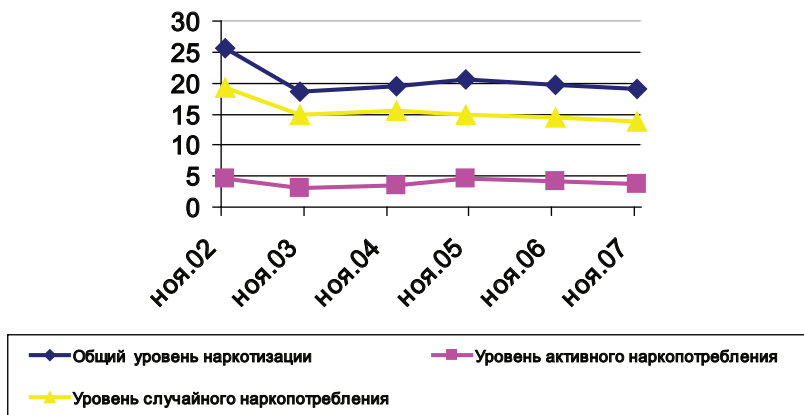

Рис.1. Динамика уровней наркотизации подростково-молодежной среды

применения ряда рестриктивных мер, реализованных в ходе исполнения целевых программ профилактики наркотизации населения Республики Татарстан, направленных на обеспечение мер общесоциальной и специальной профилактики наркотизма. Наиболее результативными в плане снижения уровня случайного наркопотребления в среде подростков и молодежи оказались практики антинаркотической и антиалкогольной пропаганды; правовое просвещение; укрепление семейной политики; ограничение рекламы табака и алкоголя; развитие условий для активизации позитивной занятости подростков и студенческой молодежи (досуг, работа, учеба, спорт).

2. *Индексы предложения и доступности наркотиков.* Стабилизация наркоситуации в регионе во многом зависит и от эффективности уголовно-правового контроля над предложением и незаконным оборотом наркотиков, ценовых факторов. Эмпирическую оценку предложения наркотиков как меры их доступности на нелегальном рынке позволяет в определенной мере реконструировать распределение значе-

Рис.2. Динамика уровня доступности наркотиков в подростково–молодежной среде

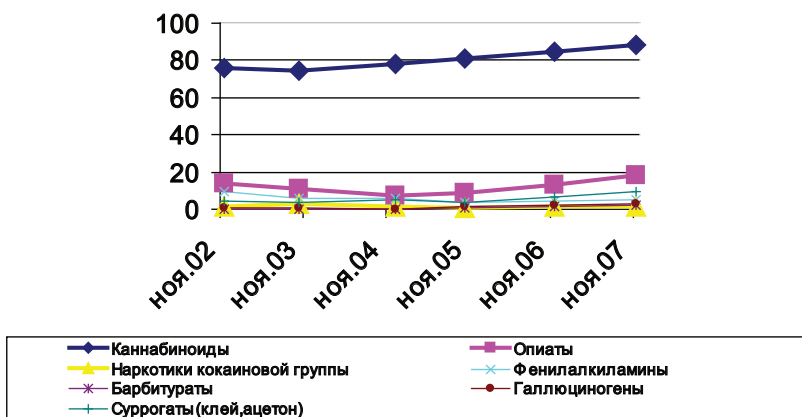

Рис.3. Изменения структуры наркопотребления

ний индекса «уровень доступности наркотиков».¹ Динамика значений этого показателя свидетельствует, что после 2005 года несколько снизилась доступность наркотиков: умень-

¹ Индекс «уровень доступности наркотиков» строится исходя из объединения ответов тех, кто имеет опыт наркопотребления и считает, что достать наркотики «легко» или очень «легко».

шилось их предложение и возросла цена. Этот результат получен благодаря усилиям правоохранительных органов, добившихся определенного ограничения нелегального предложения наркотиков на криминальном рынке (см. рис. 2).

Вместе с тем снижение объемов предложения нелегальных наркотиков привело к росту потребления дешевых психоактивных суррогатов и алкоголя, поскольку «рынок наркотиков – объективная данность» со своим институализированным «правовым и социальным теневым порядком», а «репрессии не отменяют действия экономических законов» [2]. Ценовые факторы предопределили изменения в ассортиментном выборе молодых наркопотребителей в сторону более дешевых и доступных ПАВ. Особенно заметно эти перемены проявили себя в наркотическом меню подростков и молодых людей из малообеспеченных семей. По видам наркотиков, как свидетельствуют неструктурированные оценки опрошенных наркопотребителей, в регионе наиболее доступны каннабиноиды («травка», «марихуана», «план») и некоторые опиаты (низкокачественный героин, маковая соломка) (см. рис.3).

3. Оценка изменений возраста первой пробы наркотиков. Как известно, раннее знакомство с табаком и алкоголем для многих детей и подростков открывает путь к экспериментам с наркотиками.

Мониторинговый контроль за изменением возраста первой пробы наркотиков среди детей и подростков (до 14 лет), несовершеннолетних (от 14 до 18 лет) и молодежи (от 18 до 29 лет) позволяет фиксировать развитие основных тенденций приобщения к наркотикам в этих возрастных когортах. Обобщенные данные показывают, что в составе начинающих наркопотребителей, благодаря антинаркотической профилактике, снижается доля детей и подростков до 14 лет, не растет доля несовершеннолетних от 14 до 18 лет.

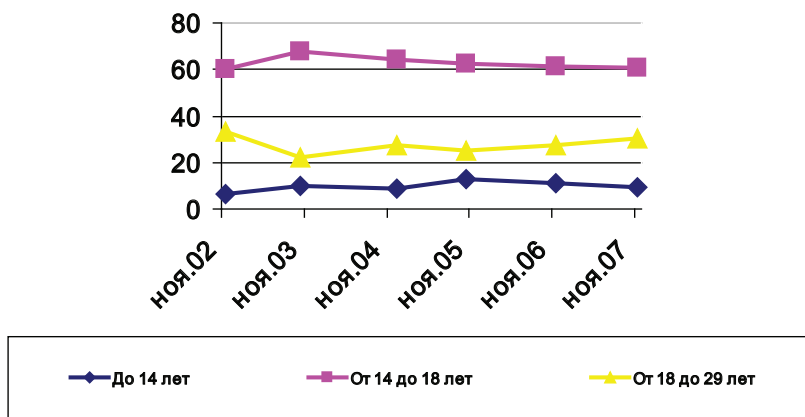

Рис.4. Динамика изменений возраста приобщения к наркотикам

Вместе с тем не удастся переломить рост количества молодых людей старше 18 лет, включенных в наркопотребление (см. рис.4). Полученные результаты указывают на то, что, несмотря на активизацию антинаркотической профилактики, не утрачена актуальность поиска новых форм и адресатов антинаркотических практик. Повышение их социальной эффективности требуется не только в рамках неформального социального контроля (семья, школа, вуз, соседское сообщество), но и в плане создания условий для массовой позитивной досуговой активности и профессиональной занятости совершеннолетней молодежи.

Таким образом, по данным социологического мониторинга, можно заключить, что основное направление антинаркотической работы в регионах России, как показывает рестриктивный опыт, накопленный в Татарии, может и должно быть сориентировано на развитие общесоциальной и специальной профилактики наркотизма подростков и молодежи. Разъяснение опасности наркотиков, формирование личностного запрета первой пробы, укрепление ценностей здорового образа жизни, переключение энергии подростков и молодых людей

с негативных девиантных практик на позитивную занятость в спорте, художественном и техническом творчестве, в учебе, в освоении профессиональных навыков и перспектив – реальный путь социально эффективного контроля над случайным и периодическим наркопотреблением.

Библиографический список

1. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань: ЗАО «Новое знание», 2006.
2. Тимофеев Л.М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Медицинская пресса, 2001.

Основы теории рестриктивного социального контроля¹

В мировой и отечественной девиантологии принято исходить из ряда фундаментальных положений: об отрицательной и положительной девиантности; о релятивности, сконструированности, дополнительности социальных норм и девиаций; о функциональности девиантного поведения; о социальном контроле как совокупности средств и методов воздействия общества на негативные формы девиантности с целью их сокращения или минимизации [1].

Развитие теорий контроля в современных условиях вызвано продолжающимся «кризисом наказания», необходимостью синтеза новых стратегий и форм противодействия негативной девиантности, главный императив которых состоит в безусловном приоритете превентивных идей и прак-

¹ Вестник ВЭГУ. 2010. № 4. С. 18–21.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №09-03-00172а.

тик над репрессивными. Как известно, монотеории контроля имеют определенную ограниченность, поскольку в них рассматривается обычно отдельный социальный (структурный, культурный, организационный или личностный) аспект проблемы. Отсюда в современной девиантологии и криминологии широко используется теоретическая интеграция. Сторонники интегративного подхода полагают, что важнее сосредоточиться на различных, дополняющих друг друга аспектах девиантности и контроля. По мысли Г.Барака, в современной криминологии необходимо развивать «интегральную парадигму» [2, р. 218].

Цель теоретической интеграции состоит в выявлении общности положений двух и более теорий, для того чтобы произвести их синтез в единую переформулированную теоретическую модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории [3, р. 206]. Теоретическая интеграция обычно опирается на продуманные варианты совмещения двух или более тесно связанных между собой теорий. А.Лиска в 1989 году выделил и описал такие типы теоретической интеграции, как: концептуальная, пропозициональная, одноуровневая, перекрестная [4, р. 1–20]. Концептуальная интеграция представляет собой тип синтеза, когда объединяются понятия, положения из одной и другой теорий, которые частично совпадают по своему значению. Пропозициональная интеграция связывает дополняющие друг друга утверждения из различных теорий. Одноуровневая интеграция предполагает объединение либо только микротеорий, либо теорий макроуровня. Перекрестная интеграция характеризует синтез структурных и процессуальных теорий.

В зарубежных научных источниках широко представлены различные варианты перечисленных выше типов теоретической интеграции, разработанные в 70–80-е годы XX века.

Примерами концептуальной интеграции являются теория «концептуального поглощения» Р. Айкерса, теория «концептуальной интегративной рамки» Ф. Пирсона и Н. Уейнера. Д. Эллиот, М. Крон, Г. Каплан, Т. Торнберри, Ч. Титтл, А. Лиска разработали пропозициональные интегративные модели. В 90-е годы над проблемами теоретической интеграции работали Т. Миф и Р. Меер, а также Б. Татум и Г. Барак. Одной из первых в России синтетическую теорию преступности и девиантности на объединительной основе концепта социальной несправедливости предложила Т.В. Шипунова.

Опираясь на зарубежный и отечественный опыт построения теорий контроля и девиантного поведения, мы считаем, что оригинальный эмпирический материал представляется целесообразным в рамках интегративной перспективы, исходя из дополнительности, полицептуальности и других принципов девиантологии концептуализировать открытую рамку (framework) теории рестриктивного социального контроля над подростково-молодежной девиантностью. В ее состав отбираются непротиворечивые и дополнительные концепты ряда монотеорий социального контроля на трех уровнях социального сдерживания: *институциональном, групповом и личностном*. Прежде всего, это положения из профилактической концепции контроля Т. Парсонса, теорий сдерживания У. Реклеса, теории связей Т.Хирши и теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши. Опыт интеграции теоретических знаний на трех уровнях в моделях контроля представлен в работах Г. Барака, где он подчеркивает возможность объединения культурного взаимодействия индивидов, социальную экологию и взаимоотношения институтов [2, р. 286].

На *институциональном* уровне для определения механизма сдерживания предлагается исходить из парсоновского положения о том, что в реальности ни одна социальная система не бывает в состоянии совершенного равновесия.

Факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и они настолько стабильны, что их невозможно полностью устранить из мотивационной системы акторов. Механизмы социального контроля не элиминируют эти факторы, а приводят лишь к ограничению последствий их действия, обеспечивают восстановление равновесия с помощью противодействующих девиантности сил. Отсюда при моделировании профилактического противодействия негативной девиантности следует учитывать как функциональное, так и дисфункциональное состояния институтов социализации.

На *групповом* уровне контроля акцент делается на положении из теории Т. Хирши о силе социальных связей, которые ориентируют индивида на модель конформного поведения при реализации специфических условий сдерживания ювенальной девиантности (привязанность, приверженность, вовлеченность, убежденность). Теоретико-эмпирическую ценность здесь представляет такое условие сдерживания, как вовлеченность в социальные контакты с группой. При этом вовлеченность, как представляется, следует рассматривать с двух сторон: как проявление социальной связи с группой негативных девиантов, так и с группой, в которой нормой является конформное поведение или нормы ориентированы на творческий процесс и позитивную девиантность.

На *личностном* уровне контроля интегрируется положение из теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши, которое подчеркивает профилактическую роль эффективного самоконтроля как генерального фактора в механизме сдерживания девиантности. Из теории У. Реклесса абсорбируются положения о «внешнем» и, особенно, «внутреннем» сдерживании факторов девиантности. При этом положение о позитивной Я-концепции (самоконтроль, стойкость, самооценка, развитые «эго» и «суперэго», целеустремленность, правосознание и рационализм – ориентация на цель и приверженность нор-

мативному поведению) дополняется концептом о негативной Я-концепции (неразвитый самоконтроль, нестойкость, низкая самооценка, неразвитые «эго» и «суперэго», отсутствие целеустремленности, низкие правосознание и рационализм). Тем самым социализация рассматривается как со знаком плюс (нормативная), так и со знаком минус (девиантная).

Выделенные выше в открытую к развитию трехуровневую рамку переформулированные и дополненные положения существующих теорий контроля интегрированы вокруг концепта «*рестрикция*» (*ограничение*). Его суть состоит в том, что открытый, но конечный набор разнонаправленных социальных ограничений определяет: характер функционального и дисфункционального состояния институтов социализации, их социальную эффективность; специфику социальных связей и вовлеченность индивида в группы негативных девиантов или конформистов, направленность социализации и формирования индивидуальной Я-концепции. Варьируя конечным числом ограничений различной направленности на выделенных уровнях контроля, можно усиливать или ослаблять эффект социального сдерживания (противодействия) негативной подростково-молодежной девиантности, создавать социальные условия и предпосылки для перевода активности подростков из деструктивного в конструктивное русло (конформизм и позитивную девиантность).

Таким образом, теория рестриктивного социального контроля подростково-молодежной девиантности в первом приближении опирается на выделенные выше логически не противоречивые понятия и положения, объединенные рестриктивной идеей с использованием опыта концептуальной, пропозициональной и перекрестной интеграции [5].

Рестриктивная концепция позволяет структурировать наборы разнонаправленных ограничений и варьировать их по количеству и направленности действия. При этом набор

ограничений, который создает препятствия для развития дисфункций институтов социализации, следует оптимизировать в сторону увеличения. Например, в современных российских условиях существует острая необходимость в нейтрализации таких дисфункций институтов массовой коммуникации, как: *тематизация криминала и насилия* (проявляется в доминирующем прокате фильмов с показом криминальных сцен насилия, агрессивного поведения и жестокости), *«наркотизация» эфира* (заявляет о себе как рост массовой апатии и инертности, как переход от «активного участия к пассивному знанию») и др. По мысли теоретика интегративного подхода Г. Барака, без ограничений и цензуры над жестокостью и насилием в фильмах и на ТВ не обеспечить выживания молодежной среды [2, р. 272]. Типичными ограничениями указанных дисфункций СМК могут быть сокращение времени и мест просмотра, объема телевизионных передач с элементами насилия. Подобные ограничения создадут предпосылки для снижения вероятности интериоризации образцов криминального досуга и поведения, увеличат время на занятия какой-либо конструктивной деятельностью.

Набор ограничений, которые дезорганизуют функциональность масс-медиа, наоборот, следует минимизировать. Уменьшение препятствий по реализации таких функций, как *корреляционная связь* (объяснение, интерпретация и комментирование значения событий и информации; социализация; координация различных форм социальной активности; обеспечение общественного порядка и согласия) и *обеспечение преемственности* (выражение образцов доминирующей культуры, укрепление и поддержка общих социальных ценностей), существенно повышает функциональность СМК. Иначе говоря, в сетке вещания программы с позитивной функциональной нагрузкой должны занимать лучшее эфирное, а не ночное время.

Набор ограничений на групповом уровне, который препятствует вовлеченности подростка в сомнительную уличную компанию, также необходимо оптимизировать в сторону увеличения. Это может быть переезд в другой район, каникулы в деревне или другом городе и т.п. Те ограничения, набор которых расстраивает конструктивную вовлеченность подростка в группу с конформным поведением или с нормами, ориентированными на творческий процесс и позитивную девиантность, следует минимизировать. Можно уменьшить препятствия для активности инициативных групп, объединенных конструктивными, познавательными или созидательными целями, или уличных футбольных, хоккейных и иных команд, создающих основу массового спортивного движения.

На уровне индивида также существенная роль принадлежит увеличению числа ограничений, которые препятствуют формированию негативной Я-концепции и девиантной социализации. Без выстраивания воспитательных и иных барьеров на пути формирования педагогически запущенных детей трудно рассчитывать на потенциал самоконтроля. Минимизация набора ограничений, которые стоят на пути формирования позитивной Я-концепции и нормативной социализации, устраняя чрезмерную опеку, а также условия, которые формируют «домашних мальчиков», не готовых к житейским трудностям, повышает вероятность нормативной социализации и развитого самоконтроля.

Ряд выдвинутых рестриктивных положений прошли определенную эмпирическую апробацию в рамках исследовательских проектов по изучению наркотизма подростков и молодежи в Республике Татарстан. Некоторые из них – в сфере СМИ, работы торговых организаций, рекламы здорового образа жизни – были реализованы на практике в 2004–2008 годы и подтвердили свою жизнеспособность. Другие

элементы рестриктивной теории контроля еще предстоит подвергнуть оценке на эмпирическую обоснованность.

Библиографический список

1. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007.
2. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998.
3. Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles, 1997.
4. Liska A.E. Strategies and requisites for theoretical integration in the study of crime and deviance // Theoretical Integration in the Study of Deviance and Crime. Albany: State University of New York Press, 1989.
5. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

Потенциальные возможности и опыт применения рестриктивного социального контроля в противодействии наркоконфликту¹

Девиантологи, начиная с Р. Мертон, Дж. Макдональда, Дж. Кеннеди, расценивают наркотизм как девиантную адаптивную практику – одну из форм ретретизма. Ретретизм реализуется как бегство от действительности, где царствует социальное неравенство и нет возможности удовлетворить

¹ Материалы III международного конгресса конфликтологов 23–25 сентября 2010 г. «Роль конфликтологии в обеспечении сотрудничества государства, бизнеса и гражданского общества» / Федер. агентство по образованию, Казан. гос. технол. ун-т. Казань: КГТУ, 2010. Т. 2. С. 358–363. Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-03-00172а.

базовую потребность личности в самореализации. Ретретизм может быть и стратегией «ухода» от всеобщей запрограммированности жизни и ее тотальной регламентации в условиях постсовременности, по Ж. Бодрийру. Выбор в пользу наркотиков, алкоголя или суицида – результат «социальной неустроенности, исключенности (exclusive), неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни» [1, с. 21]. Однако наркотизм – это не только негативное девиантное поведение, ведущее к саморазрушающему исходу – это и угроза здоровью и генофонду нации, вызов всему обществу и государству. Отсюда перспективно развитие наркоконфликтологии как нового направления исследований, развивающихся на стыке девиантологии и конфликтологии.

Конфликтологический подход при изучении девиантной реальности наркотизма успешно разрабатывают на кафедре конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского университета (Г.В. Зазулин, А.Н. Сунами и др.) [2; 3].

С универсальных позиций социологии девиантного поведения и конфликтологии определено выше вероятность многостороннего анализа наркотизации общества с поиском эффективных методов социального контроля и технологий противодействия наркотизму, особенно в подростково-молодежной среде.

Категория «наркоконфликт» не только повышает уровень междисциплинарности при изучении наркоситуации, но и позволяет рассматривать участников незаконного наркооборота как активную сторону социального конфликта, в орбиту которого вовлечены не только криминалитет, но и наркопотребители – в большей части жертвы наркотизации. Здоровая часть общества и государство, как другая сторона наркоконфликта, заинтересованы в противодействии незаконному наркообороту, в осуществлении социального контроля над наркоманией и наркотизмом.

Логика эффективного социального контроля в управлении наркоконфликтом видится в сокращении масштабов и оптимизации структуры негативной девиантности не только и не столько запретительными, сколько рестриктивными мерами, что снижает риски стигматизации и рецидивизма, повышает социальные перспективы подростков и молодых людей в плане самореализации и преодоления «фрустрации статуса», переводя их социальную активность в конструктивное русло.

Исходя из девиантологических принципов Я.И. Гилинского и приемов теоретической интеграции, основы теории рестриктивного социального контроля концептуализированы в работах, выполненных на кафедре философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России [4].

Модель рестриктивного социального контроля над негативной девиантностью сформулирована как открытая к изменениям методологическая рамка (framework). Ее основу составляют непротиворечивые и дополнительные концепты ряда монотеорий социального контроля (из профилактической концепции контроля Т. Парсонса, теории сдерживания У. Реклеса, теории связей Т. Хирши, теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши), объединенные вокруг концепта «рестрикция» (ограничение) на трех уровнях социального сдерживания: институциональном, групповом и личностном.

Идея рестрикций состоит в том, что открытый, но конечный набор разнонаправленных социальных ограничений определяет: характер функционального и дисфункционального состояния институтов социализации, их социальную эффективность; специфику социальных связей и вовлеченность индивида в группы негативных девиантов или конформистов, направленность социализации и формирования индивидуальной Я-концепции.

Варьируя конечным числом ограничений различной на-

правленности на выделенных уровнях контроля, можно усиливать или ослаблять эффект социального сдерживания (противодействия) негативной подростково-молодежной девиантности, создавать социальные условия и предпосылки для перевода активности подростков из деструктивного в конструктивноерусло(конформизмипозитивнуюдевиантность).

Потенциальный социальный эффект рестриктивного социального контроля достигается за счет компромиссов в поле положительных и отрицательных ограничений на основе безусловного приоритета профилактических мер над репрессивными в управлении наркоконфликтом. При этом рестриктивные меры легко «уживаются» как с программами декриминализации и дестигматизации, минимизации вреда, так и с репрессивными мерами в отношении организаторов и крупных игроков в наркобизнесе.

Различные элементы рестриктивного контроля присутствуют в практике антинаркотизма ряда европейских стран. Согласно данным центра по мониторингу наркотиков и наркозависимости (EMCDDA) при Евросоюзе, самые низкие уровни наркопотребления, например по каннабису, традиционно фиксируются в Греции и Швеции – в странах, последовательно проводящих рестриктивную антинаркотическую политику. Уровень потребления каннабиноидов среди греческой молодежи от 15 до 34 лет составляет около 3%, среди молодых шведов – 6%. Для сравнения, в Голландии уровень молодежного потребления каннабиноидов – около 12%. Во Франции он составляет 20%, в Чехии – 22%.

Данные EMCDDA в значительной степени свидетельствуют о социальной эффективности рестриктивных мер в тех странах, где профилактическая работа нацелена на решительное ограничение спроса на наркотики и их предложения.

Ряд положений теории рестриктивного социального контроля прошли эмпирическую проверку в ходе реализации

целевых программ по профилактике наркотизации населения в Республике Татарстан. В региональной программе, рассчитанной на период 2007–2009 гг., на информационно–просветительную, превентивную работу без медицинской составляющей было выделено 36,8% всего бюджета проекта. Республиканским центром профилактики наркотизации населения при КМ РТ и Управлением ФСКН РФ по РТ в 2002–2007 гг. были приняты рестриктивные меры по нейтрализации таких дисфункций региональных СМИ, как: тематизация криминала и насилия и «наркотизация» эфира. При этом были сняты некоторые ограничения, создававшие препятствия для реализации таких функций СМИ, как обеспечение корреляционной связи и преемственности.

Как показал региональный социологический мониторинг наркоситуации, рестриктивные практики в информационно–пропагандистской сфере определенно способствовали снижению спроса на наркотики. 64% опрошенных молодых людей в ходе опроса сообщили, что знакомились с антинаркотическими материалами в СМИ. Наиболее эффективными, по мнению респондентов, были материалы, предупреждающие об опасности наркомании; раскрывающие связь наркопотребления с опасностью заболеть СПИДом; объясняющие медицинские и социально–правовые последствия наркопотребления; формирующие установку на здоровый образ жизни. Снятие барьеров по эффективному использованию ТВ и печатных СМИ в антинаркотической пропаганде и просвещении (лучшее эфирное время, выбор тематики, создание специальной программы «Лабиринт» и др.) позволило существенно повысить уровень информированности молодежи о вреде наркотиков для здоровья и профессиональной карьеры. В итоге в молодежном сообществе стало меняться отношение к потреблению наркотиков. Был зафиксирован существенный рост оценок, характеризующих

опасность различных экспериментов с наркотиками.

Общий уровень наркотизации подростково-молодежной среды (не старше 30 лет) в регионе снизился, начиная с 25,6% в 2002 г. до отметки 20% в 2006 г. за счет уменьшения доли тех, кто так или иначе экспериментировал с наркотиками.

Таким образом, ключом к успеху в управлении наркоконфликтом служит сбалансированная политика ограничения спроса и предложения легальных (алкоголь) и нелегальных наркотиков. Социально эффективными являются следующие рестриктивные меры:

- ограничение любопытства и интереса молодежи к наркотикам и алкоголю;
- выявление и локализация молодых людей, только вставших на путь алкоголизации и наркопотребления;
- ограничение возможностей для нелегальной торговли ПАВ;
- комплексное информирование населения о вреде наркотиков, алкоголя, пропаганда ценности здоровья и здорового образа жизни;
- предоставление лечения и ухода;
- усиление мер ответственности в отношении мелкооптовых торговцев наркотиками;
- снятие ограничений по позитивной активности и занятости подростков и молодежи как в организованных, так и индивидуально ориентированных формах социальной активности (спорт, работа, досуг, образование);
- развитие ресурсов гражданского общества и общественных движений;
- укрепление института семьи;
- контроль над социальным неравенством и безработицей в молодежной среде;
- развитие экономики, нацеленной на всеобщее благосостояние.

Рестриктивный опыт в управлении наркоконфликтом предполагает определенное ограничение прав и интересов индивида. Без разумных рестрикций и компромиссов не добиться утверждения приоритета общественного блага над безудержным индивидуализмом и гедонизмом потенциальных и реальных наркопотребителей, не преодолеть «социальную наркоэпидемию» и деструктивный наркоконфликт.

Список литературы

1. Гилинский Я.И. Преступления, связанные с наркотиками// Наркотизм. Наркомании. Наркополитика. Актуальные проблемы: Сб. статей. СПб.: Артиком плюс, 2008.
2. Зазулин Г.В. Наркоэпидемия. Политика. Менеджмент. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2008.
3. Сунами А.Н. Политика управления наркоконфликтом в контексте информационной войны. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2007.
4. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

Теории девиантного поведения: от классических построений к модернистско- постмодернистскому синтезу¹

Проблематика девиантного поведения в современном обществе – объект постоянного внимания исследователей: социологов, психологов, криминологов. Негативная девиантность и контроль над ее проявлениями исследуются в новых условиях глобализации и стратификации, урбанизации и миграции – противоречивого, кризисного развития «ультра-

¹ Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 4. С. 3–11.

современного капитализма». Одним из системообразующих факторов девиантизации общества в современных условиях является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (inclusive/exclusive). Понятие «исключение» (exclusion) появилось во французской социологии второй половины XX века как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса в условиях «новой бедности».

В контексте статификации западных обществ метакод «включенность/исключенность» в настоящих условиях характеризует нарастающий разрыв между увеличивающимся благосостоянием одних и «никому не нужными» другими. Особенность в том, что исключение в экономически развитых странах происходит постепенно: путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности, роста девиантности. В России исключение произошло на рубеже XXI века взрывообразно: в результате шоковой терапии по Гайдару и приватизации по Чубайсу, череды последовавших рыночных преобразований, образования олигархии и государственно-бюрократического капитализма. И сегодня в нашей стране бедные беднеют все больше, богатые становятся все богаче, при этом все члены общества охвачены плоской шкалой подоходного налога.

Особенно пагубно стратификация общества по основанию «включенность/исключенность» отражается на ювенальной среде. «Исключенные» подростки и молодые люди нередко оказываются беспризорными, совершают не только акты уличного хулиганства, обычные кражи, но и более латентные социально опасные преступления (изнасилования, грабежи, разбои, кражи, вымогательства, акты вандализма и экстремизма, преступлений на почве ненависти и ксенофобии). В среде исключенных без эффективного социального контроля наряду с *«прерывистыми»* девиантными карьерами растет риск карьер *«интенсивных»* на пути рецидивизма и профес-

сионализации преступности, существенно сужается сфера конструктивной активности подростков и молодых людей.

По данным Росстата, подростками и молодыми люди в возрасте от 14 до 29 лет включительно совершаются сотни тысяч социально опасных преступлений. Доля этой возрастной группы в составе лиц, совершивших преступления, составляет более 50%. Разнообразие и рост масштабов проявлений негативной девиантности, особенно преступности в среде подростков и молодежи, тревожит общественность. Несмотря на некоторое снижение числа несовершеннолетних в составе лиц, совершивших преступления, социологические опросы показывают, что большая часть населения страны (около 60%) считает делинквентность представителей этой группы гораздо более опасной, чем «взрослую преступность» [1].

Наряду с криминальным поведением получают все более массовое распространение саморазрушающие формы девиантности в молодежной среде: алкоголизм и наркотизм. Начиная с 1990 года, наркотизация в России, по оценке С.Г. Олькова, стала развиваться с ускорением по экспоненциальному закону. По статистическим данным, уровень заболеваемости наркоманией среди подростков в нашей стране приблизительно в 2 раза выше, токсикоманией – приблизительно в 8 раз выше, чем среди населения в целом. При этом многие отечественные исследователи фиксируют продолжающееся «омоложение» наркопотребления (Е.А. Кошкина, Н.А. Сирота, 2001; Ю.Ю. Комлев, 2005; М.Е. Позднякова, 2007). Изменить девиантную биографию, встать на путь исправления в условиях ригористичного российского менталитета, определенной дисфункциональности институтов социализации и социального контроля для многих молодых людей – перспектива из числа маловероятных.

Очевидно, что проблематика девиантного и особенно делинквентного поведения на современном этапе развития

российского общества, стратифицирующегося по критерию «включенность/исключенность», нуждается в основательном научном анализе, качественно выполнить который невозможно в рамках только юридической, педагогической, психологической или традиционной позитивистски ориентированной социологической науки. В развитых странах эта предметная сфера концентрируется в интегративном междисциплинарном предметном поле девиантологии или социологии девиантного поведения (*sociology of deviant behavior*). Благодаря зарубежным девиантологическим исследованиям накоплен бесценный теоретический материал и опыт его практического применения в практике социального контроля. К сожалению, для значительного числа отечественных криминологов и правоведов девиантология — все еще «terra incognita».

Исследования девиантологов-теоретиков опираются как на классическое методологическое наследие обществоведов прошлого, так и на постклассическую, постмодернистскую, интегративную традиции социологического описания девиантности.

Критический, объективистский анализ девиантного поведения и социального контроля получил мощный импульс к развитию в рамках классической конфликтологической парадигмы, сформировавшейся на основе воззрений К. Маркса. Маркс первым в XIX столетии обратил внимание на социально-классовую природу преступности и противодействие ей с социально-политических позиций. Как известно, его научные взгляды формировались во многом под впечатлением «зверств первоначального накопления» капитала: обострения социального неравенства, конфликтности, роста преступности и других социальных отклонений в европейских городах.

К. Маркс и Ф. Энгельс, другие теоретики марксизма определили методологические рамки идеологически ориенти-

рованного анализа феномена преступности как «родимого пятна капитализма». Преступность в буржуазном обществе, считал Маркс, – неустранимое явление. По Марксу, «подобно праву, преступление... коренится в тех же условиях, что и существующее господство» [2, с. 232]. Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» называет преступление «наиболее грубой и самой бесплодной формой... возмущения». Описывая преступность как протест рабочего класса против капиталистов в форме бесплодной классовой борьбы, Энгельс находит причины социальных отклонений, прежде всего, в экономических условиях современного ему буржуазного общества. Преступность, согласно марксистским воззрениям, элиминирует лишь в бесклассовой формации.

Конфликтологический подход в изучении девиантности получил дальнейшее развитие в рамках постклассической социологии XX века. Особую лепту в теоретический анализ девиантного поведения и социального контроля над ним внесли: У. Миллер, Дж. Рейман, С. Спитцер, М. Колвин, С. Торстен, О. Терк, Р. Куинни, У. Бонгер, Г. Руше, О. Хирхаймер и другие социологи как немарксистской, так и неомарксистской ориентации.

Среди девиантологических работ неомарксистов для анализа российской преступности особенно продуктивна теория радикальной криминологии, разработанная Ричардом Куинни (р. 1934). Куинни обосновал влияние политического конфликта между господствующим классом и неимущими на формирование девиантного поведения в современных условиях. Еще в книге «Социальная реальность и преступление» (1975) девиантолог, критически оценивая капитализм, определяет его классовую природу как общую причину современной преступности. Логика его анализа состоит в следующем: «криминальная реальность в обществе основывается на определении преступного и не преступного... В основе процессов крими-

нализации – классовые конфликты... В качестве преступных определяются деяния, противоречащие интересам господствующих в экономике классов... Будет ли то или иное деяние оценено в качестве преступного или не преступного, определяет класс, имеющий власть и доступ к правотворчеству» [3].

В работе «Класс, государство и преступность» (1980) Р.Куинни предложил оригинальную типологию преступного поведения, которая вполне отражает распределение форм преступного поведения и в России с ее государственно-бюрократическим капитализмом. Так, согласно Куинни, *«преступность приспособления»* в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований распространена в среде рабочих, пострадавших от капиталистической системы; *«преступность сопротивления»*, по его мнению, включает бессознательную реакцию угнетенных *«синих воротничков»* против эксплуатации; *«преступность доминирования и подавления»*, состоящая в коррупции, откатах характерна для представителей правящего класса *«белых воротничков»* и элиты.

В книге «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе» (1994) Куинни подчеркивает, что противозаконное поведение власть держащих во многом не пресекается правосудием. В сфере экономики, управления и контроля это касается, в частности, таких деликтов, как: сокрытие доходов от налогообложения, обман потребителей, коррупция и злоупотребление политической властью. Причем по отношению к люмпенизированным слоям населения уголовное преследование за преступления распространяется в полной мере. Правовые нормы в связи с этим не есть результат социального консенсуса. Уголовное законодательство и правоприменение в рыночном обществе рассчитаны на обеспечение господства класса капиталистов, это инструменты эксплуатации угнетенных социальных групп и слоев.

Позитивистский анализ девиантного поведения, социального порядка и стабильности в рамках объективистской традиции был заложен в классических работах функционалиста Э. Дюркгейма. Дюркгейм считал, что социальный порядок как упорядоченность социальных действий индивидов и групп обеспечивается влиянием духовных, социокультурных факторов, способствующих интеграции общества [4]. Ученый обосновал объективность, «нормальность» социальных отклонений. Согласно Дюркгейму, преступность не является социальной патологией – это один из факторов общественного здоровья и неотъемлемая часть любого общества [3]. Преступность существует во всех типах обществ. Она функциональна, поскольку усиливает солидарность группы, объединяя людей в отношении негативной оценки преступлений. Дюркгейм доказал, что преступность как социальная проблема неискоренима. Однако, поскольку она может принимать ненормальные формы, ей можно и нужно противодействовать средствами социального контроля: ограничивать рост и трансформировать структуру преступности.

Дюркгейм разработал концепцию аномии (*anomie*), понимая ее как состояние общества, характеризующееся ценностно-нормативным вакуумом, разрывом в преемственности социальных и правовых норм. Аномия, согласно Дюркгейму, развивается в переходных быстро меняющихся обществах, что влечет за собой статистически значимый всплеск различных видов девиантного поведения.

Теоретические положения из социологии девиантного поведения Э. Дюркгейма в области понимания преступности, аномии, путей обеспечения социальной интеграции, порядка, солидарности и социального регулирования во многом предопределили в своей основе облик современной системы формального полицейского социального контроля в развитых капиталистических странах.

Классик структурного функционализма Т. Парсонс, развивая дюркгеймовскую перспективу объективистского анализа девиантности, выделил при обосновании социального порядка роль социализации, интериоризации и легитимизации норм и ценностей (таких, как: неприкосновенность человеческой жизни, частной собственности и т.п.) [5].

Функционалист Р. Мертон, описывая аномию в условиях стабильного рыночного общества, показал, что «отклоняющееся от нормы поведение может быть расценено как симптом несогласованности между определяемыми культурой устремлениями и социально организованными средствами их удовлетворения» [6, с. 401]. Аномия подталкивает многих людей к использованию незаконных средств обогащения (*инноваторство и ритуализм*), либо делает их беспомощными, подавленными (*ретретизм*), либо стимулирует к экстремизму и терроризму (*бунтарство*). Мертон обратил внимание на доминирующий корыстный характер преступности при капитализме. По его мнению, люди часто, даже имея таланты, прибегают к незаконным средствам (рэкет, спекуляция, мошенничество, сокрытие доходов от налогообложения, компьютерные преступления). Этот тезис во многом находит подтверждение и в современном российском обществе. Так, по данным уральского социолога В.Г. Попова, современная молодежь чаще всего «сталкивается» с корыстными преступлениями, такими, как воровство (45%), вымогательство денег (35%), разбой (15%), мошенничество (14%) [7, с. 73].

Концепция аномии получила развитие в постклассической теории блокирования идеалов и фрустрации статуса А. Коэна, где в качестве главных детерминант девиантности рассматриваются социокультурные и статусно-ролевые факторы девиантной адаптации. Аномический анализ развили Р. Кловард и Л. Олин в теории нелегитимных возможностей. По мнению Кловарда и Олина, рост вероятности деликтов

со стороны деклассированных индивидов больше зависит от возможности их доступа к незаконным средствам для достижения материального успеха и высокого социального статуса. В ситуации, где такие возможности реально могут быть реализованы, молодые люди из необеспеченных семей дают выход своей аномической фрустрации в тех или иных формах групповых делинквентных реакций (*криминально ориентированные, конфликтно-ориентированные и ретритистски-ориентированные шайки*), каждая из которых обеспечивается определенным типом делинквентной субкультуры.

В рамках классической бихевиористско-психологической парадигмы социальный порядок и девиантное поведение исследуются с субъективистских позиций. Акцент делается на индивидуально-психологической стороне этих общественных явлений, на символических аспектах социального взаимодействия. Как известно, предтечей субъективистской перспективы в девиантологии был Г. Тард, который опирался на законы подражания при объяснении девиантности и механизмов сплочения общества. В качестве важного фактора социального контроля он одним из первых обратил внимание на возможности социализации личности, на отношения, возникающие между людьми при передаче социального опыта с помощью психологических механизмов [8].

Фундаментальный вклад в субъективистский анализ феноменов девиантности внес М. Вебер, который превыше всего ставил индивида, причиной развития общества называл культурные ценности. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер показал, каким образом разобщенные между собой действия тысяч предпринимателей и наемных работников создали капитализм – общественную систему огромной сложности с необычайно развитой социальной структурой. Недостаточное освоение норм трудовой этики и проявления девиантности, по Веберу, – это не божья

кара, а результат определенных накопившихся, аккумулярованных социальных практик, при которых труд плохо оплачивается, работа плохо организована и в силу ежедневных страданий лишена ценностных результатов.

Собственно психологические интерпретации девиантности в рамках классической субъективистской традиции продолжили З. Фрейд, Э. Эриксон, Э. Фромм и др. Так, психоаналитический подход З. Фрейда к объяснению девиации покоится на том положении, что человек асоциален по природе и в основе своей представляет неуправляемое, импульсивное социальное животное. Поэтому наличие социальных ограничений необходимо для контроля над его агрессивным, отклоняющимся поведением.

По Фрейду, если все три компонента личности «Ид», «Эго» и «Супер-Эго» действуют сбалансированно, то человек ведет нормальную жизнь, сублимирует. Если «Эго» и «Супер-Эго» выстроены неадекватно в структуре личности, то их запреты не блокируют активизацию инстинктов в бессознательном. Отсюда следует агрессия и девиантность. По образному выражению немецкого криминолога Г.И. Шнайдера, «преступление – это результат неудачи «Эго» в его попытках удержать под контролем агрессивность, ненависть и фрустрацию» [9, с. 72].

Субъективистские интерпретации девиантности получили дальнейшее развитие в рамках символического интеракционизма в первой половине XX века. Трудami Ч. Кули и Дж. Мида, И. Гофмана и др. было доказано, что личность формируется в результате интеракций с ближайшей социальной средой, осваивая артикулируемые ею требования, правила, нормы – в итоге девиантность подавляется внутренним самоконтролем индивида. Так, по мысли И. Гофмана, социальный порядок формируется в повседневном социальном взаимодействии через соблюдение неписанных и не всегда осозна-

ваемых индивидом правил поведения. Сторонники символического интеракционизма и социального конструктивизма считают, что люди своими действиями конструируют социальную реальность и структуры общества, в том числе систему социального контроля, социальные нормы и девиантность.

Исследования девиантности с позиций символического интеракционизма в постклассический период получили наиболее яркое развитие в теориях стигматизации Г. Бекера, Е. Лемерта, Ф. Зака, Э. Шура.

Концептуально теория стигмы (клеймения, лейблов) базируется на двух основных положениях. Во-первых, отклоняющееся поведение следует интерпретировать не как нарушение социальной нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в результате социальной реакции. Поэтому в теории стигматизации особое значение придается силе слова и реакции общества на поведение людей. Во-вторых, «клеймение» порождает и усиливает девиантность. В этом смысле отклоняющееся поведение есть ответ индивида на стигматизацию, который ведет к вторичному отклонению, в ходе чего формируется девиантная идентичность.

Теория лейблов объясняет лишь вторичное отклонение, рецидивизм, процесс формирования девиантной карьеры под воздействием чрезмерного социального контроля, но не этиологию первичного отклонения. Тем не менее, ее эвристический потенциал достаточно высок, чтобы объяснить рост рецидивизма в современном российском обществе, особенно в молодежной среде. Как известно, по статистическим данным МВД России, при общем снижении объема преступности в стране количество рецидивных преступлений в 2010 году возросло на 40%. В структуре рецидивных преступлений половину составляют тяжкие и особо тяжкие,

более 60% от всей рецидивной преступности приходится на кражи, грабежи, разбои и хулиганство – составы, создающие наибольшие угрозы и беспокойство для общества в целом и для каждого его члена в отдельности. При этом самый высокий процент рецидива зафиксирован в возрастной группе от 22 до 24 лет [10]. Заметим, что каждое третье преступление совершается лицами, имеющими стигму судимости.

В девиантологии эпохи модерн в рамках объективистской или субъективистской традиции девиантность и преступность описываются позитивистски типично определенно, без использования элементов рассуждения (диалога), дискурса. С развитием *постмодернизма* – детища второй половины XX века его основоположниками французскими философами Ж.-Ф. Лиотаром и М. Фуко изменились и представления о девиантном поведении. Как известно, постмодернизм отражает переход общества от эпохи модерна к состоянию постмодерна, от классовой структуры к обществу фрагментарного типа. Постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к науке, возможностям человеческого разума, релятивизацией всех знаний. Постмодернизм ставит под сомнение веру в возможность познания и преобразования мира. Для философии постмодернизма присущи рефлексивность, пастиш (смешение стилей, заимствованных из различных контекстов). Постмодернист и криминолог Э. Янг в работе «Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations» (1996) переосмысливает криминологические тексты, проводит дискурсивный анализ, исследует роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения.

Релятивны и сконструированы с позиций постмодернизма социальные нормы, ценности, девиантность и преступность, а также само общество как их источник. По мысли Г. Барака, «преступления – это рекурсивная продукция, од-

нообразные действия, которые стали частью исторического и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве» [11, р. 219].

В итоге девиантология и криминология постмодерна определяют преступление на контрасте объяснения этого явления в модернизме и постмодернизме, на отказе от внешней причинности и жесткого рационализма. Преступность и контроль над ней мыслятся посмодернистам как неопределенные, взаимосвязанные, относительные, динамические конструкции. Тем самым постмодернизм проблематизирует представления о феноменах девиантности и преступности, современном социальном порядке и контроле над отклоняющимся поведением.

Постклассический и, особенно, постмодернистский дискурс в социальной науке и девиантологии, исходя из релятивизации знаний, открыли путь к новым направлениям исследований девиантности. В результате девиантологами было выдвинуто много новых гипотез и теорий, объясняющих природу девиантности на постсовременном этапе развития общества.

Анализ новых оригинальных зарубежных работ по теории девиации весьма затруднителен. Во всяком случае, достаточно сложно провести грань между современными теориями, связанными как с классическими концепциями девиантности, так и постклассическими. Зарубежные авторы активно интегрируют положения классических и постклассических теорий в собственных концептуальных построениях. Наиболее полное изложение новых идей и подходов в девиантологии и криминологии содержат труд Делоса Кейли «Deviant Behavior» (1996), работы Рональда Айкерса «Criminological theories: introduction and evaluation» (1997) и Грега Барака Integrating Criminologies (1998).

Анализ англоязычных и немногих отечественных работ

позволяет по крупицам собрать материал о состоянии и направлениях развития современной девиантологической мысли за рубежом. Обобщение положений из публикаций англоязычных девиантологов, переведенных на кафедре философии, политологии, социологии и психологии при участии курсантов КЮИ МВД России, позволяет дать краткий обзор современных направлений девиантологической и криминологической мысли.

Феноменологическое направление традиционно противостоит позитивистским теориям девиантности. Феноменология основную свою задачу видит в анализе и описании повседневной жизни – жизненного мира и связанных с ним состояний сознания. Его сторонники в девиантологии – П. Филмер, М. Филипсон, Д. Уолш. Феноменологи развивают идеи конвенциональности преступности и девиантности в целом. По их мнению, отклонение – не внутренне присущее тому или иному действию качество, а следствие соотнесения действий с правилами и применением санкций к нарушителю. Социальное отклонение – это в значительной степени приписываемый статус, в нем фиксируются не только поступки самого отклоняющегося индивида, но и действия окружающих его людей. Отсюда происходит штампование «преступников», их конструирование.

Феминизм (М. Маерс, Д. Клейн, Р. Саймон, Ф. Адлер) в девиантологии опирается на анализ различий по биологическому (секс) и социальному (гендер) полу. В рамках феминизма развиваются либеральные, радикальные и марксистские течения. Сторонники феминизма не удовлетворены традиционными позитивистскими теориями девиантности, поскольку те ориентированы на объяснение преступного поведения только со стороны мужчин. Они считают, что все существующие биологические и психологические теории, теории аномии, социального контроля, дифференциальной

ассоциации, стигматизации, дезорганизации и социального научения созданы для того, чтобы объяснять преступность мужчин и проверялись только на мужском населении [12, р. 197]. Определенные части этих теорий, по мнению теоретиков феминизма, полезны, но в целом они не пригодны для объяснения феномена женской преступности. При этом хорошо развитого исключительно феминистского объяснения девиантности в зарубежных источниках найти не удастся.

Либеральный феминизм причину преступности видит в социализации по гендерному основанию (в ее специфике). Женской преступности препятствуют гендерные нормы, более плотный социальный контроль (готовность рисковать поощряется у мальчиков и пресекается у девочек), физическая слабость и уязвимость женщин по сравнению с мужчинами, репродуктивно-сексуальные отличия женщин и мужчин.

Таким образом, девиантологи-феминисты при изучении женской преступности и девиантности считают ключевыми факторами гендерные различия и возраст, которые другие теории игнорируют. Наряду с поло-ролевыми факторами, они отводят весьма важную роль в объяснении отклоняющегося поведения женщин фоновой патриархальной структурой, которая пронизывает все стороны жизни современного общества.

Современная критическая криминология как направление девиантологической мысли объединяет сторонников левого реализма, миротворческой (аболиционизм) криминологии и конститутивной криминологии. Все эти направления в современной девиантологии занимают критические позиции по отношению к современному западному обществу и его системе криминальной юстиции.

Левый реализм – течение в неомарксистской критической криминологии, выступающее против левого идеализма и ортодоксального марксизма. Его наиболее яркий представитель – британский криминолог Джон Янг. Левые реали-

сты исходят из того, что не только среди преступников, но и среди жертв преступлений большинство составляют представители низших классов. Они считают, что уличные преступники и преступники из числа служащих – это «революционные солдаты в классовой борьбе» [12, р. 179].

Аболиционизм – миротворческая криминология. Его последователи в США и скандинавских странах Европы (Т. Матисен, Н. Кристи, Х. Пепинский) выступают против современной тюремной системы, предлагая альтернативные меры социального контроля. На смену политики «войны с преступностью», по их мнению, должна прийти политика «мира с преступностью». Рост насильственной преступности в развитых странах вызван эскалацией насилия со стороны государства. Аболиционисты выступают за отказ от института смертной казни и репрессивной полицейской и пенитенциарной системы, предлагая стратегию уменьшения вреда (harm reduction).

Конститутивная криминология, созданная на основе постмодернизма, отвергает поиск причин преступности в объективной реальности и рассматривает ее как продукт «дискурсивных практик» среди преступников, контролеров (полицейских, тюремных надзирателей) и жертв преступлений. С позиций постмодернизма преступность и контроль над ней не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекста, в котором они продуцируются. Это положение конститутивной теории активно противостоит традиционной криминологии, которая вырывает из социального и культурного контекстов феномены преступного поведения, анализируя их раздельно.

Интегративные теории девиантности. На рубеже XXI века в эпоху «ультрасовременного капитализма» с его новой стратификацией по критерию «включенность/исключенность», с качественным ростом неопределенности многих

социальных феноменов, с возникновением виртуальной реальности, симулякров и симуляций от девиантности в зарубежной криминологии и девиантологии сложился заказ на новый модернистско-постмодернистский синтез девиантологических знаний. Интегративная перспектива в теории может указать путь преодоления антагонизма между объективизмом и субъективизмом, между позитивизмом и феноменологией в условиях жесткого диалога и противоборства парадигм. Как полагает Г. Барак, модернистско-постмодернистский синтез лежит в основе, возможно, самого полного объяснения и контроля преступлений [11].

Действительно, детерминация многих современных форм девиантного, делинквентного поведения с позиций только одного теоретического подхода отнюдь не всегда является успешной, а подчас и невозможной. В связи с этим создание интегративных теорий в последние десятилетия на Западе есть результат обобщения, интеграции наиболее удачных положений для объяснения преступности из уже существующих двух и более девиантологических теорий. Так, например, Рональд Айкерс создал свою интегративную теорию «концептуального поглощения» (Conceptual Absorption), привлекая понятийный аппарат из теорий научения и социального контроля. Аналогичным образом рассуждали девиантологи Френк Пирсон и Нейл Уейнер при создании теории «интегративной структуры» (Integrative Framework). Объяснительная модель этих авторов построена на принципиальной основе теории социального научения с интеграцией концептов из всех наиболее важных макро- и микро-девиантологических теорий в одной «интегративной рамке». Делберт Эллиот разработал интегративную модель на основе объединения концептов из теорий напряжения, социального контроля и социального научения. Аналогичные построения предложили А. Лиска (теория «состязания») и Т. Торнберри («интегративная

теория»). Три взаимосвязанных эксперимента по теоретической интеграции осуществлены Р. Сэмпсоном и Дж. Лаубе (1993), Б. Вилой (1994) и Б. Арриго (1995). Эти новейшие теоретические поиски показали перспективность новой полипарадигмальной интеграции в девиантологии.

Резюмируя обзор рассмотренных выше положений из классических и постклассических девиантологических теорий, можно сделать вывод о том, что в условиях процесса «включения/исключения», возросшей социальной обусловленности, сконструированности отклоняющегося поведения в современном мире девиантологическая наука лишь приблизилась к объяснению и пониманию природы негативной девиантности. Различные теоретические модели девиантности показывают, что «человек с отклонениями» интересен как продукт определенного общества, его нормативно-ролевой структуры, культуры и субкультур, конфликтов и «дискурсивных практик», на которые существенное влияние оказывают разнообразные и взаимосвязанные друг с другом факторы. Девиантность и преступность, социальный контроль над отклонениями не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекстов, в которых они продуцируются. Девиантологическое знание релятивно, но оно – надежный ориентир для поиска путей отказа от девиантных карьер, повышения эффективности социального контроля в интересах российского общества и государства.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3.
3. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006.

4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
6. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.
7. Попов В.Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния // Социол. исслед. 1998. № 5.
8. Тард Г. Законы подражания. СПб., 1999.
9. Шнайдер Г.И. Криминология. М., 1994.
10. Петров И. В России резко выросло количество рецидивных преступлений // RBCDAILY от 30.03.2011. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708>
11. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998.
12. Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles, 1997.

Рестриктивный потенциал антинаркотических стратегий зарубежных стран: некоторые результаты контент-анализа политико-правовых документов¹

Позитивный опыт социального регулирования в области антинаркотизма нашел отражение в политико-правовых решениях, концепциях, антинаркотическом законодательстве в программах профилактики наркотизма, в практике антинаркотической деятельности многих европейских государств и стран СНГ.

В Российской Федерации разработка концептуальных основ государственной антинаркотической политики стала реальностью лишь на рубеже XXI века. Потребности социальной теории и практики противодействия наркотизму

¹ Держава та регіони. 2009. С. 133–137.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 09-03-00172а

стимулировали научные исследования, разработку и принятие новых политико-правовых актов, обращенных к этой сфере общественных отношений. В итоге Концепция государственной политики по контролю за оборотом наркотиков в Российской Федерации от 1993 года рекомендовала с учетом международного права и опыта, основного закона страны, обобщения правоприменительной и социальной практики пакет мер как репрессивного, так и превентивного характера по формированию национальной модели борьбы с распространением наркомании и наркотизма. Среди базовых приоритетов в сфере антинаркотизма были определены: «совершенствование порядка регулирования законного оборота наркотических средств», «борьба с незаконным оборотом наркотических средств», «предупреждение незаконного потребления наркотических средств», «лечение и социальная реабилитация больных наркоманией», мероприятия с лицами, злоупотребляющими наркотическими средствами», «законодательное обеспечение и международное сотрудничество». Правовую форму эти фундаментальные положения обрели в Федеральном законе «О наркотических и психотропных веществах», который вступил в силу 15 апреля 1998 года. На созданной концептуально-правовой основе произошла институционализация антинаркотической деятельности в стране путем создания соответствующих подразделений в МВД, в учреждении ФСКН и Государственного антинаркотического комитета (ГАК).

Между тем практика реализации положений Концепции и соответствующего антинаркотического законодательства в последние годы показывает, что российская стратегия противодействия наркотизму нуждается в дальнейшем совершенствовании, особенно, в контексте повышения ее превентивной направленности. В научных кругах все чаще артикулируются предложения о необходимости усиления

профилактики наркотизма, подчеркивается значение более тесной координации правовых, медицинских и иных социальных институтов, противодействующих не столько незаконному наркообороту и наркопреступности, сколько более сложному социальному процессу – наркотизации определенных социальных групп общества.

Вместе с тем в правоохранительных структурах, среди практиков доминирует репрессивный дискурс при обсуждении вопросов модернизации российской наркополитики. В итоге на различных исследовательских площадках, на конференциях, в научной и ведомственной печати, на Интернет-форумах идет острая дискуссия по вопросу о новых контурах и приоритетах государственной антинаркотической политики в РФ.

В декабре 2008 года ГАК принимает решение о разработке проекта новой концепции государственной антинаркотической политики, исходя, прежде всего, из геополитического фактора «расширения афганского наркотрафика» в условиях очевидной «прозрачности» государственной границы на азиатском направлении. По данным ФСКН, с момента ввода в 2001 году американских войск в Афганистан производство наркотиков увеличилось в этой стране более чем в 44 раза. 93% опиатов и более 50% каннабисного масла и гашиша в России имеют «афганское происхождение».

По замыслу идеологов ГАК, действие этого политико-правового документа рассчитано до 2014 года. В нем ставится амбициозная задача за 5 лет добиться уменьшения предложения наркотиков «как минимум в 2–3 раза», снизить спрос на них, но основной упор делается на репрессивной «нейтрализации афганского наркотрафика» [1].

Теоретики наркоконфликта (Г.В. Зазулин и другие) остро и справедливо критикуют предложенный вариант концепции за то, что «перекрытие каналов доставки» в качестве

приоритетного направления наркополитики фактически производит подмену цели; не находит отражения в документе комплексный характер противодействия наркотизму как «био-психо-социо-духовной проблемы», недооценивается значение многоуровневого управления антинаркотической деятельностью государства; отсутствует в проекте и образовательная компонента.

Анализируя полемику вокруг этого проекта, следует отметить, что модернизированная концепция антинаркотической политики только выиграет, если ее создатели будут стремиться к определению стратегического вектора программы антинаркотических действий в более долгосрочной перспективе. Представляется, что декларируемая социальная эффективность проекта может стать реальностью лишь при более сбалансированном сочетании мер противодействия спросу и предложению наркотиков. Приблизиться к поиску такого теоретико-методологического компромисса позволяет активное изучение и использование как позитивного отечественного, так и зарубежного опыта антинаркотизма, учет не только геополитической ситуации, но и всех остальных базовых детерминант этой многогранной проблемы. Отсюда востребовано критическое осмысление опыта европейских стран, в которых уже выработаны и достаточно успешно реализуются эффективные модели антинаркотической политики.

Анализ этого опыта актуален не только для России, но и для других стран СНГ, где совершенствуются национальные антинаркотические стратегии и антинаркотическое законодательство. Так, к обоснованию компромиссных антинаркотических моделей на основе разумного сочетания мер противодействия спросу и предложению наркотиков, борьбы со злоупотреблением наркотиками и предупреждению наркотизма приступили в ряде исследований в ближнем зарубежье, в частности, в Украине.

В той или иной мере модели социального контроля над проявлениями девиантности, основанные на безусловном приоритете профилактики над репрессией, широко используют многие российские исследователи. Среди них: Я.И. Гилинский, С.Н. Ениколопов, Г.И. Забрянский, Е.И. Цымбал, Ю.Е. Аврутин, А.П. Дьяченко и другие.

Разработка социально ориентированного антинаркотического дискурса на основе рестриктивного подхода весьма успешно ведется казанскими социологами и правоведами с интегративных девиантологических позиций [2]. Девиантология, как известно, позволяет рассматривать наркотизм как вид негативной девиантности, как релятивную социальную конструкцию и одновременно реальную общественную практику, социальный контроль над которой может и должен иметь многовариантный характер: от репрессивного до либерального. Девиантологический анализ проблем противодействия наркотизму позволяет, исходя их принципа дополнительности и других фундаментальных положений, интегрировать в исследовательскую схему непротиворечивые концепты из различных индивидо- и социоцентрических теорий девиантности, из классических, постклассических, постмодернистских социологических теорий и теории наркоконфликта. В частности, он опирается на положения концепции идеальных типов М. Вебера, герменевтическую научную традицию, идеи социального конструктивизма из работ А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и других социологов-интеракционистов.

Как известно, в европейских политико-правовых системах стратегии антинаркотизма дифференцируют на либеральную, сбалансированную и репрессивную. Специалисты также выделяют и описывают «группу жесткой политики», «группу жесткого контроля» и «либеральную группу», раскрывают специфику стратегии «уменьшение вреда» («Harm

Reduction»), репрессивной – «война с наркотиками» («War on Drugs») и рациональной.

В данной работе, исходя из девиантологических посылов, структурированы по итогам контент-анализа политико-правовых документов из Интернет-источников, отражающих основные параметры антинаркотической политики и опыта противодействия наркотизму в европейских странах, наиболее важные рестриктивные императивы. Они образуют элементную базу для теоретического конструирования той или иной национальной рестриктивной модели антинаркотизма с доминирующим превентивным началом.

Схема контент-анализа опирается на представлении о репрессивной и либеральной моделях антинаркотизма, как рафинированных мыслительных конструкций – идеальных типов, в понимании М. Вебера, но не реальных антинаркотических стратегий. Действительно, практическая реализация любой национальной модели антинаркотизма всегда осуществляется в конкретном социально–политическом, юридическом и историко-культурном контекстах и существенно отклоняется от идеально-типического образа наркополитики. Отсюда и генерируется богатый мировой опыт теоретического анализа и практического противодействия наркотизму, что находит выражение во множестве отличных друг от друга национальных антинаркотических моделей.

Сопоставление реальных антинаркотических стратегий с идеально-типическими позволяет оценить в рестриктивном поле идейно-мировоззренческое содержание антинаркотической политики («да» или «нет» наркотикам); охарактеризовать нормы и санкции позитивного антинаркотического законодательства, определяющие меру его прогибиционизма; выявить меру его социально-гуманитарной ориентации (наркоман и/или наркопотребитель); раскрыть социальную эффективность и иные превентивные компоненты рестриктивного подхода.

Наиболее гармонично рестриктивные элементы отражены в современной шведской наркополитике и антинаркотическом праве. Ряд из них явно присутствует во французском, немецком, финском, греческом политическом антинаркотическом дискурсе, в уголовном законодательстве и правоприменении.

Общим для большинства стран Евросоюза, несмотря на наличие в некоторых национальных УК номинальной уголовной ответственности за наркопотребление, является тот факт, что судебнo-правоприменительная практика отличается очень большой гибкостью. За наркопотребление и хранение в личных целях наркотиков правонарушители де-факто привлекаются к административной ответственности, при твердой политической воле и решимости не идти по пути полной легализации наркотиков.

Существенно, что в странах ЕС определенно снижен риск уголовно-правовой стигматизации личности наркопотребителя судимостью, особенно когда наркопотребление не осложнено продажей или перепродажей наркотиков.

В антинаркотическом праве большинства европейских стран в разной мере, но пластично сочетаются как элементы репрессивной, так и либеральной идеально-типических моделей антинаркотизма. Ориентируясь на соблюдение прав человека (либеральный императив), законодатели совершенствуют нормы антинаркотического права и практику его применения, исходя из приоритета превентивных мер административного, медицинского и общественного характера. Примечательно, что лечение как альтернатива наказанию, предлагается во всех странах участницах союза, а репрессивные средства используются лишь в случае хранения или сбыта больших объемов опасного для здоровья наркотика, при рецидиве и иныхотягчающих обстоятельствах.

Все это свидетельствует о достижении определенного компромисса в развитии наркополитики и антинаркотиче-

ского права, сочетающего соблюдение прав человека, разумные ограничения и запреты, уголовно-правовые и административные санкции, дифференцированные формы и методы лечения, информирование, консультирование, помощь и иные профилактические меры.

С нашей точки зрения, особенно интересен для совершенствования концептуальных основ наркополитики шведский опыт развития запретительно-ограничительных мер борьбы с наркоэкспансией. Отчет департамента ООН по наркотикам и преступности «Успешная наркополитика Швеции: обзор данных» определенно свидетельствует об эффективности «шведской модели» антинаркотизма [3].

Шведский опыт оригинален и скорее не волне типичен для большинства стран Европы. Он опирается на принцип «нулевой толерантности». Наркополитика конструируется, исходя из осознания наркоугрозы шведскому обществу с опорой на местный социокультурный и политико-правовой контексты [4, с. 188–197]. Развитие рестриктивного шведского подхода к наркополитике началось с определения ряда конкретных целей: снизить любопытство, интерес молодежи к наркотикам; выявить как можно раньше людей, только начавших наркопотребление; отследить подростков-наркопотребителей, для того чтобы принять превентивные социально-правовые меры; осложнить жизнь уличным торговцам наркотиками. Антинаркотическое законодательство страны было настроено на реализацию запрета и ограничения потребления наркотиков, контроля и профилактики наркотизации среди подростков и молодежи.

По оценке директора ECAD Т.Халлберга, антинаркотическая политика и законодательство Швеции реализовали идею ограничения доступа и одновременно спроса на наркотики посредством изменения сознания людей (отказ от наркотиков) средствами дифференцированной профилак-

тики, эффективного правового запрета и контроля, широко поддержанных общественностью [5, с. 19]. С 1996 года стал действовать просветительский проект Drugbox, ориентированный на школьников. В нем был аккумулирован пакет учебных материалов о вреде табака, алкоголя и наркотиков. Затем была реализована программа «Ноуп», которая подняла антинаркотическую осведомленность родителей.

С 1999 года в УК были определены жесткие санкции, вплоть до тюремного заключения, за потребление наркотиков при управлении транспортным средством («нулевая граница»). В этот период активно развивается дифференцированная профилактика наркотизации населения: первичная (информирование), вторичная (выявление и ограничение начинающих наркопотребителей), третичная (медико-социальная реабилитация наркоманов).

Т. Петерссон, характеризуя превентивный потенциал «шведской модели» выделил следующие меры: комплексное информирование населения о вреде наркотиков, о наркопреступности, о цене, которую платит общество в связи с этим; мероприятия по снижению спроса на наркотики; репрессивные меры (тюремное заключение по отдельным опасным наркопреступлениям); предоставление лечения и ухода. Для осуществления «гуманной политики ограничения» в отношении наркотиков, исходя из шведского опыта, по его мнению, необходимо в любой стране создание четырех основных предпосылок: «знания, стратегия, координация, руководство» [6, с. 101]. Эти условия позволяют эффективно осуществить сбалансированную политику ограничения спроса и предложения наркотиков. По шведским законам запрещается потреблять наркотики, проводить лечебные эксперименты с героином, открывать кабинеты для инъекций, где наркоманы могли бы сделать себе уколы (императивы репрессивной стратегии). При этом легально действуют

программа «Субитекс» и программы по обмену шприцев (либеральные императивы).

Антинаркотическое и уголовное законодательство страны гибко дифференцируют правонарушения, связанные с наркотиками, рассматривая их как «незначительные», «обычные» или «серьезные». Так, за потребление наркотиков *per se* законом предусмотрено тюремное заключение на срок до 6 месяцев и/или штраф в случае «незначительного» правонарушения. В случае более тяжких правонарушений продолжительность заключения увеличивается до 3 лет.

Контент-анализ показывает, что шведская модель не проводит различий между хранением наркотика для личного употребления или для сбыта и иных целей. Хранение для личного потребления обычно укладывается в рамки «незначительного» правонарушения, но ключевую роль здесь играет определение количества наркотического вещества. Хранение малого количества каннабиса и амфетаминов обычно ведет к наложению штрафа. Хранение малых количеств героина или кокаина, напротив, карается тюремным заключением. Практика применения санкций такова: «незначительное» правонарушение: штраф и/или тюремное заключение на срок до 6 месяцев; «обычное» правонарушение – тюремное заключение на срок до 3 лет; «серьезное» правонарушение – тюремное заключение на срок от 2 до 10 лет. В ряде случаев, включающих несколько «серьезных» правонарушений и рецидив, тюремное заключение назначается на срок до 18 лет. Кроме того, при принятии судебного решения в расчет берется тип и количество проданного наркотического вещества, участие в организованной преступной деятельности. Характерно, что личное потребление наркотиков в молодежной среде, как правило, пресекается штрафными санкциями.

В итоге в Швеции на 100000 населения совершается 45 тяжких преступлений, в Голландии – 260 [7, с. 15]. Согласно

данным Европейского центра по мониторингу наркотиков и наркозависимости (EMCDDA) при Европейском союзе, в Швеции, последовательно проводящей рестриктивную наркополитику, стабильно фиксируются самые низкие уровни наркопотребления, например, по каннабису (уровень потребления в возрастной группе от 15 до 34 составляет около 6%). Для сравнения во Франции он составляет 20%, в Чехии – 22%.

Таким образом, рестриктивная антинаркотическая политика, право и опыт его применения имеют достаточно высокую социальную эффективность. Существенное ограничение и даже частичное снятие уголовно-правовых запретов и санкций (их замещение административными мерами) в отношении потребления и хранения «незначительного количества» каннабиноидов в личных целях является вполне рациональным. Эти меры существенно снижают не только риск уголовно-правовой стигматизации случайных и периодических наркопотребителей и, соответственно, рецидивной наркопреступности в этой среде, но и реальную нагрузку на правоохранительные органы. Они позволяют, в конечном счете, переориентировать усилия правоохранителей на борьбу с организованными преступными сообществами, промышленными наркобизнесом. При этом очевидна необходимость в существенном усилении общесоциальной и специальной профилактики наркотизма, ее дальнейшей дифференциации. Целенаправленное антинаркотическое и правовое просвещение, развитие медицинских и иных социально ориентированных программ профилактики наркотизма, программ медиализации, реабилитации и реинтеграции в общество наркопотребителей могли бы существенно усилить и рестриктивный потенциал новой российской концепции антинаркотической политики.

Литература

1. Пока не поздно № 9 2009. (234). URL: <http://www.ecad.ru>
2. Комлев Ю.Ю Тенденции наркотизации подростково–молодежной среды в Татарстане. Казань: ЗАО «Новое знание», 2006.
3. UNODC. Sweden's successful drug policy: A review of the evidence. 2007. February.
4. Полонская Я. Наркополитика Швеции: «особое мнение»? // Наркотизм. Наркомании. Наркополитика. Актуальные проблемы: сб. статей / под ред. А.Г. Софронова. СПб.: Артиком плюс, 2008.
5. Халлберг Т. С наркоманией надо бороться, как с эпидемией // Антинарк. 2006. № 3.
6. См.: Фролова Н.А., Зазулин Г.В. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт. М.: Орбита-М, 2003.
7. Халлберг Т. Роль СМИ в борьбе против наркотиков // Санкт-Петербургский университет. 2003. № 3.

Рестриктивный социальный контроль и совершенствование превенции экстремизма в молодежной среде¹

В последние десятилетия в странах Запада и Востока возникли десятки экстремистских групп и движений, проповедующих различные варианты национализма, религиозного фундаментализма, фашизма, идеи конца света, – от индуистских националистов до немецких неонацистов («Ветвь Давида», «Уэйко», «Аум Синрикэ», «Хезболла», «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир» и др.).

Экстремизм, или ультраизм, как социальное явление, состоящее в выборе и отстаивании крайних взглядов с при-

¹ Вестник КЮИ МВД России. 2010. № 2. С. 3–12.

менением насильственных действий (беспорядки, гражданское неповиновение, теракты, партизанская война и др.), все активнее заявляет о себе в сфере политики и религиозной жизни, в межэтнических и экономических отношениях.

Актуальность социологических исследований экстремизма связана как с широким распространением этого сложного, латентного и многоликого явления, так и со снижением эффективности традиционного репрессивно ориентированного социального контроля над ним, особенно в начале XXI века, в США, Западной Европе, Турции, России и других странах.

По данным Департамента по противодействию экстремизму МВД России, в стране в настоящее время действует более 150 радикальных группировок и каждый год возникают все новые экстремистские группы. Как следствие – число преступлений экстремистской направленности, совершенных на почве национальной, расовой или религиозной ненависти, неуклонно растет. В частности, за первое полугодие 2010 года было зафиксировано 370 таких преступлений. Это на 39 процентов больше показателя за аналогичный период прошлого года. За весь 2007 год правоохранные органы зафиксировали 356 подобных преступлений, за 2008 – 460, а за 2009 год – уже 548. По данным Московского бюро по правам человека (МОПЧ), в первом полугодии 2010 года было зафиксировано 90 нападений на почве ксенофобии, 22 человека погибли и 105 ранены. За аналогичный период в 2009 было зафиксировано 43 погибших и 168 пострадавших, в 2008 г. – 78 погибших, 268 пострадавших [1].

В Татарстане накоплен богатый опыт межэтнической и межконфессиональной толерантности, но и в таком относительно благополучном регионе страны постоянно возникают эксцессы экстремистского толка, сталкиваются представители радикальных молодежных групп, а оболваненные ортодоксальными религиозными идеями молодчики уча-

ствуют как в экстремистских акциях, так и кровавых терактах, в частности, на Северном Кавказе. Анализ обзоров ИЦ МВД по РТ показывает, что с 2007 по 2010 годы только количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности увеличилось втрое.

В России и ряде других стран разрабатываются и реализуются национальные и международные проекты по противодействию экстремизму и ксенофобии («Климат доверия», «Всемирная программа действий, касающихся молодежи, до 2000 года и на последующий период», «Ресоциализация несовершеннолетних: проектный опыт», «Развитие системы социальных служб для уязвимых групп населения», «Дети и молодежь групп риска», «Новое поколение» и многие другие). В этих программах используются как результаты эмпирических исследований, так и передовой профилактический опыт, однако эскалация экстремизма в молодежной среде продолжается.

Одна из научных проблем в этой области состоит в том, что социологическими средствами не разработана адекватная современности теория социального контроля над проявлениями экстремизма, особенно в молодежной среде. В силу слабости фундаментального осмысления проблемы и по ряду других весомых геополитических, этнокультурных, экономических и иных социальных причин практические решения в области антиэкстремизма нередко носят недостаточно обоснованный, бессистемный, рецидивирующий характер и все еще воспроизводят традиционные, социально неэффективные репрессивные практики контроля в ущерб превентивным мерам общественного и государственного реагирования на экстремизм.

Анализ научных источников показывает, что проблематика социального порядка и контроля – предмет основательного обсуждения в работах И. Бентама, Ч. Беккариа, Ч. Ломброзо, А. Кетле, О. Конта, К. Маркса, Г. Тарда, М. Вебера,

Э. Дюркгейма, Э. Росса, Р. Парка, Э. Берджеса, У. Самнера, Т. Парсонса, Р. Мертон, А. Рейса, Ф.И. Ная, Ф. Трэшера, У. Реклесса, Т. Хирши, М. Готфредсона, М. Фуко, И. Гоффмана, Д. Гарланда, Т. Дамма и др.

Категорию «социальный контроль» в контексте обеспечения социального порядка концептуализирует американский социолог Эдвард Росс на рубеже XX века в одной из первых монотеорий контроля. С более узких девиантологических позиций новый импульс развития монотеории контроля получают в работах А. Рейса, Ф.И. Ная, У. Реклесса, Т. Хирши и др. В конце XX века с монотеориями начинают конкурировать интегративные (поли) теории социального контроля, которые создаются девиантологами: Р. Айкерсом, Ф. Пирсоном, Н. Уейнером, Д. Эллиотом, Т. Торнбери, Ч. Титлом, А. Лиской, Р. Сэмпсоном, Дж. Лаубе, Б. Вилой, Б. Арриго. Т. Мифом и Р. Меером, Б. Татумом и Г. Бараком. В итоге интегративный теоретический дискурс оказывается более продуктивным, поскольку рассматривает феномен девиантности не фрагментарно, как в монотеориях, а комплексно, не только как практику, но и как конвенциональную социальную конструкцию, что в большей степени отвечает релятивизации и девиантизации общества постмодерна.

В российском обществоведении изучение и анализ вопросов социального контроля имеет сравнительно неглубокие корни. Первым, кто затронул эту тему, был П.А. Сорокин в работе «Преступление и кара: подвиг и награда». В трудах отечественных ученых в 20-е годы XX века, среди которых К. Герман, М. Гернет, А. Рапопорт, П. Люблинский, И. Введенский, содержалось немало конструктивных идей, посвященных проблемам контроля над делинквентным поведением. Однако в годы тоталитаризма по политическим мотивам социологические исследования проблем социального контроля не проводились. Разработки в области

социального контроля начинаются только с 70–80-х годов прошлого столетия. Это труды Я. Гишинского, В. Афанасьева, Д. Ротмана, И. Маточкина, В. Кудрявцева, Г. Миньковского, В. Лунеева, А. Яковлева, В. Овчинского, С. Дикаева, Е. Змановской, Н. Фатхуллина, А. Салагаева, С. Олькова и др. На рубеже XXI века новые работы по теории социального контроля в России единичны (Я. Гишинский, С. Дикаев, И. Грошева), тем более с позиций интегративной перспективы анализа (Т. Шипунова, Ю. Комлев) [2].

В статье представлены основные научные результаты, полученные на кафедре философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России по итогам применения ретроспективного анализа теорий и форм социального контроля, компаративистики и теоретического синтеза.

Девиантологическое понимание экстремизма: причины и проблемы профилактики. Девиантное, или отклоняющееся, поведение как объект исследования и социального контроля в современном обществе заявляет о себе во все более разнообразных формах, имеющих общий генезис и находящихся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий современности. Наряду с преступностью, терроризмом, к наиболее опасным проявлениям девиантности следует, несомненно, отнести экстремизм во всех его формах (политический, религиозный, экономический, информационный, спортивный и прочие). Экстремизм как вариант девиантной адаптации, по терминологии Р. Мертона, есть путь «бунтарства», «мятежа», когда происходит отступление или отказ от принятых в обществе социально одобряемых целей и приемлемых средств их достижения, а взамен «бунтари» декларируют свои новые цели и средства их достижения [3].

Впрочем, «экстремизм» – понятие дискуссионное. Оно не имеет единого определения, на что указывают авторитет-

ные эксперты по вопросам экстремистской деятельности и ультраистских организаций П. Кулеман и А. Бартоли в работе «Addressing Extremism» [4]. Эти исследователи отдают предпочтение трактовке экстремизма, близкой к девиантологической версии. Они считают, что экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) – «деятельность, а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии личности, далекие от общепринятых» [4].

В данной работе предлагается трактовать экстремизм как совокупность девиантных практик, которые состоят в выборе и отстаивании крайних взглядов, позиций с применением нелегитимных, нередко насильственных действий и средств, противоречащих общепринятым социальным нормам современного общества.

С девиантологической точки зрения сложность определения экстремизма состоит в том, что все его понятийные версии есть социальные конструкты, поскольку само явление как вид девиантности имеет релятивный, конвенциональный характер. Этот факт легко иллюстрируют исторические примеры и знаменитые лидеры национально-освободительных и революционных движений. Так, пока Н.Мандела боролся партизанскими средствами с режимом апартеида в ЮАР, он был экстремистом, как только стал президентом, то его жизнь представляется эталоном борьбы за национальное освобождение. В этом ряду можно поставить имена всех известных революционных и этнических бунтарей. Словом, в зависимости от политического, исторического контекстов одни и те же действия определяются разными субъектами как «борьба за свободу» или как антиобщественный терроризм, поскольку экстремистская деятельность часто связана с насилием или угрозой его применения.

Экстремизм – острая социальная проблема для современного российского общества. Он опасен своими социально–

политическими последствиями. В его орбиту, как правило, втягивается неустроенная, маргинальная молодежь, исключенная из позитивных социальных перспектив, у типичных представителей которой нет работы, учебы, денег, связей, образования и иных конкурентных преимуществ.

Анализ открытых научных работ показывает, что к наиболее общим детерминантам экстремизма в российской молодежной среде специалисты относят:

- социально-экономический кризис (безработица, низкие заработная плата и уровень жизни большинства населения страны, отсутствие каналов вертикальной социальной мобильности для молодых – процессы «inclusive-exclusive»);
- слабое представительство в законодательных органах власти структурированных оппозиционных политических сил, а также подавление инакомыслия и оппозиции;
- маргинализация значительной части населения и молодежи;
- дискредитация институтов власти и официальных лидеров, коррупция;
- транзитивный характер структуры российского общества и сырьевой характер экономики;
- распад системы советских ценностей и переход к ценностям рыночного общества (аномия);
- «кризис идентичности» и дисфункции институтов социализации, абсолютизация ценностей материального успеха, распространение «двойной морали» и гедонизма.

Для нашей страны, и особенно ее полиэтнических и поликонфессиональных регионов, крайне опасен религиозный экстремизм. Об этом свидетельствуют как мировой опыт, так и необъявленные войны на Северном Кавказе, трагические события в Кондопоге, убийства и другие насильственные преступления на почве ксенофобии в крупных городах. Он отличается от других видов экстремизма тем, что направлен

на захват власти и насильственное изменение общественного строя, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, использует религиозное учение и его символику как фактор мобилизации и рекрутирования новых членов движения, применяет тактики террора и партизанской войны.

Среди специфических причин религиозного экстремизма можно выделить реакцию консервативных религиозных кругов на секуляризацию (эмансипацию науки, культуры, общественной жизни от религии), что привело к маргинализации религиозных общин, утрате былого общественного влияния религии и превращения священных текстов в красивые сказки, особенно в XX веке.

Кроме того, религиозные институты могут быть дисфункциональными, по Р. Мертону, в тех случаях, когда их деятельность выходит за пределы сакрального и вторгается в политику. Неслучайно социологи выделяют две основные дисфункции религии – военное и религиозное преследование [5]. История знает много примеров того, когда при смешении религии с политикой происходили войны, акты экстремизма и террора. Так, между одиннадцатым и четырнадцатым столетиями христианские монархи Европы неоднократно устраивали кровавые крестовые походы в попытке вырвать у мусульман право на управление Святой землей. Религия оправдывала преследования в период инквизиции. К несчастью, религиозная война и терроризм – не просто реликт прошлого. В конце XX столетия в Ольстере протестанты и католики убивали друг друга из-за политико-религиозного конфликта. Евреи и мусульмане в Израиле делали и делают то же самое в настоящее время. Исламские религиозные экстремисты воевали в Косово и Чечне. Они по-прежнему убивают и рискуют быть убитыми на Северном Кавказе, полагая, что смерть в миссии самоубийства дает им пропуск в рай. Они и им подобные разрушили в результате захвата воздушных лайнеров

и террористической атаки Нью-Йоркский центр международной торговли и здание Пентагона в трагедии 11 сентября.

Религиозный экстремизм – это и реакция на десакрализацию культуры, социальную дифференциацию и фрагментацию общества, распространение ценностей плюрализма, консьюмеризма, индивидуализма и свободы выбора в условиях глобализации.

Регламентация мер социального контроля над экстремизмом получила правовое оформление в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», принятом ГД ФС РФ 27.06.2002 г., с последующими редакциями в 2006, 2007, 2008 гг.

В законе определяется категория «экстремистская деятельность», что тождественно, по мнению законодателя, понятию «экстремизм», «экстремистская организация», «экстремистские материалы»; формулируются принципы и направления противодействия экстремизму. Причем профилактическое воздействие направлено на «выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности», на «выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности». В статье 5 ФЗ уточняется, что органы власти в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют собственно профилактические меры. К сожалению, они сводятся только к воспитанию и пропаганде, направленным против экстремизма. В статьях 6, 7, 8 речь идет о таких реактивных профилактических мерах по фактам экстремистской активности, как «объявление предостережения», «вынесение предупреждения», «предупреждение». В статьях 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 содержатся только прогибиционистские нормы.

Таким образом, превентивный потенциал Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»

весьма скуп, в нем прописаны и детализированы, главным образом, правовые средства в механизме правового регулирования, ориентированные на реализацию репрессивных и предупредительных мер постфактум, то есть реактивно на то или иное действие, организацию, материалы СМИ и т.п. экстремистской направленности.

Методологические предпосылки и концепты теории рестриктивного социального контроля. Российское общество и государство, его правоохранительные институты заинтересованы в реальном снижении угрозы экстремизма. Достижение такого социального результата требует дальнейшей научной проработки социально эффективных в долгосрочной перспективе превентивных механизмов и моделей противодействия экстремизму, особенно в молодежной среде.

Для продолжения и стимуляции исследовательского поиска по моделированию социального контроля над негативной девиантностью в науке сложились специфические методологические предпосылки, которые позволяют основательно использовать достижения социологических теорий, в том числе девиантологии. Эти благоприятные условия и предпосылки заключаются в следующих положениях:

- девиантное поведение есть социальный феномен, объективно присущий всем стадиям, формам и уровням социальной системы (девиантность – перманентное свойство общества);
- девиантное поведение определяется как действия человека или социальных групп, не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям;
- девиации – не только реальные социальные практики, но и релятивные, конвенциональные социальные конструкции, поэтому их определение и изучение имеют смысл лишь в конкретном обществе, в определенный период времени;
- негативные девиации (преступность, терроризм, экс-

тремизм, наркотизм, алкоголизм и др.) ведут к дезорганизации социальной системы, повышают ее энтропию;

- все формы девиантности функциональны, поэтому полностью неустранимы;

- социальный контроль в девиантологическом смысле есть совокупность средств и методов воздействия общества и государства на негативные формы девиантного поведения с целью их сокращения или минимизации до социально приемлемого уровня;

- социальный контроль и девиации дополнительные (в понимании Н. Бора), они сосуществуют и неразрывно связаны друг с другом;

- приоритетным является развитие превентивно ориентированных или компромиссных теоретических перспектив в конструировании моделей социального контроля, а не репрессивно ориентированных;

- логика социального контроля в современных условиях состоит в сокращении масштабов и оптимизации структуры негативной девиантности, прежде всего, более гуманными профилактическими средствами, чем репрессивными;

- компромиссные стратегии контроля строятся на основе сочетания превентивных и репрессивных начал с доминированием превенции, что, в конечном счете, более социально эффективно, поскольку такой выбор существенно снижает риски стигматизации и рецидивизма, личную и общественную опасность девиаций, повышает социальные перспективы девиантов в плане их ресоциализации и реинтеграции в общество;

- в обществоведении и девиантологии на постсовременном этапе происходит переход от дифференциации научного знания к его интеграции;

- накоплен конструктивный опыт теоретической интеграции для обоснования новых концепций контроля в работах: Г. Барака, Р. Айкерса, Ф. Пирсона, Р. Сэмпсона, Дж. Лаубэ,

Б. Вилы, Б. Арриго, Дж. Брейтуэйта, Т. Мифа, Р. Меера, Б. Татума, Я.И. Гилинского, Т.В. Шипуновой, Ю.Ю. Комлева и др.

Наряду с методологическими основаниями и предпосылками синтеза интегративных теорий социального контроля в современном обществе сложились и приемлемые социальные условия для продолжения этой работы. В их числе:

- банкротство репрессивно-консервативной стратегии контроля в демократических странах и странах, ориентированных на развитие демократии, о чем свидетельствуют «кризис наказания», рост экстремизма, терроризма, рецидивизма и криминальных карьер, несмотря на усиление репрессий;
- кризис правоохранительных институтов и реформа ОВД;
- поиск компромисса в проекте закона «О полиции» между моделями организационных структур органов правопорядка военного и социального типов;
- виртуализация социальной и правовой реальности в условиях постмодерна;
- снижение социальной эффективности и гибкости институтов формального социального контроля, права в их дистрибутивной форме.

Как показывает опыт, в современных условиях известные монотеории социального контроля А. Рейса, Ф.И. Ная, Ф. Трэшера, У. Реклесса, Т. Хирши, М. Готфредсона характеризуются определенной ограниченностью, поскольку в них феномены девиантного поведения рассматриваются фрагментарно и, как правило, выделяется лишь отдельный социальный (структурный, культурный, организационный или личностный) аспект проблемы контроля.

Интегративный подход позволяет сосредоточиться на различных, дополняющих друг друга формах девиантности и аспектах контроля. Цель теоретической интеграции, по Р. Айкерсу, состоит в выявлении общности положений двух и более теорий, для того чтобы произвести их синтез в еди-

ную переформулированную теоретическую модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории [6].

Теоретический синтез опирается на продуманные варианты совмещения двух или более непротиворечивых тесно связанных между собой теорий или их положений. Опыт успешного синтеза новых теорий девиантности и социального контроля нашел отражение в трудах Д. Элиота, Р. Айкерса, А. Лиски, Р. Сэмпсона, Дж. Лаубе, Б. Вилы, Б. Арриго, Т. Мифа, Р. Меера, Б. Татума, Дж. Брейтуэйта, Г. Барака и др. Интегративные теории вполне отвечают ключевым положениям методологии науки (содержание теорий производно от исходных понятий и логически непротиворечивых положений, отличается целостностью системы понятий и др.).

Анализ синтетических политеорий позволил А.Е. Лиске в конце XX века выделить и описать такие типы теоретической интеграции, как: концептуальная, пропозициональная, одноуровневая, перекрестная [7]. По оценке исследователя, концептуальная интеграция представляет собой тип синтеза, когда объединяются понятия, положения из одной и другой теорий, которые частично совпадают по своему значению. Пропозициональная интеграция связывает дополняющие друг друга утверждения из различных теорий. Одноуровневая интеграция предполагает объединение либо только микротеорий, либо теорий макроуровня. Перекрестная интеграция характеризует синтез структурных и процессуальных теорий.

Интегративные теории контроля, объединяя наиболее эффективные концепты, понятия и другие элементы монотеорий, опираются на девиантологические положения о том, что девиантность и контроль над ней не могут продуктивно рассматриваться вне более широкого социального, структурного и культурного контекстов, в которых они продуцируются.

Все интегративные теории исходят из единого объяснения девиантности и ее различных форм, а также опираются на перечисленные выше методологические основания.

Изучение и обобщение зарубежного, отечественного опыта построения теорий контроля и девиантного поведения, оригинального эмпирического материала на основе принципов дополнительности, полицептуальности и других фундаментальных положений девиантологии позволило концептуализировать открытую [8] методологическую рамку (framework) как основу теории рестриктивного социального контроля над негативной девиантностью. В ее состав после критического отбора включены непротиворечивые и дополнительные концепты ряда монотеорий социального контроля на трех уровнях социального сдерживания: *институциональном, групповом и личностном* [9].

Это положения из профилактической концепции контроля Т. Парсонса, теорий сдерживания У. Реклеса, теории связей Т. Хирши и теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши. Подобный опыт интеграции теоретических знаний на трех уровнях в моделях контроля апробирован в работах Г. Барака, где он доказал возможность непротиворечивого объединения культурного взаимодействия индивидов, социальной экологии и взаимоотношений институтов [10, p. 286].

На *институциональном* уровне для определения механизма сдерживания предложено исходить из парсоновского положения о том, что в реальности ни одна социальная система не бывает в состоянии совершенного равновесия. Факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и они настолько стабильны, что их невозможно полностью устранить из мотивационной системы акторов. Механизмы социального контроля не элиминируют эти факторы, а приводят лишь к ограничению последствий их действия, обеспечивают восстановление равновесия с помощью про-

тиводействующих девиантности сил. Отсюда при моделировании профилактического противодействия негативной девиантности следует учитывать как функциональное, так и дисфункциональное состояние институтов социализации и контроля. Социальные изменения, трансформация общественных и индивидуальных потребностей нередко приводят к ситуации, когда, согласно Р. Мертону, наблюдаются дисфункции социальных институтов. В этом случае радикально снижается их социальная эффективность. Содержательно дисфункции чаще проявляются в неясности целей деятельности, неопределенности функций, в вырождении или падении социального престижа института.

На *групповом* уровне контроля акцент сделан на положении из теории Т. Хирши о силе социальных связей, которые ориентируют индивида на модель конформного поведения при реализации специфических условий сдерживания ювенальной девиантности (привязанность, приверженность, вовлеченность, убежденность). Теоретико-эмпирическую ценность здесь представляет такое условие сдерживания, как вовлеченность в социальные контакты с группой. При этом вовлеченность, как представляется, следует рассматривать с двух сторон: как проявление социальной связи с группой негативных девиантов, так и с группой, в которой нормой является конформное поведение.

На *личностном* уровне контроля интегрировано положение из теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши, которое подчеркивает профилактическую роль эффективного самоконтроля как генерального фактора в механизме сдерживания девиантности. Из теории У. Реклесса абсорбированы положения о «внешнем» и, особенно, «внутреннем» сдерживании факторов девиантности. При этом положение о позитивной Я-концепции (самоконтроль, стойкость, самооценка, развитые «эго» и «суперэго», целеустремленность, правосознание

и рационализм – ориентация на цель и приверженность нормативному поведению) дополнено новым концептом о негативной Я-концепции (неразвитый самоконтроль, нестойкость, низкая самооценка, неразвитые «эго» и «суперэго», отсутствие целеустремленности, низкое правосознание и рационализм). Тем самым социализация рассматривается как со знаком плюс (нормативная), так и со знаком минус (девиантная).

Выделенные в открытую к развитию трехуровневую рамку переформулированные и дополненные положения существующих теорий контроля интегрированы вокруг концепта *«рестрикция» (ограничение)*. Его суть состоит в том, что открытый, но конечный набор разнонаправленных социальных ограничений определяет: характер функционального и дисфункционального состояния институтов социализации, их социальную эффективность; специфику социальных связей и вовлеченность индивида в группы негативных девиантов или конформистов, направленность социализации и формирования индивидуальной Я-концепции.

Варьируя конечным числом ограничений различной направленности на выделенных уровнях контроля, можно усиливать или ослаблять эффект социального сдерживания (противодействия) негативной молодежной девиантности, создавать социальные условия и предпосылки для перевода активности подростков и молодых людей из деструктивного в конструктивное русло. Измеряя в режиме социологического мониторинга функциональные последствия управляемых ограничений на трех уровнях социального сдерживания, можно оценивать социальную эффективность рестриктивного контроля в целом.

Таким образом, концептуализация рестриктивного социального контроля молодежной девиантности, в первом приближении, опирается на выделенные выше логически непротиворечивые понятия и положения, объединенные

рестриктивной идеей с использованием опыта концептуальной, пропозициональной и перекрестной интеграции.

Рестриктивная концепция позволяет структурировать наборы разнонаправленных ограничений и варьировать их по количеству и направленности действия на трех «этажах» социального сдерживания. При этом набор ограничений, который создает препятствия для развития дисфункций институтов социализации, следует оптимизировать в сторону увеличения. Например, в современных российских условиях существует острая необходимость в нейтрализации таких дисфункций институтов массовой коммуникации, как: *тематизация экстремизма, криминала и насилия* (проявляется в доминирующем прокате фильмов с показом криминальных сцен насилия, агрессивного поведения и жестокости), *«наркотизация» эфира* (заявляет о себе как рост массовой апатии и инертности, как переход от «активного участия к пассивному знанию») и др. По мысли теоретика интегративного подхода Г. Барака, без ограничений и цензуры над ксенофобией, жестокостью и насилием в фильмах и на ТВ не обеспечить выживания молодежной среды [10, р. 272–273]. Типичными ограничениями указанных дисфункций СМК могут быть сокращение времени и мест просмотра, объема телевизионных передач с элементами насилия. Подобные ограничения создадут предпосылки для снижения вероятности интериоризации образов противоправной, экстремистской деятельности, увеличат время на занятия какой-либо конструктивной активностью.

Набор ограничений, которые дезорганизуют функциональность масс-медиа, наоборот, следует минимизировать. Уменьшение препятствий по реализации таких функций, как *корреляционная связь* (объяснение, интерпретация и комментирование значения событий и информации; социализация; координация различных форм социальной активности; обеспечение общественного порядка и согласия) и *обеспечение*

преемственности (выражение образцов доминирующей культуры, укрепление и поддержка норм толерантности, общих социальных ценностей), существенно повышает функциональность СМК. Иначе говоря, в сетке вещания программы с позитивной функциональной нагрузкой должны занимать лучшее эфирное, а не ночное время. Не секрет, что и школа как социальный институт нередко бывает дисфункциональной, например, если ученика отторгает организация учебного и воспитательного процесса. Когда он не получает удовольствие от процесса и результатов учебы, то, как правило, прибегает к девиантному опыту, получая первые уроки школьной стигматизации. Для нейтрализации дисфункциональных эффектов школы необходима оптимизация ограничений по отбору педагогов (учительство давно уже только женская профессия), по изменению учебного процесса; школа должна научить решать проблемы, опираясь на знания, а не просто обеспечивать их трансляцию и т.п. Можно и нужно минимизировать ограничения, которые дезорганизуют функциональность школы. Например, давно назрела необходимость устранения низкой заработной платы педагогов, определяемой на основе остаточного принципа.

В контексте противодействия экстремизму необходимо создание и развитие такого набора ограничений, который бы создал препятствия для развития дисфункций религиозных институтов. Так, безусловно, необходимы нейтрализация политической и идеологической ангажированности религии, недопущение религиозных предметов в школьном учебном процессе. В условиях религиозного плюрализма разумны ограничительные меры по элиминации обособления людей по конфессиональному признаку и, наоборот, стимуляция функции по интеграции социума на основе общих для всех религиозных доктрин систем ценностей. Кроме того, должны быть выстроены эффективные ограничения

по снижению возможностей для борьбы ортоксальных клерикалов с прогрессивным процессом секуляризации. В итоге, используя не грубый прогибиционизм, а политику сбалансированных рестрикций, вполне можно снизить риск возникновения и развития религиозного экстремизма.

Набор ограничений на групповом уровне, который препятствует вовлеченности подростков и молодых людей в группы экстремистской направленности, также необходимо оптимизировать в сторону увеличения. Это может быть переезд в другой район, каникулы в деревне или другом городе и т.п. Те ограничения, набор которых расстраивает конструктивную вовлеченность подростка в группу с конформным поведением, следует минимизировать. Можно уменьшить препятствия для активности инициативных групп, объединенных конструктивными, познавательными или созидательными целями, или уличных футбольных, хоккейных и иных команд, создающих основу массового спортивного движения.

На уровне индивида также существенная роль принадлежит увеличению числа ограничений, которые препятствуют формированию негативной Я-концепции и девиантной социализации. Без выстраивания воспитательных и иных барьеров на пути формирования педагогически запущенных детей трудно рассчитывать на потенциал самоконтроля. Минимизация набора ограничений, которые стоят на пути формирования позитивной Я-концепции и нормативной социализации, устраняя чрезмерную опеку, а также условия, которые формируют «домашних мальчиков», не готовых к житейским трудностям, повышает вероятность нормативной социализации и развитого самоконтроля.

Эмпирический анализ рестриктивных положений. Выдвинутые концепты рестриктивной теории и пути ее применения носят во многом гипотетический характер. Оценка состоятельности, валидности и эмпирической обоснованно-

сти теории рестриктивного социального контроля (ТРСК) – трудная исследовательская задача, которую еще предстоит решить, поскольку она стоит немалых средств и трудовых усилий, требует времени. Это задача будущего.

Вместе с тем анализ зарубежного и отечественного опыта по превентивному противодействию негативной девиантности позволяет выявить эффективные примеры применения рестриктивных положений в социальной политике и практике, в частности, при осуществлении социального контроля над молодежным экстремизмом, наркотизмом подростков и молодежи и другими формами социального неблагополучия, связанного с нарушением социальных норм.

Достаточно сказать, что пакет рестриктивных мер в отношении религиозного экстремизма и ультраизма, использующих образовательные, этно-конфессиональные и этнополитические факторы, в последние годы с успехом применяется правительством Турции [11]. При этом сохраняется компромисс между превенцией и репрессией в противодействии экстремизму.

Исследования турецких специалистов показывают, что в сферу проблем «злоупотреблений в области религии», религиозного экстремизма и терроризма включается социально неустроенная (безработная), «недосоциализированная» и лишенная конструктивных социальных перспектив молодежь. Несмотря на жесткость репрессивных мер по турецкому законодательству, в экстремизм в настоящее время рекрутируется все большее число «социально исключенной» молодежи [12]. Поэтому власти Турции все с большим успехом применяют рестриктивные меры: снимают ограничения по профессиональной занятости и мобильности молодежи, по занятиям спортом и физкультурой (в каждом дворе и парке сооружены и используются прекрасно оборудованные спортивные миниплощадки), по получению образования даже в турецком Курдистане.

Интересен турецкий опыт по ограничению влияния религии, клановости, поскольку одним из ключевых агентов в механизме вовлечения в экстремизм являются кланы и семейные группы. Об этих переменах свидетельствуют вполне европейские манеры молодых турков, реклама, содержание сетки вещания на ТВ. В стране поддерживается определенная толерантность – Турция стала Меккой для иностранных туристов. Турки ведут активную работу по интеграции турецкого общества на основе традиционной и светской систем ценностей еще со времен Ата Тюрка.

Рестриктивный опыт в противодействии негативной девиантности аккумулирован также в Швеции, Греции, Великобритании, которым за счет рестриктивных мер удалось существенно снизить уровень наркотизации молодежной среды, повысить толерантность и веротерпимость, снизить риски экстремизма. Ряд положений рестриктивной теории контроля прошли эмпирическую проверку в ходе реализации целевых программ профилактики наркотизации и алкоголизации населения в России и Татарстане. Достаточно вспомнить и о законодательном ограничении в РФ потребления алкоголя в ночное время.

Таким образом, теоретическая модель рестриктивного социального контроля, сформулированная в первом приближении, не догма, она носит открытый к изменениям и дополнениям характер, что позволяет полнее учитывать социальные перемены и контексты, гибко выстраивать конкретные модели превентивного противодействия экстремизму и иным проявлениям девиантности. Рестриктивный дискурс – новая теоретическая площадка, на которой может и должна пройти интересная и содержательная дискуссия о плюсах и минусах рестриктивного подхода и интегративных девиантологических теорий контроля в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девиантология. URL: <http://www.deviantology.spb.ru/>; Гилинский Я.И. URL: <http://www.online812.ru/gilinskiy/>
2. См.: Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003; Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.
3. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006. С. 156–157.
4. http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386_whritePaper_2_Extremism_030809.pdf
5. Henslin J.M. Essentials of sociology: a down-to-earth approach. Boston: Allyn and Bacon, 2004. P. 354–360.
6. Akers R.L. Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles, 1997.
7. Liska A.E. Strategies and requisites for theoretical integration in the study of crime and deviance // Theoretical Integration in the Study of Deviance and Crime. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 1–20.
8. Открытая рамка способна «раздвигаться» за счет новых конструктивных положений.
9. См: Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.
10. Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998.
11. Автору в марте–апреле 2010 года в составе делегации КЮИ МВД России, посетившей Турецкую национальную полицейскую академию, удалось познакомиться с результатами оригинального исследования турецких криминологов, объектом которого стала местная организация «Хезболла».
12. Специальным законодательством Турции для террористов предусмотрено пожизненное заключение, а за финансирование террористических организаций предусмотрено лишение свободы до 15 лет в специальных тюрьмах. В ту-

рецидивных тюрьмах 120000 заключенных, хотя рассчитаны они только на 75000 заключенных.

Уголовно-правовой рецидивизм: девиантологическая перспектива профилактики с позиций теории стигматизации в условиях преодоления «кризиса наказания»¹

В зарубежной социологии преступности под рецидивизмом (recidivism) понимается социальная «репетиционная практика криминального поведения», в соответствии с которой «определенная доля преступников повторно подвергается арестам» (Дж. Конклин, Ф. Шмаллегер, Р. Блэкборн и др.). В рамках отечественной девиантологии рецидивизм можно атрибутивно определить как устойчивое социальное явление, разновидность преступности как формы девиантности, состоящей в повторном совершении преступлений. Рецидивизм отличается устойчивостью, распространенностью, повышенной социальной опасностью, негативным влиянием на общество. Он способствует конструированию и распространению «прерывистых» и особенно «интенсивных», по Гринвуду и Лавину, девиантных (криминальных) карьер, складывающихся в среде несовершеннолетних, вовлеченных в преступные роли [1].

Российские криминологи чаще оперируют терминами «рецидив», «рецидивная преступность», имея в виду всю совокупность неоднократных деликтов, совершенных лицом, независимо от характера принятых мер.

Рецидивная преступность разделяется на криминологическую, пенитенциарную, уголовно-правовую. Криминологическая преступность включает совершение уголовно

¹ Вестник КЮИ МВД России. 2011. № 2. С. 20–27.

наказуемых деяний как лицами, к которым применялись уголовное наказание (независимо от снятия или погашения судимости за прежние преступления), так и лицами, к которым уголовно-правовые меры воздействия не применялись. Пенитенциарная – интерпретируется как совершение лицами нового преступления в условиях отбывания наказания. Уголовно-правовая рецидивная преступность характеризуется совершением повторных преступлений лицами, имеющими судимость (не снятую или не погашенную в установленном законом порядке). Отсюда уголовно-правовой рецидивизм есть социальное явление и негативная девиантность в форме преступности, состоящей в повторном совершении преступлений при наличии судимости. Уголовно-правовой рецидивизм имеет массовый характер, чрезвычайно опасен для личности и общества и является во многом продуктом стигматизации. «Лейбл» осужденного в крайне ригористичном российском обществе нередко «запирает» молодых людей с криминальным опытом в рамках принятой девиантной роли. В итоге при выходе на свободу, даже в условиях программ реабилитации, большинство стигматизированных молодых правонарушителей оказывается неспособным радикально изменить криминальное поведение, восстановить ослабевшие связи с домом, родителями, ресоциализироваться к обычной для большинства сверстников жизни, преодолеть социальное отчуждение.

Рецидивизм в целом по России с 1982 года по 1994 год имел тенденцию к снижению. Доля лиц, ранее совершавших преступления, составила в 1994 году 22%. Новая волна роста рецидивизма началась в 1995 году [2]. По оценкам Я.И. Гилинского, в постсоветский период уровень рецидива составлял 20–28% [3].

Исследовательский и практический интерес к вопросам совершенствования социального контроля над уго-

ловно-правовым рецидивизмом обрел свою актуальность в контексте поиска и девиантологического обоснования альтернативных решений по его реализации в подростково-молодежной среде в современных российских условиях. И это не случайно, поскольку, по статистическим данным МВД России, при общем снижении объема преступности в стране количество рецидивных преступлений в 2010 году возросло на 40%. В итоге каждое третье преступление совершено лицами, имеющими судимость. В структуре рецидивных преступлений половину составляют тяжкие и особо тяжкие, более 60% от всей рецидивной преступности приходится на кражи, грабежи, разбои и хулиганство – составы, создающие наибольшие угрозы и беспокойство для общества в целом и для каждого его члена в отдельности. При этом самый высокий процент рецидива зафиксирован в возрастной группе от 22 до 24 лет [4].

Среди причин и условий, способствующих рецидиву, традиционная криминология выделяет взаимосвязанные блоки первичных факторов, обусловивших совершение преступлений вообще (социальные, психологические, экономические, криминологические причины и условия преступности), и вторичных специфических факторов, определяющих собственно рецидивную преступность. К детерминантам рецидивизма криминологи обычно относят факторы, влияющие на неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации (проблемы трудоустройства, жилищные, семейные проблемы и т.п.), и факторы, связанные с недостатками в деятельности правоохранительных органов и судебной системы. В их числе выделяют: отток профессионалов из ОВД, несвоевременное реагирование на совершенные преступления, судебные ошибки в избрании мер пресечения, снижение эффективности пенитенциарной системы и престижа правоохранительных органов и др. [2]

При этом весьма немногие отечественные исследователи (среди них криминологи социологической ориентации: Д.А. Шестаков, С.Ф. Милюков, Я.И. Гилинский, С.У. Дикаев и другие) обращают внимание на такой системный фактор преступности и рецидивизма, как «кризис наказания» [5]. «Кризис наказания», или «кризис полицейского контроля», проявляется в «неспособности привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных, санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления» [6]. Социальная суть «кризиса наказания» состоит в «отрицании идеи кары», замыкающей порочный круг насилия (жестокость, исходящая как от человека, так и от государства, порождает новую ответную жестокость). Развитие «кризиса наказания» после Второй мировой войны проявляется в росте преступности во всем мире, несмотря на все репрессивные усилия органов полиции и уголовной юстиции. Все возможные виды уголовной репрессии не дают видимых результатов (неэффективность общей превенции в рамках формального социального контроля). По данным Т. Матисена (1974 г.), относительно стабилен для каждой страны или не снижается уровень рецидива, что указывает на неэффективность и специальной превенции [3, с. 438].

«Кризис наказания» породил необходимость поиска новых теоретических оснований, в том числе и девиантологических, при выработке адекватной современным реалиям уголовной политики, а также научного обоснования решений по реализации превентивного социального контроля над преступностью и рецидивизмом, альтернативных репрессивно-прогибиционистским. Это закономерно, поскольку длительное заключение «в местах не столь отдаленных» служит лишь «школой криминальной профессионализации, а не местом исправления», на что указывал еще профессор М.Н. Гернет в книге «В тюрьме: очерки тюремной психологии» (1930).

Социология девиантного поведения и социального контроля достаточно продолжительное время и весьма продуктивно развивается зарубежными учеными. Неслучайно в развитых странах на протяжении ряда последних десятилетий успешно реализуются системные меры по социальной ориентации, гуманизации и либерализации уголовной политики, правоприменительной и пенитенциарной практики. Они в значительной мере опираются на девиантологические положения о возмещении и сокращении вреда (harm reduction), о примирении и сосуществовании с преступностью, об удержании групп риска от рецидивизма, о ресоциализации людей, совершивших преступления. Преодоление «кризиса наказания» там происходит путем смягчения уголовного наказания, уменьшения продолжительности изоляции и решительного сокращения «тюремного населения», путем развития альтернативных лишению свободы мер, к примеру, таких, как штрафные санкции. Так, в Англии и Швеции в 1984–1987 гг. из общего числа осужденных к лишению свободы были приговорены около 20%, а к штрафу – почти половина. В Германии к середине 90-х годов доля приговоренных к реальному (безусловному) лишению свободы составила лишь 11,5% от общего числа осужденных, тогда как к штрафу – 83,4%. В Японии в течение 1978–1982 гг. к лишению свободы приговаривалось лишь 3,5% осужденных, к штрафу – свыше 95%. В России все наоборот: в последние годы к условному и безусловному лишению свободы приговаривается свыше 80% осужденных, к штрафу – всего 5–7%, столько же к исправительным работам [7]. В итоге, по данным профессора Д.А. Шестакова, на рубеже XXI века Россия по коэффициенту заключенных (число людей, находящихся в местах лишения свободы, на 100000 населения) в 18,2 раза превосходит Японию и Индию, в 5,8 – Англию, в 8,1 – Францию, в 7,6 – Германию, в 6,6 – Китай.

Российские показатели по этому измерению близки лишь к данным США и Беларуси [5, с. 26].

В развитых странах ярлык судимости настигает лишь узкий круг лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования). В России пенитенциарной стигматизации подвергается абсолютное большинство осужденных, что во многом определяет для них перспективу, как правило, «интенсивных» криминальных карьер, а ее реализация в итоге детерминирует массовый уголовно-правовой рецидивизм.

Реальность девиантной или криминальной карьеры для стигматизированных несовершеннолетних или молодых людей тем выше, чем выше мера общественного ригоризма (нетерпимости). Отсюда, наряду с совершенствованием превентивного потенциала формального социального контроля в ювенальной среде, необходимо преодоление традиционного российского ригоризма и развитие массового правосознания. Не секрет, что в европейских странах общественное мнение более гуманно реагирует на девиантов. Так, англичане, живущие по соседству, обсуждая поведение «подвыпившего» парня из дома напротив, скажут друг другу, что у Джона проблемы с алкоголем. В России про «закутившего» молодца будут говорить, что он «законченный алкаш». Стигма алкоголика, дебошира, хулигана в условиях крайнего ригоризма с большей вероятностью может испортить молодому человеку жизнь, даже если он лишь один раз потерял контроль над собой.

Неэффективность традиционных полицейских и пенитенциарных средств контроля над преступностью, многолетняя и безуспешная «борьба с преступностью» в России привели к формированию феномена массовой «призонизации» («отюрьмовления») культуры, языка, быта, особенно в молодежной среде. Блатной жаргон, полукриминальные и

криминальные практики и способы адаптации в условиях рыночного транзита получают все более широкое распространение в молодежном сообществе, которое подвергается наибольшей девиантизации.

Слепое следование принципу неотвратимости наказания, по Ч. Беккариа, в большинстве случаев [8]; криминализация значительного числа неопасных деяний (например, оскорбление (ст. 130 УК), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК) и др.); преимущественное использование отечественными правоохранительными органами метода изоляции в рамках самого жестокого за всю историю страны по предусмотренным санкциям Уголовного кодекса 1997 года завели, в конечном счете, российскую уголовную политику и правоприменительную практику в порочный круг усиливающейся социальной неэффективности. Его все более очевидные тупики требуют в настоящее время радикального изменения традиционной репрессивно ориентированной парадигмы социального контроля.

Несмотря на наличие прогрессивного зарубежного опыта, реакция большинства ученых, законодателей и практиков на «кризис наказания» в России в целом носит запаздывающий характер. Для его преодоления путем снижения социальных рисков преступности и рецидивизма в стране по инициативе Президента осуществляется реформа системы МВД и других правоохранительных институтов. Принятие в 2011 году Федерального закона «О полиции» нацелено на снижение коррупции и коммерциализации в ОВД, на перестройку системы управления (больше лейтенантов для работы «на земле» и меньше генералов и аппаратных работников). Новый закон ориентирует на жесткий отбор, современную подготовку, оптимальную численность, расстановку и ротацию кадров, на существенное увеличение оплаты труда в полиции и обеспечение дифференцированного социального

пакета [9]. Полицейская деятельность, в соответствии с его положениями, должна отвечать стандартам сервисного обслуживания населения по обеспечению безопасности и широко опираться на оценку «снизу» и общественное мнение, что требует отказа от монопольной оценки «сверху» работы территориальных ОВД и ведомственной показухи в формате пресловутой «палочной системы».

Закон «О полиции» открывает перспективу реального повышения защищенности населения от преступных посягательств и одновременно усиления ответственности полиции перед сообществом на обслуживаемой территории как налогоплательщиками, на средства которых и осуществляется полицейская деятельность. Его реализация предполагает развитие социального партнерства полиции и общества, местных общин (*community policing*), организации соседского контроля (*neighbourhood-watch*) при содействии сотрудников правопорядка и др.

Государственной Думой в 2011 году принят закон «Об административном надзоре», по которому надзор до 3 лет распространяется на тех, кто был осужден за тяжкие преступления, совершил рецидивные преступления, а также преступления против несовершеннолетних. Бывшему заключенному, попавшему под надзор, закон запрещает посещать массовые мероприятия, выезжать за установленные судом пределы территории, покидать жилище в темное время суток. Он обязывает поднадзорного являться в полицию от одного до четырех раз в месяц и беспрепятственно впускать в свой дом проверяющих. В целях ресоциализации бывших осужденных разработана и проходит согласование с правоохранительными ведомствами концепция законопроекта о государственной системе профилактики правонарушений. Словом, в стране разворачивается активный поиск институциональных, уголовно-правовых, административно-пра-

вовых и социальных средств профилактики общеуголовной преступности и рецидивизма.

Однако, как представляется, особое место при выработке и реализации альтернативных мер осуждению и лишению свободы несовершеннолетних и молодых людей принадлежит созданию полноценной системы российской ювенальной юстиции. Конструктивный опыт ювенального права, судов и системы реабилитации достаточно успешно реализован в экономически развитых странах с устойчивыми демократическими традициями. Неслучайно во многих из них в отношении несовершеннолетних не применяется метод изоляции и пенитенциарная стигматизация девиантов сведена к минимуму. Российский же опыт развития ювенальной юстиции существенно отстает от зарубежного и во многом ему противоречит. Так, например, УК РФ от 1997 года демонстрирует возросшую репрессивность в ювенальном контексте, поскольку в нем установлена уголовная ответственность с 14-летнего возраста по 53 составам преступлений (в прежнем их было 44), на что справедливо указывают специалисты Санкт-Петербургского университета МВД России [10].

В странах Запада в последней четверти XX века накоплен большой опыт разнообразных экспериментов, программных мер и альтернативных практик социально–психологического вмешательства с целью предупреждения повторного совершения преступления и реабилитации молодых девиантов. Эти подходы, разумеется, не лишены дискуссионных моментов, поскольку некоторые эмпирические оценки позволяют заключить, что «реабилитационные программы не влияют на рецидивизм» [11]. При этом поиски новых альтернативных уголовному наказанию решений продолжаются, о чем свидетельствует скандинавский опыт реализации социального контроля над различными проявлениями негативной девиантности (преступности, наркотизма, проституции

и других форм социального неблагополучия) в молодежной среде, например, с использованием практик рестриктивного (ограничительного) социального контроля и программ «минимизации юридического вмешательства» [12].

Во многих государствах Евросоюза рецидивизм в молодежной среде все еще остается проблемой, но проблемой более низкого порядка, чем в современной России. В среднем в течение трех–четырёх лет после выхода из тюрьмы в новых преступлениях участвуют около 50–60% молодых девиантов, имеющих судимость. Однако заметим, что самый высокий рецидив отмечается при совершении не тяжких, а относительно легких преступлений, таких, например, как кражи.

Для отечественной теории и практики социального контроля по предотвращению делинквентности и минимизации уголовно-правового рецидивизма в молодежной среде интересен опыт раннего вмешательства путем отказа или замены уголовной ответственности альтернативными видами исправительного воздействия в сочетании с ситуационной превенцией повторных криминальных актов, то есть снижением возможностей для совершения преступлений путем изменения связей между преступником, жертвой и окружающей средой. Ценно и то, что в европейских странах гораздо большее внимание, по сравнению с Россией, уделяется развитию институциональных основ ювенальной юстиции, внедрению программ повышения компетентности и просоциального поведения, изменения локального окружения, институционализации служб социальной работы и помощи девиантам.

Остается лишь сожалеть, что в России все еще не предусмотрены специальные органы расследования и рассмотрения дел несовершеннолетних с учетом социального сопровождения, учитывающего возрастной фактор. В стране не развиты службы опеки, социальной и психологической помощи девиантам. Отсюда – нет полноценного ювеналь-

ного правосудия и общественно-государственной системы ресоциализации молодых правонарушителей.

Таким образом, зарубежный и отчасти отечественный опыт социального контроля над преступностью и рецидивизмом показывают, что в современных условиях необходимо все больше совершенствовать меры, альтернативные тюремному, особенно длительному заключению и пенитенциарной стигматизации. Среди них: декриминализация малозначительных и неопасных деяний с переводом их в разряд административных или гражданско-правовых деликтов; краткосрочное лишение свободы; ограничение свободы с применением административного надзора и электронного слежения; домашний электронный арест; общественные работы; probation (испытания), позволяющие строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного; развитие восстановительной юстиции при сохранении юстиции возмездной по делам о тяжких преступлениях; гуманизация режима, социально-гигиенических и «жилищных» условий содержания; условное осуждение; социально ориентированная реформа МВД; развитие ювенальной юстиции и др.

Концептуализации и осуществлению новой превентивно ориентированной уголовной политики в России, снимающей остроту проблемы рецидивизма и общеуголовной преступности среди несовершеннолетних и молодежи, могло бы способствовать освоение теоретического знания, накопленного девиантологами в рамках теории стигматизации. Теория стигматизации («лейблов», «клеймения», «наклеивания ярлыков», «социетальной реакции») разработана американскими социологами Ф. Танненбаумом, Э. Лемертом, Г. Беккером, Э. Шуром, немецким криминологом Ф. Заком, исходя из frame-work символического интеракционизма [13].

Основные ее положения состоят в следующем [1, . 177–188]:

1. Стигма, или клеймо, – это характеристика индивида или группы, которая считается в обществе пороком. По Фрэнку Танненбауму (1938), «многие общественно опасные деяния совершаются подростками как шалость, а воспринимаются окружающими как проявление злой воли и оцениваются как преступления» [14]. Изучая вовлечение несовершеннолетних в преступные группы, Танненбаум заметил, что чрезмерная «драматизация» окружающими проступка, совершенного подростком, как злостного нарушения может инициировать девиантную, или криминальную, социализацию его личности. «Обобщенные другие» – родители, учителя, полицейские, драматизируя ситуацию, стигматизируют подростка в качестве злодея, подталкивая его к девиантному самоопределению. При этом для формирования девиантного выбора особое значение имеет первичная «драматизация зла».

2. Стигматизация детерминирует лишь «вторичное» отклонение, процесс формирования девиантной карьеры под воздействием социального контроля, но не этиологию «первичного» отклонения. Наклеивание позорного ярлыка не только порождает, но и усиливает отклоняющееся поведение. Эдвин Лемерт (1951) выдвинул эти положения, развивая идеи Ф. Танненбаума, создав социально–психологическую модель стигматизации. Если молодые люди впервые нарушают социальную норму случайно или по каким–то иным причинам, то эти проступки получают название первичных отклонений. «Когда индивид, – утверждает Лемерт, – начинает использовать свое девиантное поведение или свою роль, основанную на девиантном поведении, в качестве средства защиты, наступления или приспособления к своим явным и скрытым проблемам, порожденным последовавшей социальной реакцией, его отклонение является вторичным» [15, с. 59]. Вторичные отклонения – результат того, что индивид однажды уже был помечен ярлыком деви-

анта. Они являются его реакцией на клеймение. Навешивание ярлыка при определенных обстоятельствах и для определенных людей может усилить вероятность вторичной девиации и привести к рецидивизму.

3. Отклоняющееся поведение обусловлено способностью влиятельных групп общества (политики, законодатели, полицейские, судьи, врачи и др.) создавать нормы и навязывать другим определенные оценки поведения. По Говарду Беккеру (1963 г.), отклонение – это не свойство акта индивида, а скорее следствие применения правил и санкций к нарушителю другими индивидами или группами, имеющими больший доступ к власти. Беккер сконцентрировал внимание на процессах создания социальных норм и их практической реализации, обуславливающих клеймение и моральное осуждение. Он утверждал, что «социальные группы создают отклонения, определяя правила, нарушение которых составляет отклонение, применяя эти правила к отдельным индивидам и наклеивая на них ярлык аутсайдеров» [15, с. 51]. Говард Беккер и Эдвин Шур предложили процессную модель девиантной карьеры, в которой главная роль принадлежит социальной интеракции. Ответ «нарушителя» на социальную реакцию ведет к вторичному отклонению, с помощью которого, в конце концов, он приходит к принятию «самоимиджа» девианта – человека, постоянно запертого в этой девиантной роли. Процессный подход акцентирует внимание не на причинах совершения первичного отклонения или нарушения правил, а на группах и институтах (политики, нормотворчества, судебной и пенитенциарной системы), которые имеют такое влияние, что могут стигматизировать поведение индивидов.

4. Преступное поведение, рецидивизм и иные девиации возникают в результате «процесса предписывания», осуществляемого институтами социального контроля в клас-

совых социальных системах. Стигматизации подвергаются, прежде всего, низшие слои капиталистического общества. Это приводит к появлению устойчивой корреляционной связи между принадлежностью к той или иной социальной страте и регистрируемой преступностью. Такой вывод обосновал Фриц Зак в 1970-е годы, используя радикальный подход к пониманию роли формальных социальных институтов в процессах клеймения и марксистскую концепцию «классовой юстиции», в рамках которой процессы восприятия действий и принятия решений полицейскими, судьями и чиновниками «программируются селективно»; социальные институты лишь стимулируют и укрепляют девиантность; полиция специально выискивает представителей низших слоев, чтобы в «интересах правящего меньшинства» предписывать им роли преступных элементов.

5. Навешивание ярлыка существенно сокращает у девианта возможности вести нормальную жизнь и общаться с нормальными – нестигматизированными людьми. Даже если самосознание молодого преступника или наркомана существенно не изменится, то у него могут возникнуть трудности во взаимоотношениях с родителями, друзьями, соседями, сослуживцами. Более того, клеймение может вытолкнуть оступившегося в девиантную субкультуру, где он получит необходимые навыки и новые мотивы для дальнейшего совершения рецидивных преступлений.

Положения теории стигматизации, как, впрочем, и других девиантологических теорий, не бесспорны, поэтому у теории «лейблов» достаточно много критиков. В частности, немецкий криминолог Г.И. Шнайдер обращает внимание на то, что интеракционистов интересует не различие между преступниками и не преступниками, не вопрос о том, почему люди ведут себя не в соответствии с социальными нормами, а значение социальной реакции. Они критически относятся к предмету

традиционной криминологии и традиционным методам подавления преступности [21]. Многие криминологи ставят под сомнение тезис интеракционистов о том, что «ни одно действие не является изначально злым или преступным». Так, по мнению Ч. Уэлфорда, изнасилования и убийства являются «универсальными» преступлениями, поскольку подвергаются жестокому наказанию во всех обществах и осуждаются всеми культурами. По мнению Х. Берлоу, теория «лейблов» больше сосредоточена на социально менее опасных отклонениях (азартные игры, проституция, алкоголизм и т.п.).

Теория стигматизации, несмотря на дискуссии, имеет большой эвристический потенциал, важное методологическое и прикладное значение. Она позволяет лучше понять природу девиантности как социальной конструкции – результата символической интеракции в ходе реализации «неудачной» практики социального контроля. Ее объяснительные возможности с успехом применяются при разработке альтернативных, превентивных мер по противодействию вторичным отклонениям, девиантным карьерам и, в частности, уголовно–правовому рецидивизму. Она оказала и оказывает существенное влияние на развитие социологических и криминологических исследований девиации в рамках теории конфликта, радикальной криминологии. Основные постулаты теории стигмы во многом определили девиантологическую перспективу профилактики рецидивизма и криминальных карьер, решительно изменив облик современной уголовной политики в различных странах, сделали ее более гуманной и социально ориентированной, создали предпосылки для развития ювенальной юстиции. Весь этот теоретический багаж весьма полезен и для российского опыта реформирования правоохранительной системы и преодоления «кризиса наказания».

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006. С. 66–71.
2. Криминология / под общ. ред. А.И. Долговой. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 734.
3. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридинеский центр Пресс, 2007. С. 435.
4. См.: Петров И.В. России резко выросло количество рецидивных преступлений // RBCDAILY от 30.03.2011 <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708>
5. См.: Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. Бишкек, 2003. С. 11–105.
6. См.: Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. N.Y.: Random House, 1996; Кристи Н. Пределы наказания. М., 1985; Кристи Н. Ответ насилию. В поисках чудовищ. М., 2003; Кристи Н. Примирение или наказание? // Индекс: Досье на цензуру. 2003. № 18. С. 7–20; Гишинский Я.И. «Кризис наказания» в России: проблемы и перспективы // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. Бишкек, 2003. С. 33–43.
7. Гишинский Я.И. «Кризис наказания» в России: проблемы и перспективы... С. 34–35.
8. Неотвратимость наказания в стране стала фактически избирательной, селективной, поскольку все больше распространяется на те слои общества, судя по социальному составу сидельцев, кто и так относится к изгоям. Среди них – масса «исключенных» («exclusive»), оступившихся, «униженных и оскорбленных» несправедливостью рыночного бытия, которые не в состоянии защитить себя правовыми средствами и адаптироваться к новым социальным услови-

ям иным – не криминальным путем. При этом высокостатусные группы, вовлеченные особенно в «беловоротничковую преступность», используя «всемогущую» коррупцию, административные ресурсы, в массе своей избегали и избегают справедливого возмездия.

9. В развитых странах с уровнем преступности 7 000–8 000 количество полицейских на 100 тыс. населения составляет 200–400 человек, тогда как в России – 1224 сотрудников ОВД на 100 тыс. населения (первое место в мире).

10. Пишикина Н.И., Грицай Г.И. Некоторые аспекты ювенальной уголовной политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. № 1. СПб., 2001. С. 131.

11. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб.: Питер, 2004. С. 466.

12. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009. С. 117–133.

13. Суть символического интеракционизма Дж. Мида, Г. Блумера, Ч. Кули состоит в том, что взаимодействия между людьми складываются на основе интерпретации намерений и действий окружающих людей, символического определения ситуаций и «вещей». Отсюда все формы нормативного либо отклоняющегося поведения определяются именно этими символическими значениями, важностью социальной реакции на процессы идентификации личности.

14. Tannenbaum F. The Dramatization of Evil // *Perseption in Criminology*. L., 1975. P. 351.

15. Контексты современности: хрестоматия / пер. с англ. Казань: АБАК, 1998. С. 59.

16. Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем.; под общ. ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М.: Издательская группа Прогресс-Универс, 1994. С. 332.

Стратегии и практики социального контроля: ретрокомпаративный анализ¹

Анализ формирования стратегий и практик социального контроля логично осуществить в исторической ретроспективе [1]. В социологии девиантного поведения временные периоды, в ходе которых состоялся генезис теоретических моделей и практик социального контроля, выделяют в зависимости от типа общества и уровня развития социальной структуры. Причем трансформация социального контроля наиболее полно отражается в истории криминального наказания.

На первом историческом этапе в эпоху феодализма господствовали религиозные институты и теологическое мышление, а девиантность интерпретировалась церковью как грех, зло или ересь. Реализуя духовную, а нередко и светскую власть, церковь была первым институализированным «практиком» социального контроля. Социальный контроль отражал необходимость искупления греха и уничтожения зла, часто включал епитимью и телесные наказания [2, р. 375]. В случаях, не затрагивающих религию, основным средством сдерживания служил страх мести со стороны жертв или их родственников. До конца средних веков большая часть девиантности «обрабатывалась» неформально в семьях и деревнях. Тюрьмы не предназначались для наказания. Когда феодальными властями применялись санкции, то они носили в большинстве случаев характер телесных наказаний. Для бедных часто применялась смертная казнь, а богатые платили штрафы.

По мере преодоления феодальной раздробленности и возникновения национальных государств с более развитой структурой общества правительства брали на себя все большие обязательства по наказанию за преступления. При этом

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 1. С. 120–126.
Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 09-03-00172а

наказания продолжали оставаться крайне жестокими. Даже на протяжении XVIII века осужденные за преступления могли быть повешены, обезглавлены, лишены какой-либо части тела (пальцев, руки, языка, уха и т.д.), подвергнуты клеймению или публичному бесчестью на позорном столбе. Наказание «фокусировалось на теле осужденного» и имело публичный характер. Социальный контроль подразумевал демонстрацию кары, минимальное вовлечение в этот процесс институтов государства и полное отсутствие любых экспертов из области пенологии.

В дальнейшем, с точки зрения М. Фуко, государство все больше берет на себя функцию социального контроля, например, заключает безумных в работные дома [3]. При этом безвредные безумцы отчасти сохраняли свободу и могли покидать эти места обособления. За решеткой вместе с преступниками оставалась небольшая часть умалишенных, которых считали опасными для общества. Такое смешение всех «отбросов» раннебуржуазного общества вызывало к концу XVIII в. растущую критику философов-просветителей. В начале XIX века в Европе повсюду стоял вопрос: что делать с психическими больными. Вопрос этот задавался в связи с правами человека, каковыми обладают и больные люди. Число психических больных было невелико в сравнении с нищими, но вопрос о душевнобольных звучал в первой половине XIX века куда острее, чем вопрос о бедности и социальном неравенстве.

Начало второго этапа трансформации социального контроля относится к середине XIX века. Он связывается с развитием таких крупномасштабных институтов, как тюремная система и психиатрические больницы. В этот период ситуация с наказанием преступников изменилась и контроль переместился с эшафотов и площадей в учреждения, контролируемые экспертами в области тюремного заключения и психиатрии.

Капитализм бурно развивается в пору промышленной революции и индустриализации. В буржуазном обществе возникают новые и дифференцируются старые социальные институты. При этом доминируют политические и экономические структуры, а «управление» девиантностью возлагается на специалистов. Государственные учреждения стали принимать еще более активное участие в осуществлении формального социального контроля. Причиной стало то, что правительства взяли на себя полную ответственность за обеспечение общественной безопасности и благосостояния. Криминологи, медики, психиатры и помогающие им профессионалы (социальные работники, пробационные инспекторы) стали чаще участвовать в подготовке и принятии судебных решений. Методики и практики социального контроля в целом были направлены на то, чтобы «вылечить» носителей девиантного поведения [2, р. 375–376].

С. Коэн характеризует эти перемены следующим образом: растущее участие государства в формировании и управлении бюрократическими институтами, предназначенными для наказания, содержания и «излечения» девиантов; влияние профессиональных экспертов, которые концентрируются на дифференциации и классификации девиантных и зависимых от них групп в соответствии с определенными критериями; изоляция девиантов в специальных заведениях; уменьшение наказания, содержащего демонстрацию физического насилия [4].

В индустриальном обществе подходы к выбору стратегии и практик социального контроля строятся на веберовской идее рационализации. Они направлены на достижение через наказание целей дисциплины и производительности. Бюрократические, изолирующие институты социального контроля (полиция, пенитенциарная система, психиатрические учреждения и др.) получили в работах И. Гофмана название

«тотальных институтов» [5]. До 1960-х годов эти тотальные институты и контролирующая роль, которую они играют в индустриальном обществе, в целом оставались неизменными.

Под влиянием утилитарных идей сдерживания/устрашения (И. Бентам, Ч. Беккариа), в результате отбора и аккумуляции репрессивных практик, сформировалась и утвердилась консервативная стратегия контроля.

Социальная и юридическая практика перепробовала различные варианты репрессий, включая самые изощренные виды смертной казни (четвертование, повешение, расстрел, «электрический стул») и различные сроки лишения свободы. Однако ни преступность, ни иные формы девиантного поведения (наркотизм, проституция и др.) так и не исчезли. Более того, в большинстве стран Запада после Второй мировой войны наблюдался постоянный рост уровня зарегистрированной преступности, несмотря на принятие иногда крайне жестких, репрессивных мер. Не снижалась и рецидивная преступность. Длительные сроки лишения свободы вели к росту «тюремного населения», к необратимым изменениям психики заключенных, а сами тюрьмы выступали школами девиантной социализации.

В США, к примеру, начиная с 1960 года, проблема борьбы с преступностью стала главным вопросом политики на общенациональном уровне. В этот период не прекращается драматический рост уровня индексных преступлений представителей низшего класса и конгрессмены, разделявшие консервативную стратегию социального контроля, которую обычно выражает метафора «закон и порядок», активно артикулировали эту тему [6, р. 524–552]. В 1965 году была создана президентская Комиссия по правоохранительной деятельности и управлению юстицией.

Для уменьшения преступности в Америке комиссия, не затрагивая ее социальные детерминанты, рекомендовала

поддержать на уровне государства ряд направлений антикриминальной деятельности: планирование; обучение персонала полиции; инспектирование и контрольные службы, отвечающие за организацию работы органов уголовной юстиции; развитие государственных информационных систем; научное и техническое исследование и развитие; выделение государственных дотаций на полицейскую деятельность и др. Реализация этих предложений должна была модернизировать систему уголовной юстиции, но принятые правительством меры не изменили к лучшему криминальную ситуацию в стране.

Когда в начале 70-х годов начался новый рост преступности, Р. Никсон снова объявил войну криминалитету и существенно увеличил финансовую поддержку правоохранительной системы. Как свидетельствует Дж. Конклин, бюджет администрации на поддержку уголовной юстиции и полицейских мер контроля увеличился с 63 млн долларов в 1968 году до 880 млн долларов в 1975 году. В целом до 1981 года на правоохранительные цели было потрачено 7,7 млрд долларов [6, р. 528]. Однако перемены в методах деятельности полиции (усиление патрулирования, увеличение образовательных программ для полицейских и др.) не позволили снизить преступность. Администрация США была обвинена в расточительности и отсутствии положительных результатов.

По итогам 1970-х годов стали совершенно очевидны бесплодность и чрезмерные издержки стратегии «закон и порядок» и соответствующих ей практик формального социального контроля (криминализация девиантных актов, селективность правоприменения, увеличение сроков наказания, реабилитация, использование смертной казни и др.). Криминологи стали говорить о «кризисе наказания». Жесткой критике был подвергнут «карательный вэлферизм» как система социальных институтов контроля, сложившаяся в рамках консервативной стратегии «закон и порядок», кото-

рая формировала сознание нескольких поколений политиков, ученых и практиков [7, р. 3].

Крах карательной стратегии был особенно очевиден в свете увеличения расходов на содержание силовых структур при существенном снижении налогов, росте безработицы и инфляции. Высокий уровень преступности стал нормой. Эта ситуация была характерна не только для США, но и других европейских стран, переживавших этап индустриальной модернизации. Перспектива бюджетного дефицита, в конечном счете, вынудила власти уменьшить расходы на социальный контроль и сферу социальных услуг. Тем не менее, в период «рейгономики» внимание политиков было снова сфокусировано на системе уголовной юстиции, которая продолжала назначать наказания, основанные на идеях сдерживания/устрашения.

Полицейские аппараты с большим или меньшим успехом вели борьбу лишь с «уличной преступностью», тогда как огромный пласт «беловоротничковой», «респектабельной» преступности оставался вне досягаемости формального социального контроля. По мнению Д. Гарланда, бюрократический ответ государства был не способен что-либо сделать с хронически высоким уровнем преступности в обществе [7]. Вместо того чтобы радоваться маленьким каждодневным победам над преступностью, государство через пропаганду и реализацию сурового уголовного законодательства все громче заявляло о своей суверенной власти, оказавшейся в этом отношении лишь символической. К примеру, в 1980-х годах многие штаты США предприняли попытки ужесточить уголовное наказание, повысить минимальный срок заключения, возродить смертную казнь, а также идею о том, что наказание производится во благо самого же наказуемого. Этот период характеризовался расцветом правозащитных движений, обращавших внимание на изоляцию и клейме-

ние преступников, реальных или воображаемых. Изоляция достигалась вынесением длительных сроков заключения по известной системе «три удара». Так, в частности, стигматизации правонарушителей и соответственно росту рецидивной преступности способствовал специальный закон о лицах, совершивших половые преступления.

Дальнейший ход событий на рубеже и в начале XXI века показал, что в развитых странах Запада из-за бюджетного дефицита стали сворачиваться программы поддержки благосостояния, борьбы с бедностью. В итоге упрочилась социальная база преступности и других проявлений негативной девиантности¹. Тем не менее, в этот период, наряду с модернизацией правоохранительной деятельности (по вопросам пресечения преступности, назначения и исполнения наказаний, реабилитации), развиваются и превентивные практики формального социального контроля. Основные направления превенции состоят: в управлении социальной средой, связанной с преступностью; в уменьшении возможностей для совершения преступлений; в увеличении риска уголовной ответственности для широкого круга преступников; в укреплении «объектов преступного посягательства» (target hardening), в развитии мер самозащиты, в организации информационного социального контроля, в использовании возможностей местного предупреждения преступности. Однако и эти меры оказываются недостаточными, чтобы остановить криминальный бум.

¹ Эти изменения, например, в США нашли выражение в снижении финансирования специальных программ социальной поддержки малоимущих, так называемый велфэр (от англ. welfare – «благосостояние»). В 1990 году в США получателями велфэра были 4 млн семей. В 2000 году количество получателей велфэра снизилось до 2 млн семей. Затем, как известно, в 2000-х годах в США сначала разразился кризис потребительского и ипотечного кредитования, начиная с 2007 года – глобальный финансовый кризис (см.: подробнее: Комлев Ю.Ю. Основы социологии для юристов. Казань: КЮИ МВД России, 2009. С. 132–140).

Как видим, консервативная стратегия и соответствующие ей практики социального контроля фокусируют внимание, прежде всего, на противодействии индексным преступлениям, которые совершают в основном представители низшего класса: бедные люди или индивиды с дефектами социализации. Этот подход концентрирует внимание на расширении сферы правового регулирования в области контроля девиантности, на модернизации системы уголовной юстиции и правоохранительной деятельности, на преследовании, наказании и реабилитации преступников, но не устраняет ее социальных причин: бедности, дезорганизации института семьи и др. Кроме того, модель «закон и порядок» недооценивает роль неформального социального контроля.

В работах П. Сорокина, У. Бондесона, В. Чемблисса, Ф. Макклинтока, Х. Пепински, Р. Мартинсона, Р. Куинни, Я. Гилинского, А. Салагаева, Ю. Комлева и многих других зарубежных и отечественных исследователей показана неэффективность консервативной политики карательных санкций в борьбе с преступностью и девиантностью представителей низшего класса. Реформы в системе уголовной юстиции 60–80-х годов в США и странах Западной Европы не затрагивали политико-экономических основ классового общества. Кризис уголовного наказания во многом девальвировал значение консервативной стратегии, привел к острой критике модели «закон и порядок», прежде всего, со стороны девиантологов либеральной ориентации и девиантологов-неомарксистов. Так, сторонники радикальной криминологии источником роста преступности считали и считают порочность капиталистической системы. В частности, Р. Куинни в 1975–1980 годы выделяет «преступность приспособления» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований, которая распространена в среде рабочих, пострадавших от капитализма; «преступность сопротив-

ления» – бессознательную реакцию против эксплуатации; «преступность доминирования и подавления», которая характерна для «белых воротничков» и правящего класса. Согласно радикальным взглядам, только ликвидация капитализма может решить проблему преступности, поскольку вся система формального социального контроля, уголовное законодательство и правоприменение в современном рыночном обществе – инструменты эксплуатации угнетенных социальных классов, рассчитанные на обеспечение господства капиталистов. Противозаконное поведение власть держащих редко пресекается селективным правосудием в западных странах. Этот феномен во многом характерен и для современной модернизирующейся России. Уголовное преследование за преступления нередко в большей мере распространяется на представителей низшего класса, люмпенизированные слои общества, которые не могут защитить себя и «отмазаться» деньгами или коррупционными связями.

С переходом к третьему этапу – периоду постиндустриального развития и постмодерна – в западных обществах усилилось движение «деинституционализации», направленное на «возвращение» социального контроля в общество. Либеральная идеология этого движения требовала деbüroкратизации, децентрализации институтов контроля, декриминализации законодательства; развития инициатив самопомощи и ликвидации клеймения [4].

Реальность этого направления лучше иллюстрируется значительным сокращением за последние тридцать лет количества учреждений для умственно отсталых. Причин для «незаклечения» их в тюрьму множество. С. Коэн и А. Скал приводят целый спектр таких факторов: неудачи «лечебной» модели; выводы теории ярлыков о социальной политике невмешательства (гипертрофированный социальный контроль ведет к стигматизации, девиантному поведению

или усиливает его); необходимость освобождения правительств от чрезмерных финансовых затрат на содержание полицейских структур и т.п. [8, р. 339–363; 9].

Уменьшение или ликвидация функций социального контроля, таких, как опека и надзор за больными пациентами, привели к деинституционализации и появлению новых общественных движений, выступающих за заботу о психическом здоровье. Этот подход большей частью основывался на применении последних достижений в медицине, особенно в связи с производством препаратов для пациентов психиатрических лечебниц. Новые модели контроля все больше полагались на добровольные методы терапии. Наряду с постепенным отказом от принудительного лечения стали все более активно внедряться такие приемы контроля преступности, как патрулирование территории местными жителями с целью предотвратить проявления девиантности и другие нерепрессивные методики надзора [2, р. 19].

В постиндустриальную эру на Западе произошел существенный рост социальной ориентации институтов контроля, связанный с модернизацией правоохранительных органов, с привлечением негосударственного сектора, организацией общественных движений самопомощи. В политических решениях были заявлены четкие ориентиры по борьбе с бедностью, дискриминацией, по укреплению институтов семьи и образования, территориальных сообществ, организаций самопомощи. По оценке Н. Девиса и Б. Андерсона, в эту новую реальность социального контроля, последовавшую за старой принудительной и авторитарной системой «тотальных институтов», входят управляемые профессионалами общественные организации, направленные на социальную работу с девиантами, и нормативно-ориентированные организации самопомощи (например, организация анонимных наркоманов и алкоголиков) [10].

Влияние либерального дискурса сказалось на разработке компромиссных или смешанных, а также рестриктивных (ограничительных) моделей социального контроля в западных странах. Государственные структуры развитых демократий лишь частично отказались от некоторых своих функций по осуществлению социального контроля. При этом часть оставшихся в правительственной юрисдикции функций были обоснованно усилены. Это относится, прежде всего, к тюремному заключению. Новые практики в осуществлении формального социального контроля показали двоякую картину: угроза тюремного заключения для преступников–рецидивистов остается серьезной и даже получает большее применение. С другой стороны, менее угрожающие обществу и потенциально исправимые девианты имеют реальные и существенно возросшие шансы получить профессиональную, психологическую и терапевтическую помощь.

Среди наиболее общих характеристик состояния социального контроля в период постиндустриального развития и постмодерна в западных странах специалисты выделяют следующие:

- снижение или прекращение бюджетного финансирования программ поддержки умственно отсталых, бедных, пожилых и других «несамостоятельных» групп населения и растущая тенденция оставлять их доживать свои дни на улицах;
- рост использования медицинских препаратов, например, психотропных веществ, для контроля поведения бывших пациентов психиатрических клиник;
- вторжение новых методик надзора (установка видеокамер, «жучков», внедрение «агентов», тестирование на употребление наркотиков) в повседневную жизнь и рост соответствующей сферы промышленности;
- широкое распространение подразделений безопасности в бизнесе для охраны корпоративной собственности;

- опора на негосударственные, частные и индивидуальные стратегии и структуры контроля, такие, как местные группы наблюдения, патрули местных жителей, вспомогательная полиция, антинаркотические организации, финансируемые частным капиталом и т.д.;

- возврат к исключению смертной казни [1, с. 83–84].

В обществе постмодерна, наряду с практиками, направленными на реализацию права государства наказывать и «исключать» преступников – опасных «чужих других», формируются и новые направления контроля, представляющие собой сложную комбинацию стратегий обнаружения, рестрикции и управления криминальными рисками [11, р. 185]. Так, в рамках «новой пенологии» (М. Фили, Д. Саймон) предлагается в меньшей степени поднимать вопросы ответственности, вины, вмешательства в девиантную активность на индивидуальном уровне, но при этом существенная роль отводится методикам идентификации, классификации и управления группами, выделяемыми по признаку криминальной опасности. По существу, новая пенология предлагает стратегию регулирования уровня девиаций, а не прерывания девиантной активности отдельных индивидов [12, р. 449–452]. Контроль нацелен не на то, чтобы нормализовать поведение и изменить мотивацию людей с криминальным прошлым, используя традиционные пенитенциарные институты, а на то, чтобы модифицировать социальные структуры, в которых осуществляется деятельность индивида.

В новейших практиках контроля в той или иной форме происходит сдвиг в сторону структурно-средового противодействия группам криминального риска, обоснованную либеральными теоретиками. Т. Дамм называет этот сдвиг переходом от «надзора» к «слежению», или мониторингу [13, р. 186]. Цель слежения менее амбициозна, чем цель наказания с последующей реабилитацией. Однако она в современных условиях позволяет практично и гарантированно

«принимать ответные меры против агрессии в защищаемых зонах» [13, р. 186]. В «обществе контроля», как назвал его Жиль Делез, речь больше идет не об «аресте и возвращении преступника к нормальной жизни» после совершения им преступления, а об осуществлении слежения за действиями индивидов, представляющих опасность, что позволяет принимать упреждающие меры [14].

В качестве единственно возможной альтернативы карательным мерам либеральными теоретиками контроля обосновываются меры превенции, например, в русле общественного исправления (community correction). Так, участники Чикагской ассамблеи «Crime, Communities and Public Policy» (1992) определили две базовые теоретические модели политики в области «community crime prevention»: неформальный социальный контроль и улучшение социальных условий [15, с. 12]. Кроме того, предлагается развивать альтернативные меры наказания и восстановление прав потерпевших. В качестве одной из мер рекомендуется перейти от юстиции «возмездной» (retributive justice) к юстиции «восстанавливающей» (restorative justice) [15, с. 9].

Обобщая различные варианты превенции негативной девиантности и криминального поведения, накопленные мировым сообществом, специалисты либеральной ориентации выделяют следующие стратегические направления: [15, с. 12].

А) Уровень общесоциальной профилактики (primary prevention):

1. Меры сокращения бедности и безработицы, улучшения условий жизни.
2. Программы поддержки семьи и детей.
3. Осуществление с использованием массовых коммуникаций.

Б) Уровень специальной профилактики (secondary prevention):

1. Программы ресоциализации и реабилитации наркоманов, алкоголиков, бывших заключенных.
2. Программы соседской взаимопомощи.
3. Программы реорганизации пенитенциарной системы и сокращения численности ее обитателей.
4. Повышение «техники безопасности» (освещенность улиц, охранные системы, патрули, индивидуальные средства защиты).

В) Уровень индивидуальной профилактики (tertiary prevention):

1. Работа с конкретными людьми.

Либеральная идея приоритета превенции, по сравнению с наказанием, получает сегодня все более мощную поддержку в государственных институтах развитых зарубежных стран – последовательно осуществляются либерализация уголовной политики и декриминализация уголовного законодательства. По оценкам большинства англоязычных девиантологов, «в данный момент происходит существенное изменение карательной системы»[16, р. 127]. Так, например, статья № 3 Европейской конвенции о защите прав человека запрещает пытки и бесчеловечное обращение с осужденными, а протокол № 6 к этому соглашению отменяет смертную казнь. Национальная комиссия США по уголовной юстиции даже предложила «изменить повестку дня для уголовной политики и перейти от «войны» к «миру» с преступностью». В антинаркотической деятельности ряда европейских стран (Голландия, Швейцарии и др.) широко используются либеральные стратегии «уменьшения вреда» – «harm reduction», вместо репрессивной «войны с наркотиками» – «war on drugs». Значительно реже европейские суды стали прибегать к решениям о лишении свободы. В Швеции, например, доля таких приговоров уже в 1987 году составляла 20%, в Англии – 21% [1, с. 87–89].

С. Уолкер, анализируя пути реформирования правовой системы, выделил семь наиболее важных областей, где в определенной степени необходима декриминализация: пребывание в общественном месте в состоянии опьянения как обстоятельство, имеющее значение для уголовной ответственности (drunkenness); наркотики и злоупотребление наркотиками (narcotics and drug abuse); игромания (gambling); поведение, нарушающее общественный порядок, и бродяжничество (disorderly conduct and vagrancy); криминальные аборт (criminal abortion); сексуальное поведение – адюльтер, незаконное сожителство, многоженство, проституция, изнасилование, порнография, криминальная непристойность, гомосексуализм (sexual behavior); преступность несовершеннолетних (juvenile delinquency)[17, p. 591].

Принятие в 1991 году Концепции судебной реформы было началом демократического этапа развития правовой системы и правосудия в России. В ней был четко зафиксирован отказ от репрессивного характера правосудия: в качестве цели судопроизводства была провозглашена охрана прав, свобод и законных интересов граждан. В постсоветской России был введен мораторий на применение смертной казни. В 1996 году страна присоединилась к Европейской конвенции по правам человека.

Перспективы декриминализации социально неопасных деяний все чаще обсуждаются и в российской научной печати. Действительно, неопасные для общества и граждан противоправные деяния из уголовно-правовых могут быть переведены законодателем в разряд административно-правовых. По мнению Я.И. Гилинского, репрессивные (уголовно-правовые) меры социального контроля неэффективны в принципе, тем более, когда речь идёт о «преступлениях без жертв». Девиантолог обращает внимание не только на необходимость декриминализации ряда уголовно наказуемых деяний, но и на такие

актуальные для России практики контроля, как сокращение «тюремного населения», улучшение «техники безопасности» [15]. В.Н.Кудрявцев и В.Е.Эминов выявили позитивный эффект депенализации законодателем в 2003 году многих статей УК РФ, состоящей в замене санкций в виде лишения свободы на штрафные санкции или кратковременный арест» [15, с. 103–107]. Проблематику декриминализации активно разрабатывает и ряд других отечественных исследователей [1, с. 90].

Весьма ценным для отечественной теории контроля и социальной практики в либеральных программах представляется то, что власти западных стран все чаще отдают приоритет профилактическим мерам по элиминации социальных причин преступности и других проявлений негативной девиантности. Они финансируют и широко внедряют меры по борьбе с бедностью, безработицей; реализуют образовательные программы и решения по обеспечению бывших преступников работой.

Таким образом, ретрокомпаративный анализ позволяет проследить генезис консервативной, либеральной, компромиссных стратегий и практик контроля, оценить их сильные и слабые стороны. В зарубежной теории и практике социального контроля под влиянием девиантологических исследований состоялась существенная коррекция традиционной модели «закон и порядок», усилилась социальная ориентация организаций и институтов, обеспечивающих правопорядок. Новые смешанные модели контроля успешно сочетают как консервативные, так и либеральные императивы, используют различные меры воздействия на девиантность и делинквентность: от наказания, реабилитации и перевоспитания преступников, реинтеграции их в общество до анализа и устранения социальных причин девиантности, использования методик слежения и контроля за средовыми факторами, позволяющими минимизировать криминальные риски.

Практические меры по дебюрократизации институтов и организаций социального контроля в России, оптимизации их нормативной базы и организационной структуры, а также численности персонала, декриминализации законодательства чрезвычайно важны для обеспечения социального порядка в стране на качественно ином уровне, а значит, и для успеха модернизации общества. При поиске и обосновании таких решений следует широко опираться не только на конструктивный отечественный, но и на зарубежный опыт в области социального контроля. На этом пути и принимаются Президентом России решительные меры по реформированию МВД, пенитенциарной системы и других институтов социального контроля.

Литература:

- 1.Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2009.
- 2.Little C.B. Deviance and control: Theory, research, and social policy. Itasca: Peacock Publishers, 1995.
- 3.Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- 4.Cohen S. Visions of social control: Crime, Punishment and Classification. Cambridge: Polity Press, 1985.
- 5.Goffman E. Asylums. Garden city, New York: Anchor, 1961.
- 6.Conklin J. Criminology. 4 th ed. New York, 1992.
- 7.Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- 8.Cohen S. The punitive city: Notes on the Dispersal of social control // Contemporary crises. 1979. № 3.
- 9.Scully A.T. Decarceration: Community treatment and the deviant, A radical view. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1977.
- 10.Davis N.J., Anderson B. Social control: The production of deviance in the modern state. New York, Irvington, 1983.

11. Rose W. Crimes of color: risk, profiling, and the contemporary racialization of social control // International Journal of politics, culture, and society. 2002. Vol. 16. № 2.
12. Feeley M. The New Penology: Notes on the Emerging Strategy of Corrections and Its Implications // Criminology. 1992. № 30.
13. Dumm T. The New Enclosures: Racism in the Normalized Community // Reading Rodney King, Reading Urban Uprisings / ed. R. Gooding-Williams. New York: Routledge, 1993.

Профилактика внутриличностных конфликтов как источник суицидов среди сотрудников ОВД¹

В России, начиная с 1980 года, количество завершенных суицидов варьирует от 33,3 тыс. в 1986 году до 61,9 тыс. в 1994 году. В последующем формируется тенденция к снижению количества самоубийств [1, с. 358]. Как известно, на один завершённый суицид приходится 10 попыток самоубийства. Следовательно, в Российской Федерации ежегодно около полумиллиона человек пытаются покончить жизнь самоубийством. В США доля самоубийств среди молодежи в возрасте 15–24 лет за последние 20 лет увеличилась вдвое. Самый низкий уровень самоубийств наблюдается в Италии, Ирландии, Испании, что связано, по-видимому, с традиционным влиянием в этих странах католицизма, сурово преследующего попытки лишить себя жизни. В гендерном измерении мужчины от трех до пяти раз чаще идут на завершённое самоубийство, чем женщины.

В общественном сознании самоубийство не вызывает сочувствия и интерпретируется часто как результат того, что «жизнь довела» или «у человека были проблемы с психи-

¹ Вестник КЮИ МВД России. 2011. № 3. С. 23–27.

кой». Между тем обыденное представление о том, что к суицидальному поведению склонны люди только с нарушениями психики, опровергается данными науки. Исследования показывают, что более 80% лиц из числа лишивших себя жизни были практически здоровыми людьми, которые попали в острые психотравмирующие ситуации. Отсюда суицид – индикатор, прежде всего, социального неблагополучия, а рост числа самоубийств – свидетельство острого социального, экономического или политического кризиса в обществе, о чем свидетельствуют данные моральной статистики.

В социологии суицид рассматривается как вид негативной девиантности, как «относительно массовое, статистически устойчивое социальное явление, заключающееся в том, что некоторое количество людей добровольно уходит из жизни» [1, с. 324]. Самоубийство – это отклонение, поскольку оно не соответствует общепринятым социальным нормам, противоречит им, как и инстинкту самосохранения. Это один из самых сложных феноменов девиантности, требующий всестороннего изучения с использованием девиантологических, социально–психологических и конфликтологических знаний.

Сложность и многогранность феномена самоубийства обуславливает многообразие подходов к его объяснению.

Представители *биолого-антропологического направления* (С. Пеппер, Х. Мюррей, Р. Докинс, Г. Мерфи, А. Бек, Ф. Гудвин, У. Шелдон и др.) придерживаются соответственно идей естественного отбора, биохимической депрессии, характерологических особенностей индивидов.

Социологическую концепцию суицида развивали (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, М. Гернет, П. Сорокин, Р. Мертон, Я. Гилинский и др.). Главные причины самоубийства они усматривали в социальных факторах. Среди них: мера сплоченности, интегрированности общества, его усложнение,

дезорганизация, ретретизм как способ девиантной адаптации в результате «двойной неудачи», по Р. Мертону, социальное неравенство и безработица, исключенность из социальных перспектив и др.

Социально-психологический подход в работах А. Генри, Дж. Шорта, А. Амбрумовой, А. Слуцкого и др. концентрируется на эффектах фрустрации и дезадаптации на уровне личности.

Конфликтологическая перспектива ориентирует исследователей на изучение суицидов, вызванных деструктивными внутриличностными и межличностными конфликтами, как неадекватную реакцию индивида на дилемму, на проблему выбора.

В российской научной традиции развиваются два основных подхода: один – объясняет преимущественно индивидуальное суицидальное поведение как следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого микросоциального конфликта (А.Г. Амбрумова), а другой – объясняет суицид как вид негативной девиантности как социальное явление. Оба эти подхода не противоречат друг другу и могут рассматриваться как дополнительные в смысле Н. Бора, а их совместное использование лишь обогащает объяснительные возможности при интегративном изучении самоубийств. Интегративная перспектива анализа различных проявлений девиантности, как и суицидов в частности, все чаще используется современными зарубежными и отечественными (Р. Айкерс, Г. Барак, Я. Гилинский, Т. Шипунова, Ю. Комлев) специалистами.

Резюмируя материалы теоретических источников в рамках интегративного выбора, можно заключить, что суицидальное поведение зависит от ряда факторов, которые могут быть разделены на внутренние (субъективные) и внешние (объективные). Внутренними факторами суицидального поведения являются индивидуальные особенности личности суициди-

ента (характер, соматические заболевания, фрустрации, депрессии, безнадежность, неврозы, шизофрения, алкоголизм и др.), повышающие риск самоуничтожающего поведения. Они образуют внутреннюю среду для отражения внешних факторов, а также являются побудителями такого действия в суицидогенной ситуации. К внешним факторам относятся: микросоциальные и макросоциальные условия. Среди них: причины биографического характера, прежде всего, семейного воспитания и социализации; конфликты и межличностные отношения в референтной группе – семейной, дружеской или профессиональной; дезадаптирующие объективные факторы деятельности (экстремальность, гиперответственность, резкое повышение нагрузки и т.д.); резкие изменения в образе жизни личности; рост социального неблагополучия в обществе (безработица, социальная дезорганизация, anomia и т.п.).

Суицидальное поведение, по А.Г. Амбрумовой, включает различные формы активности, служащие деструктивным средством разрешения личностных проблем в условиях конфликтной ситуации. Социально-психологическая дезадаптация – лишь одно из условий суицидального акта. Для перехода к реальному суициду необходимо наличие переживаемого индивидом конфликта. Содержанием суицидального кризиса выступает острое эмоциональное состояние, возникающее в критической ситуации столкновения личности с препятствиями на пути удовлетворения ее важнейших жизненных потребностей и целей. Ключевую роль в возникновении такой ситуации играют факторы, обусловленные: спецификой семейных отношений (неразделенная любовь, измена, развод, тяжелая болезнь, смерть близких), а также вызванные спецификой трудовой деятельности (неудачи в выполнении конкретных служебных задач, межличностные конфликты с коллегами по работе, служебные конфликты с начальниками или подчиненными, внутриличностные конфликты).

Для развития суицидального поведения на основе внутриличностного конфликта необходима особая личностная предрасположенность, вследствие которой индивид оказывается не в состоянии справиться с актуальной проблемой ролевого выбора. Впрочем, склонностью к неадаптивному поведению обладают личности с акцентуированными и психопатическими чертами характера. Исследования А. Боечко показывают, что 30% таких суицидентов воспитывались в неблагополучных семьях, у 27,4% среди ближайших родственников были самоубийцы и около 16% уже пытались покончить с собой.

С позиций концепции социально-психологической адаптации динамика суицидального выхода из внутриличностного конфликта включает предпозиционный и суицидальный этапы. Предпозиционный этап определяется исключительно высокой психической напряженностью суицидента, его повышенной активностью по выходу из сложившегося внутриличностного конфликта. Однако эта активность не сопровождается суицидальными действиями. По мере того как исчерпываются варианты разрешения конфликта, порождается мысль о его абсолютной неразрешимости. На суицидальном этапе наблюдается дополнительная психотравматизация. Возникают суицидальные мысли, а позднее – и обдумывание способа совершения суицида. Суицидальный период, начало которого связано с появлением суицидальных замыслов, длится вплоть до самопокушения на жизнь.

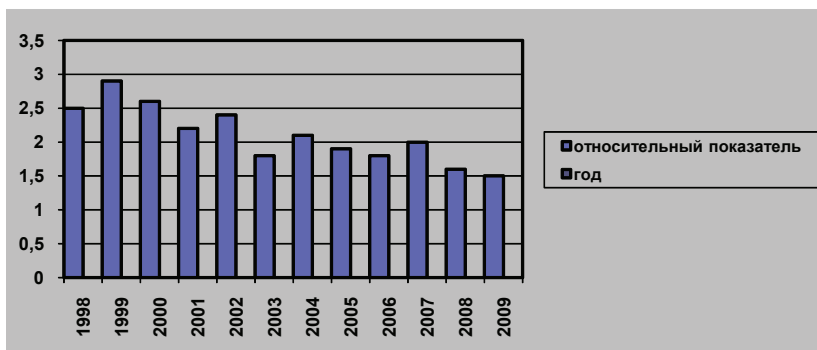
По такому алгоритму развиваются, как показывает анализ фактов суицидального поведения, собранных в 2007–2009 гг. в ОВД РТ, многие суицидальные попытки в ходе и результате преодоления деструктивного внутриличностного конфликта, сформировавшегося у сотрудника в той или иной психотравмирующей или социально неблагополучной ситуации.

Проблемы девиантности, конфликта и суицидального по-

ведения, в том числе среди сотрудников ОВД, традиционно привлекают внимание исследователей [1; 2; 3; 4; 5].

Примечательно, что в органах внутренних дел РФ в начале 90-х годов рост уровня суицидов является более значительным, чем среди населения в целом, и к 1993 году он составляет 39 случаев на 100 тыс. человек [2, с. 3]. Во второй половине 90-х годов ежегодно из-за самоубийств органы внутренних дел теряют от 200 до 300 сотрудников [6].

В последующем формируется тенденция к снижению уровня самоубийств среди сотрудников милиции, что отчасти указывает на позитивные социальные изменения, на относительную стабилизацию в обществе и правоохранительной системе, на определенную эффективность ведомственной профилактики конфликтов и чрезвычайных происшествий, связанных с суицидом. В период с 1999 по 2009 год эта тенденция приобретает отчетливый характер (см.: рис.).

Органы внутренних дел, обеспечивая раскрытие и предупреждение преступлений, охрану жизни, собственности, прав и свобод граждан, осуществляют правоохранительную деятельность, характеризующуюся повышенной конфликтогенностью. По данным исследователей, в 84% случаев суициды в ОВД вызваны конфликтами. Из них 50% конфликтов имеют

личностно-семейную природу, 20% – связаны со служебной деятельностью. Риск суицидов особенно велик среди сотрудников МОБ, уголовного розыска. Большинство суицидов в целом по МВД совершается лицами младшего (53%) начальствующего состава. Больше половины суицидов в ОВД совершено в состоянии алкогольного опьянения [3, с. 22–23].

При этом в структуре суицидальных фактов среди сотрудников ОВД широко представлены самоубийства как результат внутриличностных конфликтов, состоявшихся в период социально-психологической адаптации к особым условиям службы или вызванных другими служебными, а также семейно-личностными проблемами. Примером может служить суицид, который совершил, используя табельное оружие, начальник ОГ ВОГОиП МВД России по Гудермесскому району Чеченской Республики в августе 2009.

Типичны деструктивные внутриличностные конфликты среди сотрудников ОВД, у которых есть острые внутрисемейные противоречия, например, вызванные неудовлетворенностью финансовым положением, невозможностью полноценно заниматься ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, ввиду специфики полицейской работы.

В марте 2009 покончил собой через повешение старший УУМ территориального пункта милиции «Мирный» УВД Приволжского района по г. Казани. Суицид стал результатом не только внутриличностного конфликта, неблагоприятных отношений в семье, но и алкогольной абстиненции.

На мотивацию суицидального поведения влияют: измены, одиночество, неудачная любовь и половая несостоятельность, несправедливое отношение со стороны близких. Так, например, в 90-е годы прошлого века в Казани широко обсуждался аномический и одновременно эгоистический суицид, по Э.Дюркгейму, жертвой которого стал молодой сотрудник милиции, выпускник ведомственного

вуза, который получил назначение в территориальный ОВД. Вскоре молодой милиционер вступил в брак с девушкой из весьма обеспеченной семьи. Зарплата сотрудника ОВД не могла удовлетворить запросы молодой семьи, начались ссоры и многим казалось, что до самоубийства милиционера «жена допекла», которая требовала, чтобы муж бросил свою «ментовку». Однако суицид – явление сложное. Он мог стать следствием не столько межличностного, сколько внутриличностного ролевого конфликта как «столкновения» требований двух и более социальных ролей, которые одновременно должен исполнять индивид. Ведь молодой человек любил свою профессию и стремился соответствовать ролевым ожиданиям, но при этом не мог полноценно выполнить роль главы семейства, быть успешным профессионалом-добытчиком. Вероятнее всего, его уход стал следствием внутриличностного ролевого конфликта, создавшего «экзистенциальный вакуум», или утрату смысла жизни в семейной группе и обществе.

Специалисты считают, что по-разному следует оценивать личность потенциального суициданта и оказывать ему помощь, поскольку сам он плохо осознает иной конструктивный выход из конфликта. Существуют различные приемы, которые могут помочь найти решение внутриличностных проблем сотрудника ОВД, попавшего в положение суицидального риска. Одна из них состоит в том, что человеку нужно дать выговориться; оказать ему сочувствие, попытаться утешить, попросить его кому-то помочь, дать выпаться, найти в его положении не только минусы, но и плюсы, помочь расслабиться.

С целью профилактики внутриличностных конфликтов и суицидальных попыток по возможности необходимо нейтрализовать их внешние факторы и детерминанты. Следует конструктивно повлиять на укрепление отношений в семье

или иной референтной группе (дружеской, профессиональной); устранить факторы экстремальности, гиперответственности в служебной деятельности, резко снизить эмоциональные нагрузки и т.п. Создать условия для повышения образованности и профессионализма, открыть перспективу для служебного роста сотрудников из групп риска суицидального поведения.

Руководители ОВД должны знать, что вероятность внутриличностных конфликтов и суицидов выше у сотрудников в возрасте в результате «кризиса идентичности» и утраты смысла существования («экзистенциальный вакуум») по сравнению с молодыми работниками. Отсюда необходима разумная ротация кадров и систематическое обновление персонала полиции. Нужны решительные меры по элиминации широко укоренившихся питейных, алкогольных традиций в полицейской общности, поскольку злоупотребление алкоголем как вид девиантности служит одним из фоновых суицидальных факторов. В кадровой работе и деятельности психологических служб ОВД нужна не только постоянная связь с личным составом, но и активная психо-эмоциональная, социальная поддержка ветеранов, офицеров в отставке, поскольку в этой среде самоубийства также могут явиться результатом внутриличностных конфликтов. Их детерминация нередко сводится к резкому изменению статуса, к утрате бывшего положения («комплекс короля Лира»). Там, где к работе с персоналом по вопросам профилактики конфликтов, девиантности и суицидов руководство, кадровый аппарат и психологические службы ОВД подходят, вооружившись конфликтологическими, девиантологическими и психологическими знаниями, риск суицидального поведения заметно ниже, о чем отчасти свидетельствуют и данные моральной статистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридинский центр Пресс», 2007.
2. Профилактика самоубийств среди сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие. М.: ГУК МВД России, 2004.
3. Бирюков И.В., Ермолаев В.В. Основы профилактики суицидального поведения в образовательных учреждениях МВД России. Воронеж: ВИ МВД России, 2006.
4. Качалов В.Ю. Исследование форм и причин девиантного поведения сотрудников ОВД. Казань: КЮИ МВД России, 2002.
5. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006.
6. Профилактика самоубийств среди сотрудников органов внутренних дел / И.В. Колос и др. М.: ГУК МВД России, 2001.

Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды: основы теории и оценка региональных трендов¹

В настоящее время происходит перенос внимания социологов из стран бывшего социалистического лагеря с изучения структурных образований, вследствие их завершенной в общих чертах институционализации, на социальные процессы, на события или их последовательность как результат действия индивидов, групп, общностей и организаций в сложной системе социального взаимодействия. Неслучайно П. Штомка обращает внимание на то, что доминирующее

¹ Вестник СибЮИ ФСКН России. 2012. № 2. С. 95–100.

значение в современных условиях приобретает процессуальный образ социальной реальности [1, с. 26].

На постсоветском пространстве, как, впрочем, и на Западе, рыночный транзит формирует «общество риска», по У. Беку, где разрастаются масштабы негативной девиантности и нередко проявляется скепсис относительно «надежд, связанных с иллюзией контроля». В России, в очередной раз осуществляющей «рецидивирующую модернизацию», наряду с распространением уличной преступности, проституции, алкоголизма, других форм девиантности и социального неблагополучия, весьма остро заявляет о себе наркотизация подростково-молодежной среды и общества в целом.

Согласно официальным и далеко не полным в силу высокой латентности наркотизма данным, уровень потребителей наркотиков (в расчете на 100000 жителей) вырос в России с 25,7 в 1985 г. до 60,6 в 1994 г. Уровень зарегистрированных лиц, больных наркоманией (первичное обращение в медицинское учреждение), увеличился с 2,1 в 1985 г. до 31,0 в 1997 г. Количество зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками, возросло с 18534 в 1987 г. до 150096 в 2004 г. [2] Начиная с 1990 года, распространение наркомании в России развивается с ускорением по экспоненциальному закону (С.Г. Ольков, 2003). При этом две трети потребителей наркотиков – это лица в возрасте от 14 до 30 лет. В итоге, по данным медицинской статистики, с конца 90-х годов уровень заболеваемости наркоманией среди подростков в нашей стране в 2 раза выше, токсикоманией – приблизительно в 8 раз выше, чем среди населения в целом. Исследователи наркотизма (Е.А. Кошкина, Н.А. Сирота, 2001; Е.В. Омельченко, 2003; Ю.Ю. Комлев, 2005; М.Е. Позднякова, 2007) фиксируют продолжающееся «омоложение» наркопотребления.

Наркотизм во всех его проявлениях (наркомания, токсикомания, наркопреступность) становится одной из самых

злободневных социальных проблем современной России. Тематизация наркомании и наркотизма в повестке дня СМИ, в деятельности институтов социализации и социального контроля помещает это широкое проблемное поле в фокус общественного внимания. Проблема наркотиков приобретает контрастное отражение в массовом сознании, в сознании экспертов, групп риска, наркопотребителей и других жертв наркотизма.

Органами государственной власти, научным сообществом, начиная с 90-х годов прошлого столетия, были предприняты определенные меры по социологическому изучению наркотизма как латентного социального явления и процесса его распространения в молодежной среде. Реконструировать феноменологию наркопотребления, выстроить вполне реалистичные тренды и прогнозы наркотизации, обосновать предложения по превенции и совершенствованию системы социального контроля над наркотизмом позволяют эмпирические социологические исследования в режиме мониторинга.

Теоретико-методологические решения, практический опыт организации социологического мониторинга по вопросам распространения наркомании и наркотизма нашли отражение в работах Я.И. Гилинского, И.Н. Гурвича, Е.А. Кошкиной, Л.Е. Кесельмана, М.Г. Мацкевич, М.Е. Поздняковой Д.Д. Невирко, Ю.Ю. Комлева, А.Л. Салагаева и др.. «Создание в регионах, и России в целом, системы мониторинга девиантных проявлений», по мысли Я.И. Гилинского, стало наиболее перспективным направлением научного поиска девиантологов [2].

Как известно, основы мониторинговых исследований экологических, социально-экономических процессов и перемен были разработаны отечественными социологами еще в период перестройки (Н.Н. Саппа, Н.В. Пахомова, Т.В. Лихолет, В.А. Ядов, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, Ю.А. Левада и др.). Было установлено, что базисные представления и установки

общественных групп достаточно измерять методом опроса в форме анкетирования или формализованного интервью по месту жительства в домохозяйствах ежегодно, поскольку они относительно стабильны. Индикаторы более динамичных процессов, ход которых сильнее зависит от внешних факторов и обстоятельств, должны измеряться один раз в три-четыре месяца. Наиболее быстрые процессы, отражающие «биение пульса общества», следует отслеживать ежемесячно. Социологическим мониторингом общественного мнения со второй половины 90-х годов стали активно заниматься социологические и маркетинговые центры ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ, РОМИР, КОМКОН и многие другие.

Социологический мониторинг как новая форма организации сравнительных исследований социальных перемен, в том числе процесса распространения негативных форм девиантности, получил развитие и практическое применение не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в региональных центрах: в Казани, Самаре, Ульяновске, Саратове, Уфе, Тюмени, Новосибирске, Красноярске.

Определенный опыт организации и проведения мониторинговых исследований массового сознания по широкому кругу социальных и криминальных проблем в 1991–1993 гг. был накоплен с участием автора Сектором социологических исследований Верховного Совета Республики Татарстан. Мониторинговые исследования социальных проблем и распространения девиантности были продолжены в Центре экономических и социальных исследований при Кабинете министров Республики Татарстан в 1994–2000 гг. С 2002 по 2007 год по инициативе Республиканского центра профилактики наркотизации населения, а затем под эгидой УФСКН России по РТ в регионе под руководством автора стал проводиться ежегодный мониторинг наркоситуации в подростково-молодежной среде.

Содержание социологического мониторинга можно определить как «форму организации повторных опросов общественного мнения по одной и той же выборке с фиксированным временным шагом в целях постоянного накопления данных субъективной статистики по дискретному набору социальных показателей (индикаторов) массового сознания о том или ином социальном процессе» [3; 4]. При осуществлении социологических исследований по типу мониторинга заранее определяется конкретное число наиболее существенных показателей (индикаторов), идентифицирующих специфику и динамику социального процесса. Путем повторных выборочных опросов при неизменных требованиях к комбинированной выборке и через заданный, постоянный интервал времени проводятся замеры, в ходе которых фиксируются первичные данные. Социологический мониторинг позволяет получать, накапливать, хранить, обрабатывать первичную информацию опросов в компьютерных системах.

С точки зрения логики экспериментального вывода, в мониторинговых исследованиях обычно опираются на формальные правила количественного анализа. Так, М. Зельдичем отмечено, что два состояния одного процесса сопоставимы, если они содержат хотя бы одно общее свойство; ни один фактор не может быть признан причиной сравниваемых явлений, если в одном случае при регистрации изучаемого явления он имеет место, а в другом – нет (правило сходства по Миллю); вместе с тем данный фактор не может быть причиной изучаемого явления, если в одном случае (исследовании) он имеет место, а само явление не фиксируется, хотя в другом случае (исследовании) дело обстоит так, что регистрируются и явления, и данный фактор (правило различия по Миллю); наконец, некий фактор (условие, обстоятельства и т.п.) никоим образом не может достоверно считаться определяющим в отношении изучаемого процесса, если в

другом случае (в другом исследовании) наряду с ним изучаемому процессу сопутствуют другие факторы [5, р. 224].

Вместе с тем при организации мониторинговых опросов по проблемам наркотизма и других латентных явлений, при соблюдении всех формальных правил и процедур, обеспечивающих сбор и интерпретацию количественных данных, весомое значение имеют и содержательные аспекты анализа. Так, В.А. Ядов справедливо отмечает, что «проблемы сравнительного анализа никоим образом не сводятся к формальным процедурам» [6, с. 209]. Действительно, при организации социологического мониторинга наркотизации в методическом инструментарии следует использовать не только закрытые, но и полужакрытые, открытые вопросы, что дает возможность сбора неформализованных высказываний респондентов для последующего их осмысления.

При проведении социологического мониторинга наркотизации в Татарстане был использован конструктивный опыт сравнительной социологической оценки социальных координат молодежного наркотизма, полученный Л.Е. Кесельманом и его коллегами в ходе уличных интервью в Санкт-Петербурге и Самарской области [7,8].

Вместе с тем исследования в Казани показали, что уличные интервью, существенно повышающие анонимность контакта интервьюера и респондента, определенно смещают результаты мониторинга и завышают уровни и масштаб наркотизации подростково-молодежной среды.

В результате казанским коллективом был использован комбинированный прием отбора респондентов методом полужормализованного интервью в соотношении 50 на 50 на улицах и по месту их жительства. Анонимные опросы по месту жительства или работы частично снижают уровни и масштаб наркотизации. Этот эффект определяется не столько снижением анонимности контакта, сколько и за счет

меньшего вовлечения в выборку лиц с рискованным или отклоняющимся поведением и увеличением числа молодых респондентов, имеющих конструктивную занятость или увлечения (они по понятным причинам значительно реже проводят время на вечерних улицах).

Выбор комбинированной техники обеспечил достаточно надежный и простой способ отбора респондентов, вполне достаточную анонимность, случайность и психологичность контакта, экономичность и оперативность исследования, количественную и качественную репрезентативность первичных данных.

Как известно, социологический мониторинг наркотизации должен опираться на хорошо разработанные модели построения выборочных совокупностей, которые обеспечивают как количественную, так и качественную репрезентативность первичных данных. При формировании выборки регионального мониторинга существенны численный состав населения в целом и по административным единицам, по возрасту, этноконфессиональной и гендерной идентичности, социально-профессиональному и имущественному положению. Исследования в Татарии показали, что выборочную совокупность лучше формировать, используя комбинацию методических приемов. Так, часть единиц отбора формируются по принципу равной вероятности (систематический отбор), а часть по принципу пропорций для соблюдения ключевых квот. Комбинированный подход снижает риск возникновения систематических ошибок при формировании выборки. В региональном мониторинге наркотизации хорошо зарекомендовали себя серийные или многоступенчатые выборки с определением способа отбора на каждой ступени.

Эмпирически выверенный объем региональной выборки для мониторинга наркотизации в Татарстане относительно генеральной совокупности в возрастных пределах от 12 до

72 лет составляет 1500 единиц. Ошибка репрезентативности не превышает 2–3%. Понижение ошибки репрезентативности неизбежно приводит к существенному увеличению объема выборки, усложнению схемы отбора респондентов. Все это влечет за собой значительное увеличение расходов на проведение регионального мониторинга наркоситуации.

Мониторинговые исследования по оценке наркотизации предназначены для решения ряда методических, научных и информационно-управленческих задач. На методическом уровне эти задачи состоят в уточнении предметной структуры мониторинга девиантности, а именно: в определении частоты опросов, в разработке методик построения и реализации выборок, в совершенствовании методического инструментария, в оптимизации процедур обработки, хранения и анализа первичных данных, в повышении их качественной и количественной репрезентативности.

Научные задачи мониторинга наркоситуации выражаются в анализе и обобщении эмпирических данных, характеризующих феноменологию и динамику наркопотребления, результаты социального контроля. Мониторинговые данные позволяют описать тенденции наркотизации, обосновать прогноз развития наркоситуации, выполнить кросс-региональный анализ.

Информационно-управленческие задачи мониторинга сводятся к обеспечению органов власти (институтов социального контроля), институтов социализации и гражданского общества (СМИ, общественные организации и движения), населения в целом методически надежной и оперативной социологической информацией по ключевым индексам наркотизации. Этот информационный ресурс может служить основой для совершенствования профилактики наркотизма и других мер социального контроля.

Ежегодный социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды осуществлялся в Татарста-

не по ряду интегрированных индексов. Среди них, в качестве примера, рассмотрим: *общий уровень наркотизации (ОУН)*, *уровень случайного наркопотребления (УСН)*; *уровень активного наркопотребления (УАН)*.

ОУН характеризует ту или иную степень причастности к опыту потребления наркотиков и определяется как сумма значений трех индексов активности наркопотребления: уровень случайного наркопотребления, уровень постактивного наркопотребления, уровень активного наркопотребления.

УСН определяется как одна или несколько проб («всего один только раз попробовал(-а) наркотик» или «несколько раз пробовал(-а) наркотики»).

УАН характеризует меру заболевания наркоманией, которая фиксируется не на основе медицинского диагноза, а субъективно респондентом как зависимость или «активное наркопотребление», то есть как прием наркотиков с высокой частотой.

Основные тренды наркотизации подростково-молодежной среды Татарстана с 2002 по 2007 годы представлены на рис. 1.

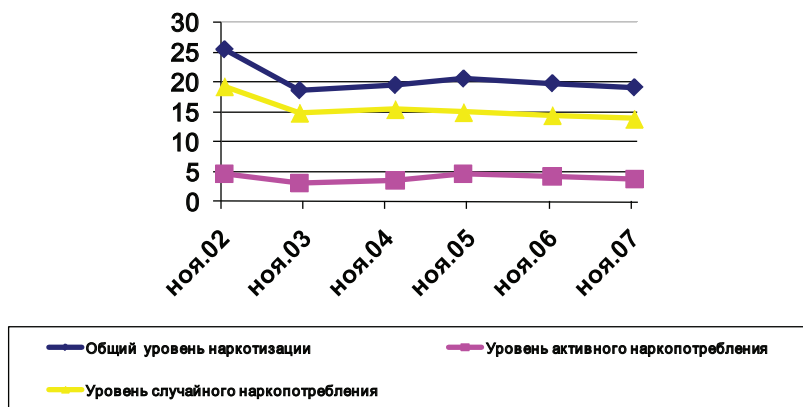

Рис.1. Тренды наркотизации подростково-молодежной среды

Мониторинговые исследования в Татарстане показали свою высокую эффективность. Анализ трендов наркотизации, как в целом, так и по группам риска, поддержка обратной связи по мерам социального контроля позволили существенно понизить в 2003 году спрос на наркотики в подростково-молодежной среде региона. Более того, социологический мониторинг позволил верифицировать основные положения теории рестриктивного социального контроля и практику ее применения на примере Татарии. Действительно, в немалой степени достичь снижения масштабов наркотизации и поддержать стабильность наркоситуации удалось благодаря реализации рестриктивных мер контроля путем частичного подавления случайного и активного наркопотребления в подростково-молодежной среде.

Проведение региональных мониторинговых исследований наркоситуации в подростково-молодежной среде было включено в республиканскую программу по профилактике наркотизации населения. Однако в последующий период заказы УФСКН России по РТ на НИР стали распределяться в ходе проведения тендеров. А как известно, тендер часто выигрывают организации, заявляющие наименьшую стоимость исследовательского проекта. В результате в победителях оказались сомнительные структуры, не владеющие исследовательской культурой и методологией мониторинга, но с аппаратными связями и сориентированные на извлечение прибыли даже путем демпинга. В конечном счете, все это привело к параличу системы регионального социологического мониторинга наркотизации подростково-молодежной среды в Татарстане.

Литература

1. Штомка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1996.
2. Гилинский Я.И. Девиантология: Социология преступно-

- сти, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
3. Комлев Ю.Ю. Мониторинг общественного мнения как фактор оптимизации управленческих решений (на примере нормотворческой деятельности): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Казань, 1993.
 4. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005.
 5. Zelditch M. Ir. Intelligibl comparisons // Comparative methods in sociology / Ed. I. Valler. Berkley: Univ. Cal. press, 1971.
 6. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1987. С. 209.
 7. Кесельман Л.Е. Социальные координаты наркотизма. СПб.: Институт социологи РАН, 1999
 8. Кесельман Л.Е., Мацкевич М.Г. Слепое противостояние наркотикам неэффективно // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4.

Эмпирическое изучение девиантности: на пути к триангуляции статистических, количественных и качественных методов¹

Социология прошла достаточно длительный путь развития и стала наукой, задача которой – изучение постоянно трансформирующегося современного общества и социальных проблем, которые в нем возникают. В итоге сформировался социологический способ теоретико-эмпирического изучения социальной реальности – «социологическое воображение», по Ч. Милсу, который позволяет критически оце-

¹ Качественные и безанкетные количественные исследования социальных проблем. Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2012.

нивать факты, выявлять, конструировать, предсказывать и моделировать свойства и закономерности различных социальных объектов и связей между ними.

В структуре современного социологического знания активно развивается девиантология – наука о различных формах отклоняющегося поведения и механизмах социального контроля над ними. Основные девиантологические положения концептуализируются следующим образом:

- девиантное поведение есть социальный феномен, объективно присущий всем стадиям, формам и уровням социальной системы (девиантность – перманентное свойство общества);

- девиантное поведение определяется как действия человека или социальных групп, не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям;

- девиации – не только реальные социальные практики, но и релятивные, конвенциональные социальные конструкции, поэтому их определение и изучение имеют смысл лишь в конкретном обществе, в определенный период времени;

- негативные девиации (преступность, терроризм, экстремизм, наркотики, алкоголизм и др.) ведут к дезорганизации социальной системы, повышают ее энтропию; позитивные девиации (научное, техническое, художественное творчество) способствуют прогрессу;

- все формы девиантности функциональны, поэтому полностью неустраняемы;

- социальный контроль есть совокупность средств и методов воздействия общества и государства на негативные формы девиантного поведения с целью их сокращения или минимизации до социально приемлемого уровня;

- логика социального контроля в современных условиях состоит в сокращении масштабов и оптимизации структуры негативной девиантности, прежде всего, более гуманными

профилактическими средствами, чем репрессивными.

В девиантологии, наряду с общенаучными принципами и методами познания, используются и специальные социологические подходы, приемы и технологии исследования. В работах Я.И. Гилинского – основателя российской девиантологической науки, сформулированы методологические принципы социологического исследования различных форм девиантности и проблем социального контроля¹. Наиболее важными из них являются следующие.

Принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм, по Н. Моисееву)². Он состоит в том, что основные закономерности социальной реальности, включая девиантность и ее различные проявления, представляют собой инобытие всеобщих закономерностей самодвижения, самоорганизации мира, материи. Иначе говоря, различные практики отклонений и их закономерности не уникальны. Это дает исследователю возможность преодолеть риск чрезмерного аксиологизма при изучении девиантности.

Принцип универсальности общенаучных методов познания. Он вытекает из предыдущего положения и означает возможность применения различных методов и методик, созданных в рамках различных научных школ и парадигм при эмпирическом изучении девиантного поведения (статистических, количественных и качественных эмпирических методов).

Принцип относительности знаний (релятивизм). Всякое знание о девиантной реальности неполно и ограничено. Никогда нельзя достичь окончательного знания об исследуемом объекте, поскольку мир людей изменчив и находится в постоянном развитии. По мысли известного современного философа А. Уайтхеда, «фактически нет ни предложений,

¹ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

² Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 86.

ни слов со значениями, которые были бы независимы от обстоятельств их произнесения»¹. Более того, итоги познания всегда ограничены возможностями научных методов. Это принципиальное положение позволяет избежать абсолютизации полученных научных результатов.

Принцип дополнительности (противоположности дополнителны). В силу необычайной сложности реальности бытия социальные нормы и отклонения от них дополнительные в понимании Н. Бора². Их сосуществование неизбежно, поскольку они связаны друг с другом, что предопределяет совместное их изучение как общественных явлений. Социологические теории девиантности, различные научные концепты, методы также дополнительные в указанном смысле.

Принцип социального детерминизма. Социальное можно объяснить социальным. Это положение восходит к классическим работам конфликтолога К. Маркса и функционалиста Э. Дюркгейма, что позволяет рассматривать и объяснять феномены девиантности в широком социальном контексте.

Представляется целесообразным дополнить перечисленные положения Гилинского *принципом прагматизма*, поскольку изучение отклонений и проблем социального порядка не имеет смысла лишь ради самого процесса исследования. Научная работа и ее продукция должны иметь пользу для совершенствования социального и правового регулирования в сфере девиантной активности. Именно на прагматически ориентированном пути реально снижение масштабов проявлений негативной девиантности в современном российском обществе.

Многие зарубежные и отечественные девиантологи широко опираются на полипарадигмальность, работают в рамках интегративной перспективы анализа, широко ис-

¹ Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 321.

² Бор Н. Избранные научные труды. М., 1971. Т. 2. С. 209.

пользуют теории и концепты позитивистской социологии, феноменологии, символического интеракционизма, постмодернизма. Интегративный дискурс представлен в научном творчестве Ю. Хабермаса, Дж. Коулмена, Э. Гидденса, Р. Айкерса, Ф. Пирсона, Н. Уейнера, Д. Эллиота, Т. Торнберри, Ч. Титла, Б. Вилы, Б. Арриго, Т. Мифа, Б. Татума, Г. Барака. В российской девиантологии, социологии преступности интегративной ориентации придерживаются Я. Гишинский, Т. Шипунова, Ю. Комлев и ряд других исследователей¹.

Интегративные теории девиантности и социального контроля вполне отвечают ключевым положениям методологии науки (содержание теорий производно от исходных понятий и логически непротиворечивых положений, отличается целостностью системы понятий и др.). Цель теоретической интеграции, по Р. Айкерсу, состоит в выявлении общности положений двух и более теорий для того, чтобы произвести их синтез в единую переформулированную теоретическую модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории². Тем самым, интегративные модели позволяют социологам наращивать методологический арсенал теоретических и эмпирических исследований, поскольку положения и «конструкции» из различных дополнительных, в смысле Н. Бора, теорий реализуются с учетом их гносеологических плюсов и дополнительных эвристических возможностей. Они позволяют избежать фрагментарности и сосредоточиться на различных, дополняющих друг друга формах девиантности, выступаю-

¹ См: Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007; Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003; Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

² Akers R.L. *Criminological Theories: introduction and evaluation*. 2nd ed. Los Angeles, 1997.

щих одновременно и социальными конструктами, и реальными поведенческими практиками.

В рамках интегративной перспективы анализа органично-целостное видение и эмпирическое изучение социальных отклонений наиболее продуктивно осуществляется с применением методологической триангуляции, то есть на пути совместного применения различных статистических, социологических количественных и качественных методов, исходя из принципов универсальности общенаучных методов познания, релятивизма и дополнительности.

Статистические методы в своей основе опираются на математические статистические законы (например, закон больших чисел), теорию вероятностей¹. Теоретико-методологической основой количественных методов исследования девиантности выступает представление об обществе как системно-организованной целостности, а также предположение о способности научного познания рационально-логически объяснить феноменологию социальных реалий, разработанные в рамках позитивизма и функционализма². Количественная методология ориентирована на описание и объяснение свойств различных форм девиантности, выяснение причинно-следственных связей между ними. Она опирается на квантификацию и формализованные процедуры измерения и следует логике дедуктивного анализа (от абстракций – к фактам путем операционализации понятий)³. Количественные методы сбора информации (анкетный опрос и интервью) успешно применяются для изучения массовых статистически устойчивых форм девиантности,

¹ См.: Толстова Ю.Н. Математико-статистические модели в социологии. 2-е изд. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.

² См.: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 6-е изд. М.: ИКЦ «Академкнига», «Добросвет», 2003.

³ См.: Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

таких как преступность, наркотизм, алкоголизм и др.

Для познания субъективных аспектов девиантных социальных практик и карьер (личного опыта, переживаний, страданий, чувств), которые образуют специфический «жизненный мир», необходимо социальное знание, основанное на понимании и интерпретации. Прошлый субъективный опыт может быть лучше понят через изучение и интерпретацию индивидуальных судеб, биографий, особенностей восприятия и поведения конкретных девиантов в рамках более общего социального контекста. Отсюда применение качественных методов в девиантологии исходит из «понимания» девиантной реальности. Этот принцип выработан в рамках символического интеракционизма, этнометодологии и понимающей социологии. Качественная методология позволяет достаточно эффективно исследовать «трудные» судьбы, единичные криминальные случаи, девиантные карьеры, трудно поддающиеся формализованной оценке. Она опирается на индуктивную логику анализа (от фактов и рассказов о жизни – к концепциям). Качественные методы раскрывают своеобразие отдельного социального объекта или события. Они весьма продуктивны при исследовании единичных, оригинальных девиантных проявлений и их носителей, особенно в условиях быстрых социальных изменений.

В современных условиях наиболее острой социальной проблемой в России является проблема преступности. По оценке Я.И. Гилинского, преступность есть «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе»¹.

Статистика преступлений, или «темная цифра преступности», по образному выражению А. Кетле, представленная в официальных отчетах правоохранительных органов, долгое

¹ Гилинский Я.И. Криминология. Курс лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 37.

время была единственным способом описания количественных характеристик преступности, таких как: объем, уровень, структура и динамика. Это одна из трудных девиантологических задач. Ее проблемность объясняют рядом факторов.

Во-первых, избыточность уголовного законодательства – слишком много деяний, в том числе общественно опасных, криминализировано законодателем (преступность – социальная конструкция).

Во-вторых, преступность – это реальные общественно опасные поведенческие практики, которые происходят в социальном окружении, детерминированы культурными, экономическими, политическими и иными социоструктурными факторами.

В-третьих, регистрируется лишь незначительная часть всех совершаемых преступлений. При условии преобладающего числа латентных преступлений, то есть незарегистрированных, учтенная статистикой преступность «не представительна» для всей совокупности. Этот факт закономерен, поскольку всем известна высокая селективность (избирательность) репрессивной реакции полиции/милиции во всем мире. Иначе говоря, наиболее полно учитываются «*street crimes*» (уличные или «общеуголовные» преступления) и «не замечается» преступность «респектабельная», «элитарная», «беловоротничковая» (*white-collar crime*). По образному выражению А. Liazos, «борьба» ведется преимущественно с «*nuts, sluts and perverts*» (с пьяницами, опустившимися, извращенцами). И тогда пойманные полицией и осужденные судом «*nuts, sluts and perverts*» – лишь «козлы отпущения», призванные продемонстрировать успехи полиции в борьбе с преступностью¹.

В-четвертых, количественную оценку преступности затрудняет наличие взаимоисключающих друг друга систем

¹ Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. С. 200.

учета, которые исходят из приоритета общественного риска, тяжести деяний, числа арестов, числа возбужденных уголовных дел (отсюда многообразие статистик: милицейская, судебная, прокурорская).

С применением и совершенствованием количественных и качественных социологических методик в девиантологическом изучении преступности на основе методологической триангуляции стали учитываться ее латентные составляющие, мотивация и социальные ситуации (кейсы). При таком подходе статданные и результаты массовых формализованных опросов по проблеме преступности эффективно дополняются качественными описаниями криминальных биографий, их носителей с анализом девиантных карьер. Позитивный опыт методологической триангуляции накоплен во многих развитых странах (США, Канада, Австралия, Великобритания, Нидерланды, Швеция, Швейцария).

В России в этом направлении предпринимаются лишь первые шаги. Среди них следует выделить опросы населения на предмет того, кто из граждан за определенный период (месяц, полугодие или год) стал жертвой преступления. В итоге анализа эмпирических данных относительно общего уровня и структуры преступности, состава жертв преступлений составляются так называемые обзоры виктимизации. Они то и позволяют учесть латентный характер современной преступности.

Впрочем, первые опросные методики по проблемам виктимизации были разработаны в США в середине 60-х годов и апробированы в ходе опроса 10000 семей, проведенного в 1966 году по инициативе Президентской комиссии по законности и правосудию¹. Программа первого виктимологи-

¹ По данным Конклина, учреждение в 1965 году Президентской комиссии было вызвано тем, что в 60-е годы XX века в США стал стремительно расти уровень индексных преступлений. Президент Джонсон направил деятельность Комиссии на «углубление понимания причин

ческого исследования включала в себя два пробных исследования, одно из которых было проведено в Вашингтоне, другое в Бостоне и Чикаго, а также общенациональный опрос общественного мнения. Результаты исследования оказались неожиданными и выявили очень высокий уровень латентной преступности в стране¹.

Позитивный опыт социологического изучения жертв преступности в США позволил провести первый и второй Международные обзоры виктимизации (МОВ) в 1989 и 1992 году, которые охватывали развитые и развивающиеся страны Центральной и Восточной Европы, в том числе Россию. При их проведении был использован вопросник, позволявший собрать сведения о преступлениях, совершенных против лиц старше 16 лет. В анкете были поставлены вопросы, касающиеся оценок по поводу совершенных в отношении респондента преступлений, обращений в полицию, относительно страха перед преступностью, предупреждения преступности и строгости наказаний. Методика первых международных виктимологических исследований позволяла главным образом оценить уровень преступлений, совершенных против личности и собственности. Она исключала оценку экологических деликтов и деяний в рамках так называемой «преступности без жертв», например, в связи со злоупотреблением наркотиками.

Было установлено, что развивающиеся страны отличаются более высоким уровнем виктимизации населения почти по всем видам преступлений. Выявлено, что урбанизация является универсальным фактором, увеличивающим число преступлений как в развитых, так и развивающихся стра-

преступности и поиск путей выхода из сложившегося положения».

¹ Звекич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М.: ВНИИ МВД России, 1993. С. 39.

нах. Исследователями был отмечен высокий уровень виктимизации в Москве.

В целом МОВ показали, что преступность – глобальная социальная проблема. Она беспокоит многих людей в тех странах, где проводились виктимологические исследования. Оказалось, что более 20% опрошенных старше 16 лет за год сталкиваются со случаями краж, порчи имущества либо агрессивного поведения. Обзоры виктимизации показали, что в России и других государствах на постсоветском пространстве существенно занижается уровень преступности по официальным статданным¹.

Вместе с тем опыт национальных и международных опросов жертв преступлений выявил ряд методологических проблем по социологической оценке виктимизации населения и распространению преступности. Во многом они были обусловлены несовершенством выборок, сложностью квалификации состава преступления респондентами или нежеланием сообщать о факте виктимизации, например, в связи с сексуальным характером преступления. Кроме того, специальные исследования показали, что доля криминальных происшествий, сообщенных респондентом интервьюеру, во многом зависит от того, какие отношения существовали между правонарушителем и жертвой до преступления. Например, если жертва и преступник не были знакомы, то пострадавшие сообщали о 76,3% происшествий. Если жертва знала правонарушителя, то следовало сообщение только о 56,9% преступлений. Если же преступник был родственником жертвы, то респондент сообщал лишь о каждом пятом деликте.

Заметим, что обзоры виктимизации и другие массовые опросы с целью изучения преступности – все еще очень

¹ Звекич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М.: ВНИИ МВД России, 1993. С. 53.

дорогостоящие и трудоемкие исследования. По данным американских криминологов, социологические методики исследования преступности достаточно дорого обходятся налогоплательщикам и поэтому широко применяются лишь в развитых и богатых странах. Так, в США федеральное правительство, правительства штатов и местные органы власти ежегодно тратят десятки миллионов долларов и сотни тысяч человеко-часов на то, чтобы собрать социологическими методами и проанализировать данные о преступности¹.

В настоящее время для сбора эмпирических данных с целью оценки преступности и виктимизации в разных странах сложились свои подходы на основе объединения альтернативных методических приемов и решений, учитывающие местные или национальные особенности и условия. Однако, как правило, исследователи опираются на методологическую триангуляцию. В итоге они получают более взвешенную и приближенную к реальности картину преступности.

В Соединенных Штатах, например, совместно применяются статистические, количественные и качественные методы изучения преступности: национальные виктимологические опросы, единые отчеты о преступности, самоотчеты правонарушителей, вторичный анализ данных опросов о преступности, кейс-стади и включенное наблюдение.

Национальные виктимологические опросы (HBO/NCVS) в Соединенных Штатах проводятся ежегодно, начиная с 1972 года, Американским бюро переписи населения. В исследовании участвует около 50000 домохозяйств, или примерно 100000 человек, отбор которых осуществляется с помощью вероятностных выборок. По каждому адресу опрос проводится два раза в году. В выборку попадают респонденты старше 12 лет. Участников опроса расспрашивают об уголовных происшествиях, которые произошли с ним за про-

¹ См.: Криминология/подред. Дж. Ф. Шелли; пер. сангл. СПб.: Питер, 2003.

шедшие шесть месяцев, что позволяет получить вполне репрезентативную криминологическую информацию.

Виктимологические данные опросов позволяют приблизить к реальности оценки абсолютного уровня основных составов преступлений, сформировать более объективное представление о тенденциях преступности. По методике исследования опросные данные подразделяют на два типа: сведения об уголовных преступлениях и жертвах преступлений. В первом случае фиксируется количество криминальных эпизодов. Во втором суммируется число людей, против которых были совершены преступления. Например, если грабитель в баре забирает выручку из кассы, а также бумажник у бармена и личную собственность у пяти клиентов, то программой обработки цепь этих деликтов будет квалифицироваться как одно правонарушение – ограбление. При этом фиксируется шесть фактов виктимизации. В случае преступлений против личности (изнасилование, разбойное нападение, грабёж, похищение имущества у частного лица) разделение на число происшествий и число жертв соблюдается особенно тщательно. Если преступление было совершено против частной собственности, то различие между виктимизацией и уголовным происшествием не делается: жертвой преступления считается владелец похищенной собственности¹.

Данные субъективной статистики позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению а) места, где было совершено преступления (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удастся собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное

¹ См.: Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 112.

положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества). Кроме того, в последние годы Американское бюро переписи населения включает в опросники NCVS индикаторы, характеризующие «правоохранительный ответ» на преступления, которые были зарегистрированы в полиции¹.

Результаты обзоров виктимизации, проведенных в США в 90-е годы XX столетия, по данным Ф.Шмаллегера, показывают, что:

- участниками опросов ежегодно сообщается о 35 миллионах совершенных преступлений;
- приблизительно 23 миллиона американских домашних хозяйств, или 25 процентов от их общего количества, ежегодно становятся жертвами преступных посягательств;
- горожане имеют в два раза больше шансов стать жертвами преступлений, чем жители села;
- в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах и примерно одна четверть краж личного имущества².

Таким образом, результаты обзоров виктимизации более реально показывают уровень преступности, чем данные уголовной статистики, но данные NCVS обычно критикуют за субъективное превышение показателей преступности по некоторым видам.

Единые отчеты о преступности (ЕОП/UCR). Американская программа составления единых отчетов о преступности стартовала еще в 1930 году. Ее целью было получение более надежных и соизмеримых данных о преступности, поскольку до этого момента в разных штатах и даже в различ-

¹ Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999. P. 55.

² Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999. P. 60.

ных правоохранительных органах в пределах одного штата определения одних и тех же преступлений имели различия. Терминологические разночтения были основным препятствием для получения единых обобщенных статистических данных о преступности.

Для повышения сопоставимости данных уголовной статистики в рамках ЕОП были разработаны и введены единые операциональные определения преступности и ее составляющих. Все преступления были разделены на две группы. К группе I были отнесены: убийство (за исключением неосторожного убийства или убийства, совершенного при смягчающих обстоятельствах в целях самозащиты), изнасилование, грабеж, разбойное нападение, берглэри (незаконное проникновение в здание с целью совершения преступления или кражи), кража, кража автотранспорта и поджог. В группу II объединены такие правонарушения, как простое нападение, подлог и подделка, мошенничество, растрата, вандализм, проституция и коммерческие пороки, употребление наркотиков, азартные игры, вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, нарушение общественного порядка, бродяжничество и некоторые другие правонарушения.

Уголовная статистика в США, как и других стран, опирается на два основных источника: сообщения граждан о правонарушениях и регистрация преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Чаще всего полиция узнает о преступлениях I и II групп из заявлений граждан. Таким образом, поведение потерпевших и свидетелей во многом определяет число правонарушений, которые попадают в статистическую отчетность.

Будет ли криминальное происшествие зафиксировано в статистических отчетах, как преступление, зависит от ряда важных обстоятельств. Это и вопросы определения деликта, квалификации его опасности, и влияние субъективного фак-

тора со стороны потерпевшего (величина ущерба), и воздействие фактора собственно полицейской деятельности (внешение криминального происшествия в отчет нередко зависит только от усмотрения полисмена). Нельзя не учитывать и влияние политических условий. Органы правопорядка в любой стране существуют в определенном социально-политическом окружении. Число указанных в статистических сводках правонарушений может быть воспринято и как показатель эффективности антикриминальных мер, и как признак того, что органы правопорядка не контролируют проблему преступности. В США, как и других странах с демократической политической системой, выделение дополнительных ассигнований на борьбу с преступностью зависит от того, насколько сильно общество озабочено проблемой преступности. Артикуляция этой проблемы в общественном мнении и во власти – во многом результат манипуляций с уголовной статистикой из ЕОП и данными обзоров виктимизации.

Имеет значение и методологический фактор. Общее число преступлений определяется по специальным правилам подсчета и составления Единых отчетов о преступности. Так, в отчет вносится только наиболее тяжкое преступление, имевшее место в ходе серии уголовно наказуемых событий. Тяжесть преступления определяется в соответствии с порядком их расположения в списке индексных преступлений. Например, злоумышленник проник в частный дом, похитил фотокамеру и, столкнувшись с хозяином дома, угрожал ему пистолетом, а потом украл его машину. Как видим, совершен целый ряд индексных правонарушений. Однако в отчет будет внесено лишь наиболее серьезное из них – ограбление. Единственным исключением из этого правила является поджог. Это преступление учитывается независимо от того, какие еще правонарушения были совершены правонарушителем в указанный момент.

Самоотчеты правонарушителей (SR-исследования) – третий источник получения данных о преступности. Самоотчет или самосообщение – метод, основанный на самоанализе, на субъективной оценке криминальной действительности правонарушителем¹.

Самоотчеты – форма социологических опросов нарушителей правопорядка или представителей групп риска криминального поведения. Методологические основы самоотчетов были заложены в работах криминологов Дж.Ф. Шорта, Ф.И. Ная. Это альтернативная методика, не связанная с составлением ЕОП или опросами жертв преступлений. Заметим, что самоотчетам свойственны все сильные и слабые стороны, присущие опросным методикам.

Характерно, что самоотчеты правонарушителей, как правило, не ведутся по унифицированной анкете. Отсюда ее индикаторы остаточно сильно варьируются. Кроме того, отмечаются существенные различия при описании объекта опроса и построении выборочной совокупности. Для оценки уровня делинквентности при заполнении анкеты респондентам предлагается заполнить контрольную таблицу форм делинквентного поведения. Исследователем обычно фиксируется гендерный, семейный, образовательный, социально-экономический статус респондента. Наряду с анкетным, опрос правонарушителей может проходить в формате интервью. В состав выборки обычно включают заключенных или лиц, фигурирующих в полицейских отчетах, а также учащихся старших классов, имевших проблемы с полицией. В этом состоит основное отличие самоотчетов от уголовной статистики и обзоров виктимизации.

Самоотчеты являются эффективным способом изучения этиологии совершения преступлений. Они позволяют иссле-

¹ Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999. P. 121.

дователямполучитьподробнуюинформациюоправонарушителях: не только зафиксировать их демографические данные, но и оценить особенности семейного воспитания респондентов, свойства личности, интересы, мотивацию к достижению успеха, отношение к соблюдению религиозных ритуалов.

В современных социологических исследованиях преступности на основе самоотчетов измеряются специальные криминологические индексы. Среди них следует выделить такие, как: *уровень инцидентности* преступлений (среднее число преступлений, приходящихся на одного человека, или число преступлений, приходящихся на некоторое количество населения) и *уровень распространенности* (доля респондентов, сообщивших об одном или более правонарушениях, относящихся к определенной категории за определенный промежуток времени)¹.

Данные самоотчетов создают специфическую картину масштабов преступности, отличную от той, что реконструируется по официальным статданным или оценкам жертв преступлений. Это естественно, поскольку на искомый результат оказывает существенное влияние метод исследования. Отсюда следует, что ни один из методов изучения преступности не может быть единственным, достоверным источником информации о преступном поведении.

Вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод социологического изучения криминальной реальности и жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных социологов и криминологов в настоящее время. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных данных о преступном поведении и жертвах преступности

¹ Криминология / под ред. Дж.Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 117–119.

под иным углом зрения, в новом социокультурном или политическом контексте, несмотря на то, что исходная информация была предназначена для других целей.

Вторичный анализ опросных данных о преступности сокращает время и расходы исследователей, позволяет агрегировать данные в новые кластеры и анализировать тенденции в развитии преступности. Одним из фундаментальных источников, структурированных в электронные базы первичных данных для вторичного анализа, в США является Национальный архив данных криминальной юстиции (NACJD), сосредоточенный в Институте социальных исследований Мичиганского университета. Архив накапливает информацию относительно различных аспектов виктимизации населения страны, деятельности системы правосудия и ювенальной преступности. Другим источником данных для вторичного анализа выступают материалы, собранные в Национальном институте публикаций по вопросам юстиции (NIJP). Для вторичного анализа используются данные из словаря источников информации о преступности и юстиции (DCJIS). Данные этого собрания периодически подвергаются обновлению и редакции. В последнем выпуске помещается резюме о структуре предоставляемых информационных услуг, о публикациях, о телефонах и адресах авторов из более чем 160 источников по проблемам оценки преступности¹.

Изучение преступных случаев (кейс-стади). Качественная методология изучения преступного поведения позволяет проникнуть в его содержательную суть. Изучение преступных событий, случаев строится на основе всестороннего качественного описания индивидуального опыта преступного поведения. Изучение событий из жизни одного преступника, одной специфической преступной организации – примеры кейс-стади.

¹ Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999. P. 122.

Изучение преступных случаев полезно потому, что оно может выявить то, чего следует ожидать от других подобных событий и ситуаций. Например, изучение поведения индивидов в уличной криминальной группе может открыть центральную роль одного или нескольких лидеров (преступных авторитетов). Этот вывод уместно распространить и на описание стиля поведения лидеров в другой подобной уличной преступной группе (street gang).

Когда индивид с преступным опытом выступает в качестве объекта социологического исследования, то оно может принять форму life history – истории жизни одного человека, воспринимаемую как последовательность криминальных кейсов. Большинство жизненных историй преступников весьма субъективны вследствие того, что они состоят из непосредственно перечисленных сюжетов и событий в интерпретации самого объекта исследования. Тем не менее, анализ таких историй может быть ключом к пониманию реального преступного поведения других индивидов или выступить исходным пунктом для дальнейшего научного поиска.

Как видим, кейс-стади несут на себе печать субъективизма, который проявляет себя в смешении чувств и фактов в изложении индивида как объекта исследования относительно своего криминального прошлого. Вместе с тем этот метод изучения преступности дает возможность лучше взвесить и оценить событийные детали в жизни конкретного правонарушителя как представителя определенного социального типа, социального слоя, что не фиксируют количественные опросные методики в ходе виктимологических опросов или самоотчетов правонарушителей.

Включенное наблюдение за правонарушителями. Наблюдение за участниками преступных сообществ позволяет вести сбор фактов аудио-визуальными средствами исследователя, который принимает то или иное участие в изучаемой

группе или общности. Некоторые исследователи работают инкогнито, не показывают свою идентичность. Другие исходят из того, что цель исследования незачем скрывать.

Одним из самых ранних и известных примеров использования включенного наблюдения при изучении преступности представляется опыт Уильяма Уайта, который описал свое исследование преступных субкультур в районе трущобы Корневилль. Цель ученого состояла в непосредственном описании преступной действительности и социальных практик жителей Корневилля. При этом ему пришлось решить весьма трудную проблему идентификации с жителями Корневилля. Статус «своего парня» давал возможность ученому поддерживать тесные неформальные отношения с людьми, преодолевать социальные и коммуникативные барьеры, проводить наблюдения.

Полученные результаты превзошли все ожидания, но включенное наблюдение – не идеальный метод. Он характеризуется повышенным риском субъективности впечатлений наблюдателя и даже угрозой его полной идентификации с членами изучаемого сообщества.

Таким образом, для описания, объяснения и понимания преступности как наиболее опасной формы негативной девиантности и острой социальной проблемы, а также факторов, ее детерминирующих, американские исследователи широко используют данные уголовной статистики и социологических опросов с применением процедур вторичного анализа и качественных методик.

При осуществлении методологической триангуляции важно адекватно оценить когнитивный потенциал различных методик, эффективно использовать их сильные и нивелировать слабые стороны. Ясно, что невозможно с высокой достоверностью и точностью оценить абсолютное число таких латентных преступлений, как изнасилования, разбойные

нападения или кражи имущества. Более точно исчисляются и корреспондируются индексы по убийствам, кражам автотранспорта и некоторым другим резонансным преступлениям.

Уровни преступности, рассчитанные по разным методам, в том числе опросным, не всегда согласуются между собой, но на основе сочетания разных дополнительных, по Н. Бору, приемов во многом удается избежать фрагментарности монометодических оценок преступности и лучше реконструировать социологическими средствами социально-криминальную реальность.

В США и странах Западной Европы уголовная статистика и результаты социологических исследований по проблемам преступности и виктимизации полностью открыты, о чем свидетельствуют международные криминологические издания и материалы интернет-сайтов. Ежегодно большим тиражом издаются специальные сборники «Уголовная виктимизация в Соединенных Штатах» и «Преступность в Соединенных Штатах». Виктимологические данные опросов и статистика преступности широко обсуждаются в открытой печати, что вполне отвечает задачам правового просвещения населения и учета интересов гражданского общества, укрепляет социальную составляющую юстиции и правоохранительной деятельности.

В России периодически дозируются объем и доступность данных уголовной статистики. Виктимологические опросы проводятся нерегулярно и не в масштабах всей страны, что определенно затрудняет научное осмысление проблем преступности и обеспечения правопорядка. Манипуляции со статистикой преступности снижают доверие граждан к органам внутренних дел и государству в целом. В литературе находят отражение лишь некоторые специальные или региональные виктимологические опросы, а ведомственные статистические сборники выходят с грифом ДСП.

В органах внутренних дел длительное время воспроизво-

дится «палочная» система учетов. Она создает предпосылки для «конструирования» статистики регистрации и раскрываемости преступлений, обеспечивая, по сути, видимость, симулякры борьбы с преступностью. В итоге государству и обществу неизвестны истинные масштабы криминальных угроз. «Синдром Евсюкова» обнажил острые противоречия, драматизм и абсурд управленческой, информационной и кадровой работы в ОВД, ускорил радикальные вневедомственные преобразования и дебюрократизацию этого важнейшего правового института.

Вектор и концептуальные рамки радикальной реформы МВД России определены указами Президента страны. Неслучайно законопроект «О полиции» стал объектом активной научной и общественной дискуссии в специальных изданиях, на ТВ, в сети Интернет и других СМИ. Есть надежда, что новый федеральный закон, в конечном счете, приведет не только к институционализации полиции, но и существенно изменит регистрацию преступлений, создаст стимулы и правовые предпосылки для полноценного социологического изучения преступности и других форм негативной девиантности.

Преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма¹

Девиантологи традиционно изучают широкий спектр негативных девиаций в различных аспектах социального неблагополучия (преступность, наркотики, алкоголизм, проституция и др.). В их ряду наиболее сложную и острую социальную проблему представляет преступность во всех ее проявлениях. С одной стороны, преступность релятивна и конвенциональна, поскольку является продуктом социаль-

¹ Вестник ВЭГУ. 2013. № 1. С. 33–38.

ного конструирования. С другой стороны, преступность – часть социальной реальности, поскольку проявляется в поведенческих практиках, которые происходят в социальном окружении, детерминированы культурными, экономическими, политическими, технологическими и иными факторами. Я.И. Гишинский социологически определяет преступность как «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе» [1, с. 37].

Как и общество, преступность изменчива и адаптивна. Она не стоит на месте. Ее существующие модели постоянно видоизменяются и совершенствуются в результате быстрых социальных и технологических изменений, характерных для современного постиндустриального капитализма. Инновации создают не только прогрессивные изменения, порождая новый тип общества, но и продуцируют новые технологически детерминированные формы преступности.

Как известно, радикальные изменения в технологиях, материальной культуре, образе жизни людей второй половины XX столетия в промышленно развитых странах позволили Дж. Гэлбрейту выделить в «новом индустриальном обществе» рост потребления как его базовую черту. Ж. Бодрийяр в работе «Общество потребления» (1970) постулировал новую роль потребления, которое охватывает все сферы жизни современного человека. Ж. Шор описала новый феномен сверхпотребления в книге «Сверхрасходующие американцы» (1998).

Массовое потребление товаров и услуг в постиндустриальном мире породило повседневную философию консюмеризма как систему доминирующих идей и ценностей потребительского поведения. Однако эти перемены сформировали не только новые ценности и нормы потребления, но релятивизировали и транспонировали некоторые ценности

индустриальной эпохи. В «обществе потребления» стало приветствоваться то, что осуждалось в пору индустриального капитализма. Произошла определенная нормализация девиантности. Неслучайно Н. Луман и У. Бек, описывая современность, использовали категорию «общество риска». Это общество, в котором развиты потребление, технологии, обеспечена экономическая эффективность. Однако рост благосостояния сопровождается напряжением и рисками на рынке труда (сокращаются рабочие места, необходимо постоянно менять профессии), в сфере экологии (загрязняется окружающая среда), в сфере девиантности (размываются нормы, дифференцируются отклонения, растет преступность и армия девиантов). Причем в «обществе потребления» страховаться от количественного и качественного возрастания рисков становится все сложнее.

М. Фуко сосредоточился на анализе роли дисциплинарных институтов (бюрократии, формального социального контроля) в постиндустриальном обществе и определил его современное состояние как «дисциплинарное», где власть имущие поддерживают порядок с помощью институтов формального социального контроля и принуждения, «административного ресурса». Все это основательно отчуждает индивида от общества и государства, способствуя дальнейшей девиантизации социума. Теоретики девиантности и социального контроля (Т. Матисен, Н. Кристи, Я. Гилинский и др.) поставили роковой диагноз дисциплинарному обществу массового потребления, обозначив его метафорой кризис «наказания» или полицейского контроля [2].

Сегодня и Россия переживает потребительский бум, что еще 15–20 лет назад было трудно представить. При этом особенно заметны перемены, вызванные технологическими нововведениями и, прежде всего, тем, что практически любой индивид сегодня имеет компьютер, доступ в Интернет,

пользуется сотовой связью и включен в киберпотребление.

С развитием компьютерной революции, новых систем связи, с созданием «мировой паутины» стало реальностью не только обычное массовое, но и сверхпотребление людьми современных информационно–телекоммуникационных услуг и технологий для обработки и передачи данных, знаний, а также сетевых товаров. По оценке экономиста Д. Койл, доля высокотехнологичных сетевых товаров в общем объеме экономики постоянно растет, особенно в таких отраслях, как массовые коммуникации, сфера развлечения и финансов [3, с. 156]. Сервисно-ориентированный социум потребления в условиях глобализации стал, по терминологии И. Масуды, «информационным обществом». Информация приобрела качество ключевого ресурса новейшего времени, сравнимого с такими природными ресурсами, как нефть, газ, уголь, золото.

Информатизация общества и сверхпотребление спровоцировали процесс его дальнейшей девиантизации. Процесс, что называется, пошел еще дальше и глубже, поскольку сложилась и стала распространяться логика виртуализации социальной реальности. Иначе говоря, сначала в кибер-пространстве Интернета, а затем и во всех остальных сферах деятельности (политике, экономике, сфере культуры, социализации и социального контроля) происходит замещение социальных практик образами-симуляциями. Действительно, следуя логике виртуализации, на современном рынке перед потребителем конкурируют бренды, а не реальные свойства товара; в политике потребитель политических услуг выбирает образ политика, а не его реальные практики; в киберпространстве сети Интернет хакеры воруют не реальные банкноты, а их виртуальные аналоги. Девиантность и преступность перешагнули из социальной реальности в реальность виртуальную. Причем совокупный ущерб от сетевых кибер-преступников только в Германии составил за

2010 год, по оценкам полиции, 61,5 млн евро [4, с. 276].

По мысли Д.В. Иванова, вследствие виртуализации информационного общества на этапе постмодерна стал формироваться современный глэм-капитализм [5]. Глэм-капиталисты не живут по заповедям индустриального общества. Они в каждом новом проекте капитализируют броские образы гламура, превращая их в новый технологичный источник баснословных доходов. Сверхновые буржуа, или «бобосы», как только источник дохода теряет максимальную отдачу, тотчас переходят к другому перспективному глэм-проекту. Эти новые капиталисты как правообладатели изобретений, бизнес-идей, текстов, музыки, контролируя самые притягательные бренды, быстро сколачивают состояния. Их бизнес – создание продукта, привлекательного для лидеров консьюмеризма. Они ориентируются на «потогонное» потребление, а не на трудовую этику традиционных буржуа, описанную М. Вебером. Отсюда следует, что глэм-капиталисты лучше других занимаются «созидательным разрушением», ниспровергая социальные нормы индустриального общества.

В постиндустриальном, потребительском, дисциплинарном, информационном обществе, переходящем, следуя логике информационно-технологического детерминизма и виртуализации, в глэм-капитализм, негативная девиантность в высокотехнологичной сфере стала не только трудно отличимой от нормативности, но и малоизученной и трудно контролируемой формой социального бытия. Новая эпоха постоянно синтезирует и воспроизводит новые, в том числе информационно-технологически обусловленные практики социальных отклонений и деликтов. Неслучайно ряд зарубежных и отечественных девиантологов (С. Спитсер, Д. Доунс, П. Рок, Ф. Шмаллегер, Г. Барак, Я. Костюковский и др.) исследуют метаморфозы девиантности, разрабатывая, в том числе, проблематику преступности, связанную с развитием high-tech.

Анализ зарубежных и отечественных источников позволяет сделать ряд следующих обобщений:

1. Девиации и преступления широко распространились в информационной сфере. Незаконный доступ к информации – легкий путь к обогащению и недобросовестной конкуренции при использовании патентов на новые продукты, на химический состав инновационных и эффективных лекарств, на корпоративные маркетинговые стратегии и бренды, на финансовые ресурсы корпораций. Девиантность в информационной сфере приобретает все более изощренные и слабо контролируемые формы. Достаточно сказать, что в Европе каждый десятый покупатель в целях экономии на лекарственных препаратах пользуется интернет-магазинами, где каждые 9 из 10 разрекламированных лекарств являются подделками. Этот результат – явное следствие незаконного доступа преступников к конфиденциальной информации фармацевтических компаний.

2. Похищение программных продуктов. Использование несанкционированного доступа к базам данных и серверам компаний разработчиков программных продуктов и аппаратных гаджетов – еще один путь к девиантности и нелегальному обогащению. Широко известно, что в одной из компаний Силиконовой долины, специализирующейся на разработке операционных систем, программист взломал защиту, используя номера телефонов, введенные в компьютер. Программа, скопированная злоумышленником, обошлась компании в несколько миллионов долларов. Реализация ее «пиратских» копий нанесла огромный урон разработчикам и законным владельцам программного продукта.

3. Похищение конфиденциальной информации. Девиации с использованием девайсов (сканеров и декодеров), разработанных по военным заказам для сканирования электромагнитного излучения, могут практически на любом

расстоянии от компьютера снимать информацию при обработке и чтении цифровых данных. Этим не преминули воспользоваться девианты от хайтека.

4. Уничтожение или изменение приватных или конфиденциальных корпоративных данных с целью компьютерного хулиганства. Некоторые девианты-хакеры преднамеренно уничтожают или изменяют данные в персональных компьютерах, в информационных сетях своей компании или в компаниях-конкурентах. Как известно, первый прецедент по заражению компьютера бывшего работодателя вредоносной программой (вирусом) был создан в 1988 году американцем Дональдом Барлесоном с целью «насолить» своему бывшему боссу. Создание и распространение разрушительных компьютерных программ-вирусов («червей», макро-или полиморфных вирусов) получило массовое распространение, в том числе среди молодых людей.

5. Деятельность хакеров послужила толчком для бурного развития компьютерной преступности. По оценкам аудиторской фирмы Ernst & Young, стоимость компьютерных преступлений в такой высокотехнологичной стране, как США, составила только в 1996 году от \$ 3 млрд до 5 млрд долларов в год. Впрочем, реальные финансовые потери бизнеса от преступников в мире компьютеров существенно далеки от экспертных данных [6].

6. Несанкционированное копирование и тиражирование программных продуктов. Как свидетельствует отчет компании Software Publishing Association (SPA), глобальные потери от компьютерного пиратства в том же году составили 11,2 млрд долларов, поскольку на мировом рынке программных продуктов почти каждая вторая разработка является пиратской копией. Некоторые развивающиеся страны имеют особенно высокий уровень незаконного использования. Так, например, из всех компьютерных программ, используемых

во Вьетнаме, 99% скопированы незаконно [6].

7. Телефонный фрикинг как форма незаконного доступа к телефону практикуется уже несколько десятков лет. С развитием сотовой связи этот вид девиации получил массовое распространение, включая кражу или нелегальное использование сим-карт сотовых телефонов вызываемых абонентов и кодов доступа с целью обогащения за чужой счет. В настоящее время на первый план выходят взломы голосовой почты. Частные голосовые почтовые ящики, используемые для хранения вербальных сообщений, стали объектами преступной деятельности молодых фрикеро́в.

8. Девиантная киберпанк-субкультура хакеров и фрикеро́в. Компьютерные преступления и хулиганства совершаются в виртуальной реальности киберпространства, которое конструируют информационные high-tech технологии и психология человека, взаимодействуя в электронной сети. Киберпространство – это место, где компьютеры и человеческие существа сосуществуют и взаимодействуют друг с другом, удовлетворяя потребность в симуляциях реального мира, которые активно стимулируют своими сверхпотребительскими проектами глэм-капиталисты. Виртуальная среда дает возможность бесконечных анонимных межличностных контактов, ролевых игр, общения, наслаждений и сделок. Рост числа пользователей сети Интернет, разделяющих ценности девиантной киберпанк-субкультуры, формирует в условиях релятивизации базовых норм индустриального капитализма тенденцию увеличения количества компьютерных девиаций и преступлений. Среди них: воровство и пиратское тиражирование компьютерных программ, бесплатные междугородные телефонные переговоры, несанкционированный доступ к компьютерам, мошенничество с кредитными картами (денежные авансы и несанкционированные закупки товаров), создание и тиражирование компьютерных вирусов.

9. В кибер-пространстве Интернета в XXI веке получили широкое распространение электронные платежи виртуальными деньгами, существующими в виде битов на компьютерах сервис-провайдеров банков. Взлом защиты компьютера снабжает хакеров информацией, которая помогает быстро и легко отправлять большие суммы денег в любую точку мира. Несмотря на многомиллиардные «электронные» сделки, происходящие каждый день в мире бизнеса, не существует точных данных в отношении убытков, понесенных в таких операциях компаниями и частными лицами. Они отсутствуют из-за того, что высокотехнологичный уровень преступников настолько эффективен, что не позволяет даже установить момент утечки денежных сумм или их размер.

10. Девиантологи считают совокупность компьютерных преступлений хакеров новой формой преступности «белых воротничков». Действительно, их объединяет то, что:

- оба типа преступлений совершаются без использования насилия с помощью высокотехнологичного оборудования и имеют далеко идущие социальные последствия;
- последствия этих преступлений в глазах общественного мнения выглядят как менее опасные, чем деликты с применением физического насилия;
- преступники имеют доступ к компьютерам, информационным технологиям и технические навыки;
- их действия обычно связаны с манипуляцией информацией, которая прямо или косвенно создает прибыль или убытки;
- выделенные преступления могут быть совершены одним человеком или несколькими людьми в сговоре, в том числе с организацией;
- они латентны, их трудно обнаружить;
- для предотвращения таких преступлений требуется сочетание правовых, технических, социально-психологических знаний, а также знаний из области безопасности, ауди-

та, менеджмента.

11. Типология high-tech–девиантов. Одна из самых простых классификаций может быть построена на основе психологических характеристик хакеров, стремящихся к девиантному самовыражению или к получению компенсации за чувство личной неполноценности. Среди них можно выделить:

- *пионеров* – лиц, которые используют новейшие компьютеры, технологии сотовой связи и Интернета;
- *хулиганов*, обуреваемых чувством обиды;
- *гедонистов* – тех, кто получает удовлетворение от вскрытия защиты новых компьютерных систем. Чем дальше такая система удалена географически от хакера, тем больше уровень удовольствия от взлома;
- *вандалов* – злоумышленников, которые намеренно стремятся причинить вред без видимой выгоды для себя;
- *наркоманов*, или *компьютерных «ботаников»*, у которых сформировалась аддикция, поэтому жить без взломов компьютерных программ они не могут.

Таким образом, по мере технологического прогресса девиантность и преступность постоянно дифференцируются, а ее носители изощренно используют в своих целях все новые технологические возможности. Современные девианты и преступники широко используют не только огнестрельное оружие, телефон, лекарственные препараты, транспорт, но и компьютеры, сотовую связь, Интернет. Незаконная деятельность на основе современных технологий столь же разнообразна, как и сами технологии.

Список использованных источников

1. Гишинский Я.И. Криминология: курс лекций. СПб.: Питер, 2002.
2. Гишинский Я. Девиантология: Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклоне-

ний». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007.

3. Койл Д. Секс, наркотики и экономика, Нетрадиционное введение в экономику / пер с англ. 2-е изд., испр. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

4. Девиантность в обществе потребления: коллективная монография / под ред Я.И. Гилинского и Т.В. Шипуновой. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012.

5. Иванов Д.В. Глэм-капитализм. СПб: Петербургское востоковедение, 2008.

6. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. New Jersey, 1999.

Общественное мнение как критерий официальной оценки деятельности российской полиции: теория, состояние, тенденции и проблемы формирования¹

Основные понятия и теоретические положения. Общественное мнение (public opinion) чаще всего определяется социологами как «состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям или фактам социальной действительности» [1].

Мониторинг общественного мнения (МОМ) – «форма организации повторных опросов общественного мнения по одной и той же выборке с фиксированным временным шагом в целях постоянного накопления данных о дискретном наборе социальных индикаторов массового сознания, сложившегося относительно той или иной общественной проблемы, факта, события» [1, с. 28].

¹ Полиция и общество: формы и методы работы по укреплению авторитета полиции среди населения: сборник материалов XIII конференции национальных секций стран Центральной и Восточной Европы ИРА. Тула: Папирус, 2012. С. 144–160.

В постиндустриальную эру общественное мнение как неформальный социальный институт эффективно выполняет ряд функций: оценочную, аналитическую, консультативную, регулятивную. В демократических странах институционализированное общественное мнение, реализуя социальные функции, используется в качестве одного из фундаментальных критериев оценки результатов деятельности государства и, прежде всего, полиции, обслуживающей население на определенной территории.

Полицейские структуры, как в целом, так и на территориальном уровнях управления, все больше ориентируются не столько на внутриведомственную оценку деятельности органов и подразделений полиции, сколько на состояние и динамику общественного мнения о полицейской работе. Они активно взаимодействуют с местными сообществами, правозащитниками, СМИ и другими институтами гражданского общества. По инициативе полиции информационные полицейские подразделения, СМИ, общественность активно содействуют институционализации общественного мнения о правоохранительной деятельности. Автономные исследовательские центры с помощью мониторинга общественного мнения систематически его зондируют, поддерживая обратную связь полиции и общества. Полицейские все больше стремятся соответствовать общественным ожиданиям и запросам населения. За состояние правопорядка и безопасности полицейские руководители в первую очередь отчитываются перед местной общественностью, поэтому правоохранительная деятельность становится на современном этапе не только социально ориентированной, но и социально ответственной.

Эти социальные перемены в деятельности полицейских сил стали возможны во многом благодаря развитию либерального дискурса в теории социального контроля (П. Сорокин, В. Чемблисс, У. Бонденсон, Ф. Макклиток,

Р. Мартинсон, Д. Гарланд, С. Коэн, Т. Дамм, Д. Пратт и др.). Внедрение либеральных идей и положений в правоприменительную практику существенно модифицировало на современном этапе традиционную для капиталистических стран модель «закон и порядок», ориентированную первоначально на реактивно-репрессивный социальный контроль. В качестве одной из эффективных мер по преодолению «кризиса наказания», или репрессивного полицейского контроля, был обоснован переход от борьбы с преступностью к ее противодействию и контролю, переход от юстиции «возмездной» (retributive justice) к юстиции «восстанавливающей» (restorative justice). Альтернативами карательным мерам стали декриминализация социально неопасных составов преступлений, дифференцированные меры превенции и, в частности, в русле общественного исправления (community correction), развитие неформального социального контроля и улучшение социальных условий. Идеи гуманизации социального контроля нашли отражение в международном праве и национальном уголовном законодательстве стран Запада. Так, например, статья № 3 Европейской конвенции о защите прав человека запрещает пытки и бесчеловечное обращение с осужденными, а протокол № 6 к этому соглашению отменяет смертную казнь. Следует отметить, что либерализация и гуманизация социального контроля и уголовного законодательства уместны и продуктивны при неременном условии укрепления политики, направленной на смягчение бедности и повышение благосостояния людей из низшего класса, на обеспечение прав и свобод человека, на создание возможностей для достижения материального успеха законным путем, на укрепление семьи и поддержку других институтов неформального социального контроля и социализации [2, с. 77–83].

Дискуссии вокруг модели социального контроля «закон и порядок» в странах с сильными демократическими тради-

циями, которую вели политические партии, общественные движения, правозащитные организации, оказали существенное влияние на сферу противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности. Законодателями были усовершенствованы механизмы социального контроля и парламентской демократии за бюджетными средствами, предназначенными для содержания полиции. Повысилась степень участия общественности в полицейских программах по превенции преступности и негативной девиантности.

В итоге на рубеже XXI века в США, развитых европейских странах в целом состоялись социально ориентированные реформы полицейских структур. Этот процесс привел к существенной деbüroкратизации и демократизации полиции как социально-правового института. Обобщение результатов полицейских реформ на Западе позволяет структурировать две основные модели полицейских организаций: социальную и военную [3].

Миссия социальной полиции сводится к превентивному реагированию на криминальные инциденты для того, чтобы не допустить беспорядки и преступления, решать социальные проблемы, оказывать помощь населению. Миссия полиции в рамках военной модели состоит в репрессивно-реактивном реагировании на преступность для обеспечения законности и правопорядка. Подавляющее большинство современных полицейских систем в развитых странах находятся в рамках выделенного континуума (социальная – военная модели), включая элементы того и другого подхода, нередко приобретая смешанную форму. По военной модели, как правило, выстраиваются полицейские силы при тоталитарных или авторитарных политических режимах, в транзитивных странах с переходной экономикой и преобладающими авторитарными управленческими традициями.

Влияние девиантологической теории стало заметным и

в отечественном законодательстве и практике социального контроля последних лет. Это либерализация в сфере контроля над алкоголизмом и наркотизмом еще в советские годы, принятие в 1991 году Концепции судебной реформы, введение в постсоветской России моратория на применение смертной казни, присоединение страны к Европейской конвенции по правам человека. Причем одним из фундаментальных правовых решений в этом направлении стало принятие в 2011 году ФЗ «О полиции».

В соответствии с отечественным законодательством, российская полиция есть составная часть единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Она предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Решение указанных или аналогичных задач, как показывает практика развитых демократических стран, эффективно осуществляется полицейскими структурами, выстроенными по различным вариантам социальной или смешанной моделей полиции.

Реформа органов внутренних дел России. На современном этапе развития российского общества и государства органы внутренних дел реформируются в рамках нового правового поля, основы которого заданы Федеральными законами «О полиции» (2011 г.), «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел» (2011 г.), «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» (2011). Трансформация российской милиции в полицию происходит по инициативе руководства страны «сверху вниз», опирается на позитивный зарубежный и отечественный опыт организации полицейских сил. Так, ряд элементов социаль-

ной или смешанной моделей полиции получили юридическое закрепление в ФЗ «О полиции». Среди них следует выделить, прежде всего, следующие положения:

- полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан;

- общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции;

- федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел проводит постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества;

- результаты указанного мониторинга регулярно доводятся до сведения государственных и муниципальных органов, граждан через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

- граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права;

- полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами.

Трансформация ОВД в рамках ФЗ «О полиции» опирается на деbüroкратизацию организационных структур МВД, оптимизацию функций и численности полицейского ведомства, изменение критериев оценки деятельности ОВД,

укрепление связи с территориальными сообществами, СМИ и общественными организациями, другие социально ориентированные меры. Приказом министра внутренних дел России в декабре 2011 года утверждена новая инструкция и показатели ведомственной оценки деятельности полиции. Руководством МВД осуждена так называемая «палочная система», связанная со сравнением криминальной статистики. Вместе с тем в российской полиции сохранены и развиты базовые элементы военной модели, поскольку на практике не удастся от них отказаться, так как полицейское реагирование на многие криминальные инциденты в современном мире (организованная преступность, терроризм, бандитизм, массовые беспорядки) невозможно без применения репрессивных мер силового воздействия.

К сожалению, и после принятия ФЗ «О полиции», оптимизации численности, переаттестации кадров в деятельности региональных и территориальных ОВД немало проблем. Так, в силу инерции традиционной борьбы с преступностью в ОВД по-прежнему стремятся поддерживать статистику высоких показателей раскрываемости и другие статистические индексы, что воспроизводит «палочную систему» оценки труда полицейских организаций. Все еще доминируют репрессивные практики над превентивными. В итоге нередко создаются причудливые, нереалистичные метаморфозы в деле регистрации преступлений и создания видимости эффективной раскрываемости преступлений, что, по сути, является симуляцией борьбы с преступностью.

В новых правовых условиях оказалась на периферии внимания руководителей полиции работа с кадрами. Об этом убедительно свидетельствует рост нарушений дисциплины и законности среди личного состава ОВД. В 2011 году в МВД по РТ зафиксировано 1408 дисциплинарных нарушений (в 2010 году – 1372). В частности, достоянием гласности и предметом

специального расследования стали противоправные деяния в марте 2012 года сотрудников полиции ОП «Дальний» в г. Казани, в результате которых скончался административно задержанный С. Назаров. Жестокое, циничное поведение сотрудников полиции вызвало широкий общественный резонанс не только в Татарстане, но и по стране в целом. Причем это отнюдь не единичный случай. Статистика дисциплинарных проступков и правонарушений, резонансные преступления, совершенные полицейскими в Казани, Санкт-Петербурге и других городах страны, во многом свидетельствуют о кризисе кадровой и воспитательной работы с личным составом, о крупных просчетах в кадровой политике на первом этапе полицейской реформы. Достаточно сказать, что в г. Казани с гарнизоном полиции в 4773 единицы существенно сокращен кадровый аппарат с 78 до 60 единиц. Так, по штатному расписанию, у начальника Управления МВД России по городу Казани нет заместителя по работе с личным составом – есть только помощник; у начальников отделов полиции Управления нет заместителей, отвечающих за работу с кадрами.

Между тем, в соответствии с буквой и духом ФЗ «О полиции» только профессионально подготовленным и нравственно зрелым полицейским по плечу защита жизни, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина; превентивное противодействие преступности; охрана общественного порядка и собственности; обеспечение общественной безопасности и другие сервисные функции полиции.

Таким образом, в связи с принятием и вступлением в силу ФЗ «О полиции», других федеральных законов, ведомственных нормативных актов есть все основания полагать, что в современной России реализуется смешанная модель, которая содержит элементы как социальной, так и военной полиции. Процесс практической реализации этой концепции организации полицейских сил в России находится на начальном этапе реформ.

Общественное мнение о работе полиции/милиции: состояние и динамика. Общественное мнение о полицейской работе исследуют специалисты ВЦИОМ, Левада-Центра, Фонда общественного мнения (ФОМ). В системе МВД широко известны общенациональные и региональные опросы общественного мнения по проблемам правоприменительной деятельности, выполненные ВЦИОМ под эгидой специалистов из ВНИИ МВД России; под руководством профессоров Д.Д. Невирко, В.Е. Шинкевича (СибЮИ МВД России, Красноярск), С.В. Егорышева (ВЭГУ, УЮИ МВД России, Уфа), С.Г. Кузнецова (СЮИ МВД России, Саратов), А.Л. Салагаева (ЦАИР, Казань) Л.Г. Толчинского (ЦЭСИ при КМ РТ, Казань), Ю.Ю. Комлева (КЮИ МВД России, Казань) и др.

Анализируя результаты опросов общественного мнения о работе ОВД, представленных, прежде всего, крупными российскими исследовательскими центрами в открытом доступе в сети Интернет, можно сделать ряд обобщений и выводов.

Во-первых, в России, как свидетельствуют многочисленные исследования социологов, наблюдается устойчивое недоверие населения к правоохранительным органам. Особенно низко общественное мнение оценивает деятельность милиции/полиции. Страх перед произволом людей в форме как представителей власти лишь незначительно уступает страху перед террористами, нападением хулиганов или преступников. По данным ФОМ (проект «Доминанты», опрос «ФОМнибус» от 25 марта 2012 года), доля ощущающих беспокойство, когда к ним обращается полицейский, за последние четыре года выросла более чем в полтора раза. В качестве примера приведем весьма показательные результаты Левада-Центра, в частности, распределение ответов на вопрос «ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ ИЛИ, НАПРОТИВ, ОТНОСИТЕСЬ К НИМ С ОПАСЕНИЕМ?» [4].

Варианты ответа	ноя.2004	ноя.2005	ноя.2006	июн.2009	янв.2010
определенно доверяю/скорее доверяю	27	27	25	29	30
скорее отношусь с опасением/ определенно отношусь с опа- сением	69	69	68	66	67
затрудняюсь ответить	4	4	7	5	3

По данным социологов Левада-Центра, женщины больше доверяют правоохранительным органам – 37% (мужчины заметно меньше – 22%), наименьшей степенью доверия к ОВД отличаются жители мегаполисов, наибольшее доверие органы вызывают у жителей городов с населением до 100 тыс. человек (28%), а также россиян в возрасте 18–24 лет (34%), с образованием ниже среднего (33%).

Заметим, что в странах с развитыми демократическими традициями, где полицейские реализуют свой труд в рамках социальных или близким к ним смешанным моделям полиции, картина общественного мнения совершенно иная. Неслучайно образ полицейского в Европе, например, стал символизировать в массовом сознании не только законность, моральный консенсус, но и реноме успешно функционирующего «уличного конфликтолога».

Результаты работы европейских полицейских, безупречное соблюдение блюстителями порядка деонтологических норм, селекция и подготовка кадров, отчетность руководителей полиции перед населением, взаимодействие полиции со СМИ, институтами гражданского общества по вопросам обеспечения правопорядка носят социально ориентированный характер. Отсюда общественное мнение о полицейской деятельности институционализировано и отличается

позитивным характером. Общественное реноме полиции в развитых странах опирается на высокий уровень доверия общественности к деятельности полицейских сил. Так, по сравнению с россиянами, граждане США и стран Западной Европы с гораздо большим доверием относятся к деятельности полиции. [5] Основные варианты ответов на вопрос о доверии к полиции в ряде зарубежных стран приведены в таблице (без варианта «затрудняюсь ответить», в % от общего числа опрошенных).

варианты ответа	в целом доверяют	в целом не доверяют
США	66	22
Германия	75	20
Италия	71	22
Испания	59	37
Великобритания	55	35
Франция	55	41

Во-вторых, высокий и стабильный уровень недоверия к ОВД россиян прямо или косвенно объясняется следующими факторами:

- собственным негативным опытом общения людей с правоохранительными структурами и отдельными сотрудниками ОВД;
- установками (эттиюдями) массового сознания относительно недобросовестной работы полиции/милиции, прочно закрепившимися у большинства людей на уровне стереотипов и архетипов. Укорененность негативных установок во многом обусловлена недемократичностью транзитивного российского общества, которая выражается, например, в высокой отчужденности населения от работы государственных институтов в целом;
- криминализацией большого числа социально неопасных деяний. Так, действующий с поправками УК РФ от 1997 года демонстрирует возросшую репрессивность даже

в ювенальном контексте, поскольку в нем установлена уголовная ответственность с 14-летнего возраста по 53 составам преступлений (в прежнем их было 44);

- существованием «кризиса наказания», поскольку традиционно в России реализуется репрессивный социальный контроль и не изжиты «телефонное право», селективность правосудия (уголовное преследование за преступления все в большей мере распространяется на представителей низшего класса, которые не могут защитить себя, «отмазаться» деньгами или коррупционными связями);

- многочисленными резонансными фактами беззакония и произвола со стороны сотрудников ОВД. На эту проблему в ходе опросов Левада-Центра указывает более 80% респондентов. Люди не чувствуют себя защищенными от возможного произвола правоохранительных органов (более 70% опрошенных разделяет эту позицию). Подобные установки не беспочвенны, неслучайно синдром Евсюкова, ЧП в казанском ОП «Дальний» обнаруживают острые противоречия между милицией и обществом, драматизм и абсурды структурно-функциональной, управленческой и кадровой ситуации, сложившейся в территориальных ОВД до 2010 года и отчасти в настоящее время.

В-третьих, по критериям дохода и престижа, как свидетельствуют данные ВЦИОМ (2010 г.), профессия милиционера до реформы не котируется в общественном мнении. Она значительно уступает политикам, госслужащим и журналистам. Так, профессия милиционера по критерию доходности находится только на пятом месте, наравне с учеными (3,07 баллов из 5 возможных). Значительно более высокооплачиваемыми представляются россиянам деятельность политиков (4,49), предпринимателей (4,24), государственных служащих (4,12), журналистов (3,53) и священнослужителей (3,07).

Профессию милиционера россияне причисляют к самым

непрестижным (3,06 балла из 5 возможных), равно как военнослужащего (3,09). Ниже позиции по этому показателю у профессии учителя (2,83).

Куда более высокое положение в обществе, по мнению опрошенных, занимают сегодня политики (4,03), предприниматели (3,94), работники государственных органов (3,92), врачи (3,49), журналисты (3,53), ученые (3,49). В рейтинге наиболее предпочтительных профессий родителями для своих детей служба в ОВД занимает девятое место.

В-четвертых, реформа МВД, создание полиции, как свидетельствуют опросы 2011 года, проведенные аналитическим центром Ю. Левады и фондом «Общественный вердикт», позитивно изменили отношение общественного мнения к полиции [6]. Так, согласно репрезентативным опросным данным, полиции доверяет уже 35% россиян. Наибольший уровень доверия к полицейским был зафиксирован среди предпринимателей. Как свидетельствуют результаты опросов ФОМ, на сентябрь 2011 года 38% россиян поставили полиции оценку «удовлетворительно», 12% – «хорошо», а 28% – «плохо». 40% россиян положительно относятся к полиции, 26% – отрицательно, 64% опрошенных не приходилось иметь дело с работниками полиции, у 20% после встречи с полицейскими остались отрицательные эмоции, у 12% – положительные. В последнее время полиция стала работать лучше – так считают 9% россиян; 7% полагают, что полиция стала работать хуже; 66% опрошенных уверены, что полиция работает так же, как и прежде, ничего не изменилось [7]. По данным ВЦИОМ от 17.01.2012, уровень одобрения правоохранительных органов в обществе превышает 60%. Как видим, исследовательские центры в целом фиксируют позитивную динамику общественного мнения о работе российской полиции.

Таким образом, возникший в новых политико–правовых

условиях пусть малый, но все же «кредит доверия» полиции необходимо эффективно использовать, чтобы продолжить реформу и конструктивную институционализацию общественного мнения, его реальный учет в служебной деятельности сотрудников ОВД.

Пути формирования общественного мнения о работе полиции. Развитие политической демократии, актуализация участия граждан в вопросах управления страной, конкурентная среда в масс-медиа, сервисная ориентация и повышение качества работы полицейских – основные предпосылки институционализации общественного мнения в России о работе полиции. Заинтересованность в развитии и использовании общественного мнения в условиях демократии проявляют не только социальные движения, гражданские инициативы, правозащитные организации, но и институты государства. В демократической политической системе и соответствующей ей культуре возникает устойчивая двусторонняя заинтересованность в использовании общественного мнения как инструмента обратной связи между гражданским обществом и государством.

Российская демократия если и есть, то очень специфическая, поскольку за демократическими процедурами часто угадываются глубоко укоренившиеся в сознании и поведении власть предержащих и народных масс авторитарные практики и нормы. Как свидетельствуют многочисленные социологические опросы, политическая активность граждан даже в период избирательных кампаний оставляет желать лучшего. Власть нередко автономно позиционируется от общества, общество либо игнорирует, либо делает вид, что принимает реформы властей. Словом, отчуждение власти от народа, авторитарная ментальность и политическая апатия масс – камни преткновения на пути институционализации общественного мнения в нашей стране. Их постепенная элиминация возмож-

на на пути последовательной демократизации и гуманизации общественной жизни, соблюдения прав и свобод человека, повышения благосостояния народных масс.

Интерес к общественному мнению со стороны властей в сфере правоохранительной деятельности на сложившемся социокультурном и политическом фоне всегда был минимальным. Неслучайно во многих регионах страны и по сей день не ведется работа по изучению общественного мнения о работе полиции и других правоохранительных органов. На общероссийском уровне разовые замеры общественного мнения о работе ОВД – инициативные заказы ВНИИ МВД России, а мониторинг общественного мнения – проекты, реализованные крупными исследовательскими организациями (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ и др.). Несколько лучше ситуация с изучением общественного мнения о работе правоохранительных органов в дореформенный период складывается в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане, Башкирии, Красноярском крае. Региональные власти, в том числе исполнительная, в сфере внутренних дел в этих регионах эпизодически формулируют социальный заказ на проведение социологических опросов на правоохранительную тематику. Однако результаты этих исследований чаще всего используются в пропагандистских целях. Основное назначение опросов – конструирование привлекательного образа ОВД в большей степени перед местным истеблишментом, вышестоящими органами управления и в меньшей мере в системе обратной связи в системе «ОВД – общественность» для оценки деятельности местной полиции.

Принятие закона «О полиции» коренным образом меняет роль института общественного мнения в деятельности органов правопорядка. Систематическое изучение институализированного общественного мнения позволяет в полной мере использовать в управленческой практике его оценочную,

аналитическую, консультативную и регулятивную функции. Новое законодательство задает нормативное пространство, в рамках которого мониторинг общественного мнения становится ключевым механизмом в системе управления территориальными ОВД. В этом случае общественное мнение может и должно использоваться в качестве одного из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, обслуживающей население определенной территории.

Формирование и изучение общественного мнения о работе полиции отнюдь не тривиальные задачи. В чем состоят основные пути его позитивного формирования?

Во-первых, полицейское право ограничивает бюстители порядка рядом правовых принципов, неукоснительное соблюдение которых будет способствовать формированию позитивного ОМ о работе полиции, укрепит доверие территориальных сообществ к органам правопорядка.

В их числе следует выделить, прежде всего, фундаментальные положения, обеспечивающие законность полицейской деятельности, соблюдение прав и свобод человека и гражданина:

- полиция осуществляет свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина;
- деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан;
- сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание;
- при обращении к гражданину сотрудник полиции обязан: назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить

по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения;

- в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина;

- сотрудник полиции в случае обращения к нему гражданина обязан назвать свои должность, звание, фамилию, внимательно его выслушать, принять соответствующие меры в пределах своих полномочий либо разъяснить, в чью компетенцию входит решение поставленного вопроса;

- всякое ограничение прав, свобод и законных интересов граждан, а также прав и законных интересов общественных объединений, организаций и должностных лиц допустимо только по основаниям и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом;

- сотруднику полиции запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме кого-либо к совершению противоправных действий;

- применение сотрудником полиции мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Во-вторых, общественное мнение о полиции будет во многом зависеть от того, какие результаты по обеспечению правопорядка и превенции преступности будут достигнуты ОВД на местах. Иначе говоря, в какой степени обычный человек будет ощущать свою защищенность государством от преступных посягательств.

В-третьих, важной социальной предпосылкой на пути формирования общественного мнения о полиции являются: соблюдение полицейскими профессиональной этики, качественный отбор, подготовка и расстановка кадров.

В-четвертых, необходимы систематическое взаимодействие ОВД со СМИ и институтами гражданского общества, в том числе правозащитными организациями, информационная открытость правоохранительных органов, периодическая отчетность руководителей территориальных подразделений полиции перед населением.

В-пятых, измерение, изучение и учет пожеланий граждан – еще одно важное направление на пути формирования общественного мнения о работе полиции.

Впрочем, вопросы разработки методики и измерения индикаторов общественного мнения – это тема для специального обсуждения с экспертным социологическим сообществом. Для управленцев и практиков из ОВД важно найти и поддерживать контакты с авторитетными исследовательскими структурами, в числе которых можно назвать на федеральном уровне: ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, в Татарстане это ЦАИР – Центр аналитических исследований и разработок. Именно независимым некоммерческим исследовательским организациям, как показывает мировой и отечественный опыт, лучше всего поручить разработку методик и реализацию социологического мониторинга. И поскольку принятие закона «О полиции» создает правовые предпосылки для формирования стабильного социального заказа на проведение МОМ, то за его реализацию в центре и на местах будут вести конкурентную борьбу научные организации. Здоровая профессиональная конкуренция – надежная гарантия от профанации социологических исследований общественного мнения о работе полиции, а реализация МОМ исследовательскими центрами – ключевая организационно-методологическая предпосылка для превращения общественного мнения в реальный эмпирический критерий официальной оценки деятельности полиции.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Мониторинг общественного мнения как фактор оптимизации управленческих решений (на примере нормотворческой деятельности): дис. ... канд. соц. наук. Казань: КГУ, 1993.
2. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.
3. Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001.
4. В ходе мониторинга опрашивается 1600 россиян в возрасте от 18 лет в 127 населенных пунктах из 46 регионов страны. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.
5. Harris Pol, 13 January 2005, № 4; в США репрезентативный опрос взрослых, 8–15 декабря 2004 г.; в Европе – «Евробарометр», опрос по 25 странам (февраль–март 2004 г.).
6. 6.04.2011 Треть россиян доверяет полиции Infox.ru
7. Качество работы милиции после переименования в полицию не изменилось: опрос ФОМ Документ: <http://www.regnum.ru/news/1443417.html>

Реформа ОВД: модели, проблемы и пути решения: результаты дискурсивного анализа¹

Полицейские структуры в развитых странах в настоящее время широко опираются на общественное мнение, активно взаимодействуют с местными сообществами, правозащитниками, СМИ и другими институтами гражданского общества. Полицейские все больше стремятся соответствовать общественным ожиданиям и запросам населения, реализуют различные программы сотрудничества и партнерства в превен-

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 209–213.

ции преступности и решении проблем местных сообществ. Работа полиции переориентирована на сервисные функции – главное, оказать помощь человеку, оказавшемуся в беде.

Эти социальные перемены в деятельности полицейских сил – во многом реакция на «кризис наказания», низкую социальную эффективность реактивно-репрессивного социального контроля. Они стали возможны благодаря развитию теории социального контроля в работах П. Сорокина, В. Чемблисса, У. Бонденсона, Ф. Макклинтока, Р. Мартинсона, Д. Гарланда, С. Коэна, Т. Дамма, Д. Пратта и др. Внедрение либеральных идей и положений существенно трансформировало правоприменительную практику, традиционно ориентированную на «закон и порядок». В качестве эффективных мер по преодолению «кризиса наказания» был обоснован переход от борьбы с преступностью к противодействию ей и контролю, от юстиции «возмездной» (retributive justice) к юстиции «восстанавливающей» (restorative justice). Альтернативами карательным мерам стали декриминализация социально неопасных составов преступлений, дифференцированные меры превенции, в частности, в русле общественного исправления (community correction), развитие неформального социального контроля и улучшение социальных условий. Идеи гуманизации социального контроля нашли отражение в международном праве и национальном уголовном законодательстве стран Запада. Так, например, статья № 3 Европейской конвенции о защите прав человека запрещает пытки и бесчеловечное обращение с осужденными, а протокол № 6 к этому соглашению отменяет смертную казнь.

Либерализация, гуманизация социального контроля и уголовного законодательства стали эффективным ответом на вызовы времени при условии укрепления политики, направленной на выравнивание доходов и смягчение бедности, на повышение занятости и благосостояния людей из низшего

класса, на обеспечение прав и свобод человека, на создание возможностей для достижения материального успеха законным путем, на укрепление семьи и поддержку других институтов неформального социального контроля и социализации [1, с. 77–83]. В странах, где эффективно элиминируется контраст между богатством и бедностью, нет сверхбогатых и нищих людей, а абсолютное большинство населения относится к зажиточному среднему классу. Либерализация социального контроля в рамках полицейской деятельности быстро приносит свои плоды. Так, в Рейкьявике месяцами пустует городская тюрьма. В Чехии, Швеции, Норвегии, Дании, Словении, где самый низкий коэффициент Джини в Европе (в пределах 0,2 до 0,3), – низкие уровни преступности [2].

В последней четверти XX и на рубеже XXI века в США и государствах Евросоюза в целом состоялись социально ориентированные реформы полицейских структур. Этот процесс привел к существенной *дебюрократизации* и *демократизации* полиции как социально-правового института, определенно повысил ее социальную эффективность.

Влияние девиантологической мысли стало заметным в отечественном законодательстве и практике социального контроля последних лет. Позитивные сдвиги нашли выражение в либерализации контроля над алкоголизмом и наркотизмом еще в советские годы, в принятии в 1991 году Концепции судебной реформы, во введении в постсоветской России моратория на применение смертной казни, в присоединении страны к Европейской конвенции по правам человека.

Одним из фундаментальных правовых решений в этом направлении транзита правоохранительной системы стало принятие в 2011 году федеральных законов: «О полиции», «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел», «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации». В соответствии с отечественным законода-

тельством российская полиция определяется как составная часть единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. Она предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Решение указанных или аналогичных задач, как показывает практика развитых демократических стран, эффективно осуществляется полицейскими структурами, выстроенными по различным вариантам *социальной или смешанной* модели полиции [3].

На современном этапе развития российского общества и государства органы внутренних дел реформируются в направлении *смешанной модели полиции* в рамках нового правового поля. Так, ряд элементов социальной модели полиции получили юридическое закрепление в ФЗ «О полиции». Среди них следует выделить такие положения:

- полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан;
- общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции;
- федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел проводит постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинг взаимодействия полиции с институтами гражданского общества;
- результаты указанного мониторинга регулярно доводятся до сведения государственных и муниципальных органов, граждан через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;
- граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством

Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права;

- полиция регулярно информирует государственные и муниципальные органы, граждан о своей деятельности через средства массовой информации, информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, а также путем отчетов должностных лиц (не реже одного раза в год) перед законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации, представительными органами муниципальных образований и перед гражданами.

Российская полиция по новому законодательству должна служить обществу, оказывая помощь и поддержку людям, ставшим жертвами преступлений. Вместе с тем в структуре полиции сохранены и развиты базовые элементы военной модели, поскольку на практике не удастся от них отказаться. ОВД – структуры принуждения к исполнению законов, по привлечению виновных к ответственности, нередко с применением силы, спецсредств или оружия. Полицейское реагирование на многие криминальные инциденты в современном мире (организованная преступность, терроризм, бандитизм, массовые беспорядки) невозможно без применения репрессивных мер силового воздействия.

Реформы в МВД были ориентированы на де бюрократизацию организационных структур, оптимизацию функций и численности полицейских сил, изменение критериев оценки деятельности ОВД, укрепление связи с территориальными сообществами, СМИ и общественными организациями, информационную открытость и другие социально ориентированные меры. Приказом министра внутренних дел РФ №1310 от 26.12.2011 года «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» определен новый подход к оценке

деятельности полиции. В нем регламентирован максимальный отход от «валовых» показателей, из-за которых прежде эффективность работы ОВД зачастую оценивалась по пресловутой «палочной» системе, существенно сокращено (до 20) общее число ведомственных отчетных показателей, состоялся отказ от принципа сравнения показателей с «аналогичным периодом прошлого года», общая оценка работы ОВД будет определяться и на основе независимого изучения общественного мнения.

В ходе реформ образовательная система МВД сделала большой шаг в направлении фундаментализации и, одновременно, специализации и практической ориентации образования полицейских кадров. Вместе с тем из стен полицейских вузов по-прежнему выходят специалисты, сориентированные на приоритет репрессивных мер противодействия преступности, практики с обвинительным уклоном. В образовательный процесс широко вовлекаются специалисты из территориальных ОВД, прокурорские работники, но нет адвокатов и правозащитников; в учебных планах и программах недостаточно внимания уделяется преподаванию дисциплин, связанных с проблематикой девиантологии, конфликтов, психологии общения, социальной работы, этики юридической деятельности, формальной логики.

Таким образом, после вступления в силу ФЗ «О полиции», структурно-функциональных преобразований, переподготовки кадров в деятельности территориальных ОВД все еще осталось немало проблем. Так, в силу инерции традиционной борьбы с преступностью в территориальных органах полиции по-прежнему стремятся поддерживать статистику высоких показателей раскрываемости и другие статистические индексы, что воспроизводит «палочную систему» оценки труда полицейских коллективов.

Работа на показатели и «показуха» на местах, беско-

нечные усиленные режимы несения службы, бдение в кабинетах, отмена выходных, отпусков без существенных компенсаций – все это создавало и создает непомерные психологические нагрузки на персонал, работающий «на земле». Территориальные ОВД многие годы покидали и покидают нравственно и профессионально подготовленные кадры, молодые специалисты. Неслучайно в гонке за показателями растет число нарушений дисциплины и законности среди личного состава. Акты насилия и беззакония со стороны полицейских фиксируются правозащитниками по всей стране. Так, в 2011 году только в МВД по РТ зафиксировано 1408 дисциплинарных нарушений (в 2010 году – 1372).

В марте 2012 года в отделе полиции «Дальний» г. Казани произошло ЧП. Сотрудниками казанской полиции, в результате фальсификации, был задержан неоднократно судимый С. Назаров, к которому были применены пытки, в результате чего задержанный скончался. Жестокое, циничное поведение сотрудников полиции вызвало широкий общественный резонанс не только в Татарстане, но и по стране в целом. Происшествие в ОП «Дальний» получило известность как «новый казанский феномен». Активное обсуждение проблем реформирования ОВД вошло в повестку дня СМИ, интернет-сообщества, в профессиональную среду.

На кафедре философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России был предпринят выборочный дискурсивный анализ актуальных публичных нарративов руководителей традиционных конфессий (Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла; Муфтия, председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина; Раввина, председателя исполкома КЕРООР З.Л. Когана), руководства МВД России (министра Р.Г. Нургалиева), депутатов ГД и СФ ФС (Н.Д. Ковалева, А.А. Чекалина), выдающихся деятелей театра и кино (Ю.М. Соломина,

В.С. Ланового), ученых и правозащитников (Г.М. Резника, А.Г. Кучерены, В.П. Лукина, О.Н. Костиной), которые были сделаны в ходе 6 часового круглого стола в МУ МВД России на тему «Духовность, нравственность, закон» 28 марта 2012 года. Кроме того, автором обработаны нарративы, высказанные участниками онлайн-конференции (казанскими профессорами С.В. Петрушиным и Ю.Ю. Комлевым) в Татмедиа, продолжительностью 40 минут на тему «ЧП в Дальнем: взгляд психолога» 26 марта 2012 а также оперативниками-слушателями ФЗО КЮИ МВД России, которые были сделаны в ходе фокус-групповой дискуссии 5 апреля 2012 г. по поводу «нового казанского феномена».

Цель анализа состояла в том, чтобы выяснить и структурировать поле представлений о том, как конструируются духовными лидерами, руководством МВД и другими официальными лицами (депутатами), правозащитниками и учеными, а также работниками территориальных подразделений полиции проблемы реформируемой системы ОВД, их причины и пути решения. В качестве «единицы» речи в текстовом анализе были выбраны несколько ключевых предложений и фраз, извлеченных из нарратива.

Обобщение полученных результатов дискурсивного анализа позволяет сделать следующие выводы:

- Представители духовенства конструируют проблемы реформируемых ОВД в контексте нравственного кризиса и «необъявленной войны» с обществом тех, кто не в ладах с божественными и светскими законами. Низкая нравственная подготовка полицейских – угроза обществу и государству, поскольку полиция как институт власти несет колоссальную нравственную ответственность за безопасность людей, обеспечивая им защиту и справедливость. Для повышения имунитета полицейских к «социальным болезням» духовными лицами предлагается «правильная методология» реформ

(усилить влияние традиционных конфессий и религиозных ценностей; обеспечить «нравственный консенсус», используя духовные традиции народа, религиозное и духовное образование; присягать «перед символами веры», навалиться «всем миром» (мыслящей частью общества) с помощью церкви, литературы, театра, кино, семейного воспитания).

- Деятели культуры определяют проблемы ОВД в общем социокультурном контексте как «реформы человеческой души» в терминах воспитания, патриотизма, образования, культурных ценностей. С их точки зрения, необходимо «всем вместе» сосредоточиться на «воспитании с детства» на патриотических ценностях, ограничить авангардизм на театральных подмостках и «пустоту кинематографа», «вернуть людям культуру и образование», историческую память.

- Руководство МВД и представители депутатского корпуса ГД, СФ (бывшие руководители правоохранительных органов) конструируют проблемы ОВД в терминах утраты частью сотрудников полиции духовных ориентиров, вследствие аномии («разрушены старые каноны», нет личного позитивного примера руководителей полиции); транзитивного характера полицейских реформ; «дефицита командирского контроля»; оттока кадров и разрушения профессионального ядра. Этой группой акторов конструирования предлагается постепенно формировать кадровый корпус и кадровый резерв ОВД, в том числе за счет лиц, отслуживших срочную службу в армии; воспитывать нравственные качества у полицейских; профилактировать профдеформацию, используя психологов; восстановить и развить наставничество»; пересмотреть систему несения службы; добиться участия граждан в охране общественного порядка, повысить роль начальников, в том числе по вопросам взаимодействия с населением; развить системы технического контроля; привлечь ветеранов для служебной подготовки, ввести спец-

курс в образовательных учреждениях МВД по кадровой работе; сделать МВД «территорией сухого закона».

- Учеными, общественными деятелями и правозащитниками проблематика ОВД конструируется скорее не как феномен «нравственной дезориентации» полицейских («не дух побуждает – все определяет повышение зарплаты»), а как комплекс системных, управленческих проблем. В этой среде дискурс носит более критический характер, основные положения которого состоят в том, что реформа МВД ведется «без идеологии и приоритетов», пропускная способность полиции по раскрываемости преступлений ограничена, но «не ушли палки», «двойные стандарты» как социальные нормы, отсюда применение насилия в ОВД «носит массовый характер»; в обществе и полиции нет уважения к личности в силу «нехорошего социального наследия» («репрессивный характер правоприменения»); «общественная ситуация в стране» определяется как «плохая»; нет воспитания молодых сотрудников и непосредственного общения руководителя с подчиненными; внутриведомственный контроль за полицией неэффективен, а внешний контроль носит декоративный характер, в территориальных ОВД быстро наступает «профессиональное выгорание», а полицейские не умеют защитить себя от стрессов и противостоять негативному влиянию ситуаций, связанных с нарушениями законности; в ходе реформ совершены управленческие ошибки (сокращены сотрудники кадрового аппарата в территориальных ОВД); образ полиции не имеет социальной ориентации. Ученые, общественные деятели и правозащитники предлагают следующий образ действий: выработать государственную концепцию по противодействию преступности и «на системные вызовы отвечать системно»; идеология реформ ОВД может быть выражена формулой: «служба народу – служу закону», а не наоборот; отказаться от борьбы, войны с преступностью, от «пресловутой палочной

системы» (идеальной система быть не может, но «пристойной может стать вполне за несколько лет»), обеспечить права и интересы людей, а также равенство всех перед законом и судом (государство должно сделать все, чтобы «идея нарушения закона была исключена»); в кадрах ОВД должна быть создана ситуация, «когда человеку в погонах есть что терять, тогда ситуация улучшится» (полицейский должен знать, что «если он честно служит, то у него есть будущее»); обеспечить гражданский контроль за полицией; полиции необходимо активно работать со своей общественностью, в рамках которой целевой аудиторией МВД являются заявители, потерпевшие от преступников (сконцентрировать полицию на помощи пострадавшим, а не на репрессивных функциях); формировать гранты для стимулирования тех, кто сотрудничает с полицией; снизить риск профессионального выгорания (необходимо применять научные способы профилактики этого явления на уровне отбора и психологического сопровождения личного состава, саморегуляции); формировать общественное мнение в динамичном диалоге информационных служб ОВД и СМИ, открыто и публично реагировать на инциденты в полиции; избавляться от недостойных сотрудников и широко тематизировать позитивные примеры в полицейской работе как службе спасения; развивать кадровую функцию, институт воспитателей, службу психологической помощи («молодым сотрудникам нужно помочь, дать ориентиры»); изменить моральную атмосферу и систему социальных норм в территориальных ОВД; необходимо повторно провести переаттестацию личного состава в некоторых регионах и повернуть полицейского к человеку, а руководство ОВД – к самому полицейскому.

- Оперативными работниками территориальных подразделений полиции проблемы реформы ОВД конструируются, прежде всего, как проблемы низового звена управления («плохое управление в ОВД в результате «палочной систе-

мы» и показухи; «руководство постоянно оказывает психологическое давление на сотрудников в гонке за «палками»»; «в этой ситуации нормой стало нарушение законности»; «виновато руководство – та система, в которой начальник всегда прав, а когда возникают проблемы, – он непричем»; в ОВД распространена коррупция – при назначении на руководящую должность действует блатной принцип «на должность выдвигается богатенького папы сынок», при этом многих квалифицированных, но неугодных сотрудников увольняют»; «отсутствие контроля на местах за личным составом». Кроме того, ряд сотрудников обращают внимание на деградацию личности сотрудников, работающих «на земле» («виноваты сами сотрудники, отсутствие воспитания, крушение старых принципов, нет авторитетных, опытных сотрудников–наставников, ненормальные режим работы и атмосфера в коллективе»). Оперативники, как группа акторов конструирования, выдвигают следующие варианты решения проблем ОВД: «реформа МВД – правильный шаг, но она проведена формально, а должна проходить не за один год, а за 3–5 лет»; «нужно менять руководящее звено – оно деформировано на старых принципах»; надо отменить «палочную систему» и гонку за показателями раскрываемости – не заставлять сотрудников больше раскрывать, а лучше организовать работу по качественному расследованию с учетом законов, времени, технических средств»; растить кадры полиции: руководству нужно больше обращать «внимание на проблемы рядовых сотрудников – больше пряника, чем кнута, больше разговаривать с людьми на одном уровне»; надо повысить культурный и нравственный уровень работников полиции.

Таким образом, анализ различных дискурсов, выявленных в ходе обсуждения проблем реформируемых ОВД, позволил структурировать поле представлений о том, как они конструируются акторами нарративов на уровне духовных

лидеров, деятелей культуры, руководства МВД, представителей Государственной Думы и Совета Федерации, учеными и правозащитниками, практическими работниками и какие пути предлагаются для их решения. Полученный материал позволяет заключить, что транзит органов внутренних дел в социально ориентированном направлении оказался делом достаточно сложным и даже принятие в 2011 году современного полицейского законодательства можно рассматривать лишь как крупный первый шаг по созданию организационно-правовых предпосылок реформ. Основные события на этом пути будут разворачиваться в ближайшей перспективе. Главный императив реформы ОВД – утверждение более эффективного полицейского менеджмента, ответственного перед обществом, отбор, профессиональная подготовка и нравственное воспитание блюстителей правопорядка.

Литература

1. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.
2. Вознесенская А. Великая Эпоха (The Epoch Times) <http://www.epochtimes.ru/content/view/61657/83/>
3. Комлев Ю.Ю. Органы внутренних дел и средства массовой информации: от общественной осведомленности к оптимальному взаимодействию. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001.

Классификация теорий девиантного поведения¹

Для многих студентов и курсантов юридических вузов, сотрудников правоохранительных органов термин «теория» нередко звучит как абстрактная идея, имеющая весьма слабое и опосредованное отношение к обеспечению реаль-

¹ Вестник КЮИ МВД России. 2013. С. 3–8.

ного правопорядка и законности. Очевидно, что не всем, «грызущим гранит науки», с легкостью дается абстрактное мышление. Большинство людей в повседневной жизни, действительно, имеют дело с социальными фактами. Факты – «упрямая вещь», они реальны и более понятны, чем любая теоретическая конструкция, которая, как многие считают, нужна лишь для «умственной гимнастики».

Социальных теорий много и они, по мнению скептиков, лишь гипотетически и отчасти определяют ту или иную модель реального поведения человека. Это, увы, распространенное, но весьма упрощенное и превратное представление ряда студентов и курсантов, а также практических работников о теориях в целом и теориях девиантного поведения, в частности, как о трудноприменимых и малопонятных «башнях из слоновой кости».

Между тем практикам из правоохранительных органов приходится стоять на страже законности и правопорядка, обеспечивая соблюдение наиболее важных кодифицированных социальных норм, а также иметь дело с делинквентными личностями, всеми проявлениями негативной девиантности.

Девиантное поведение, как известно, состоит в систематическом отклонении индивида или группы от социальных норм. С одной стороны, девиантность выражается в реальных поведенческих актах, с другой – это социальная конструкция – продукт символических определений в дисциплинарных институтах и обществе.

Девиантное поведение неоднозначно: по своим социальным или индивидуальным последствиям оно может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Девиантность фактически определяет механизм социальных изменений. Позитивные девианты – великие творцы и гении, опередив свое время, способствовали прогрессу. Однако многие из них, в лучшем случае, были преданы забвению,

в худшем – сожжены на кострах инквизиции, как еретики.

Ученые больше внимания уделяют изучению негативной девиантности, поскольку рост ее масштабов и дифференциация в форме преступности, алкоголизма, наркотизма, проституции, суицидов, гемблинга – проблема номер один в современном обществе. В конце второй половины XX века криминологическое сообщество, о чем пишет Н. Кристи, осознает наступление «кризиса наказания». Он проявляется как неспособность привычных мер социального контроля с преобладанием негативных, подчас крайне репрессивных санкций более или менее эффективно влиять на девиантные проявления [1]. В итоге постмодернисты, критически оценивая иллюзии и мифы модерна, основанные на вере в демократию, свободу и прогресс, заключают, что «феномен девиации – интегральное будущее общества» [2].

Девиантность как социальный конструкт релятивна и конвенциональна, поэтому имеет сложную детерминацию. Действительно, социальная структура, процессы и культура современного общества во многом определяют модели девиантного поведения. Не так ли происходит, когда ограниченные каналы получения образования и работы в транзитивном российском обществе, *main stream* в культуре которого прославляет погоню за материальным успехом любой ценой, приводят к выбору многими молодыми людьми криминальных способов обогащения? Более того, все формы девиантности взаимосвязаны: пьянство и преступность порождают «пьяную преступность», наркотизм тесно коррелирует с уличной преступностью, кражами и наркотрафиком. Социальные и технологические изменения как в традиционном, индустриальном, так и постиндустриальном, постсовременном обществе порождают все новые виды девиантности и преступности.

Очевидно, что девиантность – самый сложный общественный

феномен, приблизиться к пониманию и объяснению которого в современном мире позволяют тщательно разработанные и верифицированные опытом девиантологические теории.

Теоретические модели отклоняющегося поведения являются отображением реальных ситуаций и девиантных практик. Эффективная теория помогает «расшифровать» казуальную сторону многих «трудных» для понимания девиантных и, особенно, делинквентных фактов и карьер, которые уже известны. Кроме того, теория создает послы для понимания и объяснения природы новых еще неизвестных фактов преступного поведения и иных форм негативной девиантности.

Теории девиантности дают ответы на самые общие вопросы о природе девиантного поведения. Главные среди них: почему? каким образом? Чем вызвано или как действует?

Следовательно, девиантологическая теория – это набор, упорядоченных утверждений, которые объясняют, как два или более факта девиантности или факторы их детерминации связаны друг с другом. Теория объясняет, каким образом фиксируемые опытом феномены девиантности взаимозависимы друг с другом. Ответ на вопрос, почему одни люди (их большинство) приспосабливаются, а другие (их меньшинство) отклоняются от социальных норм, имеет не только умозрительный, но и прагматический смысл. Он является неотъемлемой частью любого проекта по реализации социализации и социального контроля.

Развитие и накопление знаний о девиантности позволило на стыке поведенческих и юридических наук сформировать девиантологию или социологию девиантного поведения и социального контроля – отрасль научного знания с богатым теоретическим наследием.

Разумеется, что для тех, кто планирует построить профессиональную карьеру в области правоприменения в полиции или других правоохранительных институтах необхо-

димо глубокое знание теоретических основ классической и современной девиантологии.

Фактически любая линия поведения, ведущая к преступлению, как самому социально опасному виду девиантности, может быть описана той или иной теорией девиантного поведения. Теоретическое знание в вопросах понимания и объяснения преступности и других негативных отклонений актуально не только для профессионалов в области девиантологии, полицейского или формального социального контроля, но и для тех, кто занят социальной работой, образованием, участвует в механизмах социализации, гуманитарного воспитания молодого поколения в рамках институтов образования, культуры, масс-медиа. Впрочем, и все семейные люди, ответственные за воспитание своих детей, хотят, чтобы отпрыскам благоволила судьба, чтобы им удалось избежать роковых ошибок молодости, «тюрьмы или сумы».

Таким образом, теории девиантного поведения – предметная сфера не только девиантологов и криминологов, теоретиков и практиков, социальных работников и педагогов, но и самых обычных людей, которым не чужды плоды просвещения, а будущее своего потомства им видится в ракурсе конформизма или еще лучше – позитивной девиантности.

В современной мировой и отечественной науке наиболее развитой частью девиантологии принято считать криминологию или социологию преступности, поскольку сложная природа и преодоление преступного поведения всегда волновали обществоведов. Именно в криминологическом направлении сделано больше всего научных открытий и теоретических достижений.

Как известно, американский социолог и криминолог Эдвин Г. Сазерленд в 1947 году определил криминологию как учение о внутренних процессах законодательства (law-making), правонарушения (law-breaking) и правоприме-

нения (law-enforcing) [3]. Это определение задает одну из точек отсчета для классификации теорий в области девиантности и социального контроля.

Теории создания и применения уголовного права (theories of making and enforcing criminal law). Если в качестве основания для выделения теории рассматриваются, согласно Сазерленду, процессы уголовного правотворчества и судопроизводства, словом, сфера формального социального контроля над преступностью, то в такую группу с определенной условностью относят теории создания и применения уголовного права. Эти теории предлагают ответы на вопросы о том, как и почему конструируется преступное поведение, а его носители определяются как преступники, какими правовыми способами государство противодействует преступности, что определяет вид предпринимаемых действий (меру наказания) в случае нарушения закона. Теории, пытающиеся раскрыть эти вопросы, увязывают социальные, политические и экономические переменные, которые объясняют процесс законотворчества, применение уголовного закона и действие системы судопроизводства.

Разумеется, желательно, чтобы теории в области социального контроля были ценностно нейтральными, а закон применялся бы одинаково для всех. Вместе с тем ряд из них несут существенную ценностную и даже идеологическую нагрузку. Так, в теориях конфликта, в радикальной криминологии существенен этот контекст, поскольку он обусловлен идеологической критикой капитализма, что весьма важно для дискуссии о справедливости уголовного закона и практике его избирательного применения в отношении разных социальных групп в классовом обществе. Решения по уголовным делам, которые больше зависят не от уголовно-правовых и процессуальных норм, а от социальных характеристик носителей преступного поведения (принадлежность

к гендеру, классу, элите, олигархии или к синим воротничкам и андеграунду), не являются справедливыми. Они лишь демонстрируют селективность системы судопроизводства, уголовного права и его применения в современном капиталистическом обществе.

Таким образом, теории создания и применения уголовного права позволяют объяснить поведение участников законодательного процесса и работу самой системы судопроизводства. Общественные же дискуссии и прагматические споры о модели социального контроля над преступностью, ее эффективности и справедливости могут быть основаны на той или иной теории, иметь отношение к ее применению, но сами по себе не являются теоретическим объяснением, почему разрабатываются и применяются законодательные акты. Теории создания и применения санкций, в том числе уголовного права, в девиантологическом дискурсе нередко именуют теориями социального контроля, поскольку они проливают свет на то, зачем необходимы законы, правовое регулирование социальных отношений и как действуют правоохранительная система, уголовное судопроизводство как институты социального контроля.

Теории девиантного поведения (theories of deviant behavior). Однако наиболее важной и многочисленной группой теорий, с точки зрения автора, представляют собой те из них, которые объясняют девиантное поведение и, прежде всего, поведение делинквентное, как наиболее негативную форму девиантности.

Теории девиантного поведения предлагают ответы на вопрос, почему люди нарушают социальные и правовые нормы. Впрочем, у этого вопроса есть две взаимосвязанные между собой части. Во-первых, они позволяют понять, отчего существуют определенные различия в уровнях преступного и девиантного поведения в разных социальных

группах и общностях. С точки зрения гендерных различий, мужчины значительно чаще, чем женщины становятся участниками криминальных актов. В полиэтнических и поликультурных обществах уровень преступности заметно выше, чем в обществах этнически однородных и с доминирующей культурой. Так, в Японии уровень преступности определенно и существенно ниже в удельных показателях, чем в США и наиболее развитых европейских странах. Во-вторых, теории девиантности дают ответ на вопрос о том, почему одни люди идут на совершение девиантных действий и преступлений, а другие – нет? Что определяет предрасположенность человека к нарушению норм ожиданий и норм правил? Почему один человек, имея возможность, совершает преступление, а другой с такими же возможностями, не преступает закон? Почему одни люди склонны выстраивать криминальную карьеру, а другие один раз оступившись, навсегда отказываются от криминальной перспективы?

Как видим, первая группа вопросов концентрируется на выявлении социальных и групповых моделей девиантности, а вторая – на индивидуальных различиях и особенностях личности. Если теория девиантности охватывает более общие типичные различия и общесоциальные детерминанты девиантности и делинквентности, то она относится к так называемым «макро» теориям девиантного поведения. Если положения теории, описывают причинный комплекс делинквентности и иных форм негативных отклонений на уровне личности или малой группы, то она относится к теориям девиантности «микро» уровня.

Для различения теорий девиантного поведения используются различные критерии. Д. Кресси обратил внимание на те из них, которые концентрируются на объяснении эпидемиологии или массовости распространения девиантности и преступности во всех слоях общества, с одной стороны, и

на «уникальность» или на индивидуальное измерение девиантного поведения – с другой. Р. Айкерс различал теории девиантности на структурные и процессуальные. Структурные теории показывают, что соотношение преступлений среди групп, общностей и классов отличаются из-за различий в социально-культурной структуре общества. Процессуальные теории утверждают, что люди совершают преступления, потому что они имеют определенный прошлый опыт делинквентности, пережили определенные события и приобрели специфические личные качества и реакции на те или иные криминальные ситуации.

Существует и такой способ классификации девиантологических теорий, в основе которого лежит группировка факторов и переменных, детерминирующих девиантность, в предметном поле тех или иных научных дисциплин. Наиболее распространенной в современной девиантологии стала такая классификация, которая опирается на *антропобиологический, психологический и собственно социологический подходы*.

В *антропобиологических теориях* объяснительная модель преступного поведения выстраивается в рамках доминирования антропологических, биологических, биохимических и генетических факторов поведения.

В *психологических теориях* детерминация девиантности описывается психологическими переменными, связанными со спецификой психоэмоционального развития личности, ее установками, психическими расстройствами и вытесненными состояниями, взаимодействиями в микросреде. Впрочем, теории, созданные в рамках антропоцентризма, не исключают вторичного влияния социокультурных и иных структурных факторов на генезис девиантности.

Социологические теории девиантности, которые исходят, прежде всего, из социоцентризма, рассматривают природу девиантности и преступления в предельно широком

социальном контексте с анализом культурной, структурной, процессуальной и социодемографической стороны.

Нужно признать, что деление девиантологического наследия в мировой науке на три группы указанных выше теорий достаточно условно, поскольку многие категории в девиантологическом анализе коррелируют и дополняют друг друга. Например, понятия структуры и процесса взаимозависимы и частично совпадают, между биологией и психологией в природе девиантного поведения человека также немало общего. Социальный контроль трудно отделить от девиантности – это дополняющие друг друга категории, поскольку его чрезмерное применение посредством негативных санкций нередко порождает стигматизацию девианта и, как следствие, – рецидивизм и девиантную карьеру.

Словом, многие из теоретических конструкций, моделирующих девиантное поведение, в процессе эволюции научных представлений трансформировались в смешанные или интегративные теории, выстроенные по принципу дополнительности, сформулированному Н. Бором. В интегративной перспективе анализа при создании новых концепций эффективно «подключаются» непротиворечивые и «работающие» положения как структурных, так и процессуальных теорий девиантности, антропобиологических, психологических и собственно социологических концепций отклоняющегося поведения.

Современная девиантология наиболее широко использует универсальную методологическую платформу или рамку (framework), которую предоставляет такая интегративная наука об обществе, как социология. Социологический дискурс позволяет объединять эвристический потенциал антропоцентристских и социоцентристских концепций девиантности. Это направление особенно активно развивается в зарубежной девиантологии последние 20 лет. Так, в работах Г. Барака, Р. Айкерса, Ф. Пирсона, Д. Эллиота, М. Крона и

других криминологов социологической ориентации с мировой известностью широко используется интегративный подход в теоретическом моделировании девиантности как сложного социального явления и социальной конструкции. Впрочем, проблематика негативной девиантности активно изучается в рамках отдельных научных дисциплин социобиологами, психологами, педагогами, правоведами. Осознавая условность любых классификаций при описании классических и современных теорий девиантного поведения, целесообразно опираться на принципы историзма, дополнительности, доказательности, эмпирической обоснованности и практической пользы.

Таким образом, теории девиантности могут быть систематизированы в порядке, учитывающем структурно-процессуальный контекст, с выделением в исторической перспективе антропобиологических, психологических и собственно социологических теорий, а на постсовременном этапе развития общества и наук о нем еще и интегративных концепций девиантного поведения.

Литература

- 1.Кристи Н. Пределы наказания. М.,1985.
- 2.Higgins P, Butler R. Understanding Deviance. McGraw–Hill Book Company, 1982. P.8. (Цитата по Я.И. Гилинскому).
- 3.Akers R. Criminological Theories. Los Angeles,1997.

Древо девиантологического знания: от позитивизма к постмодернистскому синтезу¹

Возникновение позитивизма теснейшим образом связано с успехами естественных наук: биологии, химии, физики. В 30–40 гг. XIX века французский философ и социолог Огюст Конт (1798–1857) выстроил систему «положительного» философского знания, которое по аналогии с естественными науками должно быть бесспорным и точным, опирающимся на факты. Он выдвинул привлекательную формулу: «знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы обладать силой». Эмпирическому изучению поддается мир объективных явлений с целью практического использования знания. Эмпирическое знание, соединенное с практикой реформ, представлялось сторонникам новой философии всемогущим.

Позитивисты, предприняв попытку осмысления пути постижения истины на основе экспериментов, наблюдений, сравнений, повели борьбу с умозрительными системами и доказательствами получения знания. Принципы эмпиризма (наглядность, объективность, доказательность, проверяемость, причинность, ценностная нейтральность, практическая польза и др.) стали руководством к действию при изучении объективных социальных явлений, в том числе отклоняющегося поведения.

В теориях девиантного поведения, начиная со второй половины XIX века, широко используется *биологический* и *социологический позитивизм*. Влияние позитивистской методологии и практики эмпиризма привело к развитию раннего *биологического позитивизма* (френология Ф. Гэлла, теория атавизма Ч. Ломброзо, антропологические работы Ч. Горинга, Э. Хутена, У. Шелдона и др.) при создании первых *инди-*

¹ Девиантология: вчера, сегодня, завтра: сборник материалов Международного круглого стола 13–15 октября 2013. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2013. С. 12–16.

видоцентрических моделей преступного поведения.

Позитивистская методология позволила развить и психологическое направление в девиантологии (теоретические работы Х. Клекли, З. Фрейда, К. Лоренса, Э. Фромма, Д. Долларда, А. Бандуры и др.).

В последующем в рамках антропоцентризма и индивидуцентризма исследователи, используя позитивистскую методологию, сосредоточились на изучении патологий (антропологическая конституция, генетические аномалии) в природе и психологии (психотравмы, нейропсихологические дисфункции, комплексы неполноценности, проблемы психосексуального развития, фрустрация, агрессия, эффекты социального научения) человека в качестве основных источников девиации.

Ранние социоцентрические теории девиантности в середине XIX – начале XX века на основе социологического позитивизма были созданы бельгийским математиком и социологом А. Кетле, энциклопедистом К. Марксом, криминологом В. Бонгером, функционалистом Э. Дюркгеймом. Так, Кетле, используя методы картографии и статистики, обосновывал тезис об объективной социальной природе преступности. В этот же период К. Маркс, реализуя конфликтологический подход, показал, что преступность является объективным, социальным, исторически преходящим явлением. Э. Дюркгейм интерпретировал преступность как объективное социальное явление, не являющееся патологией в социальном организме.

Развитие *позитивистской перспективы анализа и объяснения девиантности*, основы которых были заложены в ранних антропобиологических, психологических и социологических теориях девиантности, было продолжено в первой половине XX века в рамках Чикагской школы (Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджес, К. Шоу и др.).

Американские криминологи и социологи-позитивисты, сторонники социоцентрической ориентации, в качестве

причин отклонений, прежде всего, рассматривали *социоструктурные* и *социокультурные факторы*. Детерминанты в структурных теориях были обусловлены социально-экономическим неравенством, проблемами городской экологии и социальной дезорганизации, дифференциальными связями и идентификацией с криминальной культурой, социальным научением агрессии, конфликтами культур, субкультурами делинквентности и насилия, состоянием аномии, проблемами жизненного пути, социального сдерживания и самоконтроля.

Теоретики-позитивисты, выдвигая различные теории девиантности, создали широкое предметное поле для теоретического соревнования, сравнивая девиантологические концепции по таким оценочным критериям, как: *эмпирическая обоснованность, логическая последовательность и непротиворечивость, доказуемость, область применения и практическая польза*.

В объяснении девиантности позитивистская научная мысль развивалась от *однофакторных* к *многофакторным* казуальным моделям. Многофакторный подход сложился как реакция на ограниченность однофакторных моделей. В его рамках отклонения в поведении не могут быть обусловлены одним, хотя и очень важным комплексом причин, а зависят от ряда разнородных и потому теоретически не связанных факторов.

Девиантологи-позитивисты в объяснении этиологии девиантности отказались под влиянием естественнонаучных теорий, математики и теории вероятностей от традиционного линейного понимания причинности (фактор X должен производить эффект Y). В девиантологической теории утвердилось вероятностное нелинейное понимание причинности девиантного поведения (присутствие фактора X делает наступление девиантного события Y более вероятным).

Во второй половине XX века социологи активно разрабатывают и используют новые, в том числе непозитивистские

подходы и методы в исследованиях и моделировании девиаций. Их выбор был часто продиктован социальной позицией и методологической культурой исследователя или целой научной школы, отсюда актуальным стало использование при описании и типологизации девиантологических знаний понятия «парадигма».

Американский социолог Дж. Кинлоч выделил: *органико-структурно-функционалистскую* (О. Конт, Э. Дюркгейм, Э. Берджесс, Э. Сатерленд, Р. Мертон, А. Коэн, Р. Айкерс), *конфликтно-радикальную* (К. Маркс, О. Терк, Р. Куинни, У. Чемблисс), *социально-бихевиористско-психологическую парадигмы* (М. Вебер, Г. Блумер, Ф. Таненбаум, Э. Лемерт, Ф. Зак, И. Гофман, А. Бандура, Дж. Брайтуайт)¹.

Теоретикам-позитивистам органико-структурно-функционалистской парадигмы активно оппонировали теоретики-непозитивисты, объединенные в рамках социально-бихевиористско-психологическая парадигмы, которые сформировали *интеракционистскую перспективу анализа, понимания и описания девиантности*. В оппозиции к структурным теориям выстроились процессуальные теории девиантности. Среди них: теории стигматизации (Ф. Танненбаум, Э. Лемерт, Г. Беккер, Э. Шур, Ф. Зак, Дж. Брайтуайт и др.), драматургическая теория И.Гофмана, феноменология и конструктивизм (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Д. Милова-нович, С. Генри и др.).

Представители феноменологической перспективы и конструктивизма в девиантологии, критикуя объективизм и позитивистские подходы, позволили открыть новые «объяснительные возможности» социального знания в понимании природы социальных норм, права и девиантности как социальных конструкций. Как известно, феноменологи считают

¹ Kinloch G.C. Sociological theory: Its Development at major paradigms. N.Y., 1977.

предметом своего исследования мир повседневности, сферу обыденных представлений о добре и зле, норме и патологии, жизни и смерти и т. п. В интерсубъективном мире люди выступают, с одной стороны, в качестве конструкторов социальной реальности, с другой стороны, их сдерживают созданные их предшественниками социальные и культурные структуры¹.

С позиций феноменологии в мире социальной реальности «нет ничего постоянного, где все, что считалось объективными «вещами», не зависящими от каждого из членов общества, оказывается продуктами его сознания и, более того, эти «вещи» могут меняться в зависимости от состояния сознания субъектов действия»².

Феноменологический взгляд позволил понять, что тот или иной тип правопонимания и определение преступного есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ права и правонарушения, который представляет собой синтез теоретических конструктов и социальных практик. Благодаря феноменологической редукции право (как система норм–правил) и преступление конструируются в мире значений, которые тематизируются активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта.

В рамках феноменологии при исследовании отклонений значение приобретает скорее действие, его интерпретация, чем сам отклоняющийся индивид. Как тонко подметил шведский социолог Ларс-Эрик Берг, «отклонение – это не индивидуальное свойство личности, но релятивное свойство. Черное выглядит черным только на белом фоне»³. Для понимания отклоняющегося поведения и его изучения весь-

¹ Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998. P. 212–217.

² Ковалев Е.М., Штенберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 55.

³ Пер Монсон. Современная западная социология. Теории, традиции, перспективы. СПб.: Нотабене, 1992. С. 181.

ма важно то, что оно рассматривается феноменологами как социальный процесс (коллективный или индивидуальный), в ходе которого индивид и становится девиантом. Феноменологи, интеракционисты, конструкционисты обращаются к изучению проблем сконструированности, конвенциональности, релятивности норм и девиаций¹.

В итоге девиантологи феноменологической ориентации поставили под сомнение основной постулат позитивизма о том, что социальные структуры, все общественные явления, в том числе и преступления, представляют собой объективную реальность, не зависящую от идей, мнений, стереотипов, сознания и поведения включенных в них индивидов.

Состязательность позитивистских и феноменологических подходов и теорий привели к дальнейшему развитию полипарадигмальности, поликонцептуальности, методологического плюрализма в изучении различных проявлений девиантности. Наряду с позитивистской количественной методологией, исследователи девиантности стали широко использовать качественные методы (кейс-стади, кейс-стори, нарративный анализ, глубинные неформализованные интервью).

Рост гетерогенности, классового неравенства и обострение социальных конфликтов в западном мире второй половины XX века способствовали прогрессирующей девиантизации индустриальных обществ. Приобрела популярность и получила дальнейшее развитие конфликтно-радикальная парадигма в девиантологии. Радикализация политических взглядов в обществе и научной среде, конфликтологический подход и неопозитивизм определили бурное развитие радикально-критической и неомарксистской криминологии, привели к созданию теорий группового конфликта Г. Волда, криминализации О. Терка, политэкономии преступности У. Чемблисса и

¹ См.: Конструирование девиантности: монография / сост. Я.И. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004.

Р. Сейдмана, неомарксистской теории закона и преступности Р. Куинни. Важным рубежом на этом пути стали книги британских авторов Яна Тэйлора, Пола Уолтона и Джока Янга «Новая криминология» и «Критическая криминология».

Теоретики радикально-конфликтологической парадигмы развили классовый подход в теории преступности, дали острую, критическую оценку капиталистической системе, описывая девиантов в качестве ее жертв, а правосудие как служанку имущих классов. Яркий критик пороков индустриального капитализма и системы его правосудия криминолог Джеффри Рейман утверждает, что «санкции уголовного судопроизводства основываются на существующий социально-экономический строй»¹.

Методологические дискуссии, критика позитивизма и неопозитивизма усиливаются в связи с кризисом детерминизма, возрастанием скорости социальных изменений в современном мире, разрушением его биполярной структуры, новой глобальной стратификацией, революцией high-tech, массовым распространением консьюмеризма, парадоксальной социальной практикой на закате эпохи модерна.

Информатизация и сверхпотребление спровоцировали процесс дальнейшей девиантизации общества. Девианты (хакеры, фриеры, кибер-стокеры, педофилы и проститутки) быстро освоили сетевое пространство Интернета. Процесс, что называется, пошел еще дальше и глубже, поскольку сложилась и стала распространяться логика виртуализации социальной реальности (ее замещения образами-симуляциями) сначала в кибер-измерении, а затем и во всех остальных сферах деятельности (политике, экономике, сфере культуры, социализации).

Постмодернизм, возникший как реакция на новую дуалистичную, эфемерную социальную реальность, как рефлек-

¹ Reiman J. A radical perspective on crime // Kelly D. Deviant Behavior: a text-reader in the sociological of deviance. 5th ed. Los Angeles, 1996. P. 157.

сия на кризис, задал особый стиль социологического воображения и теоретизирования, иную методологию познания социальных проблем, в том числе девиантности. Он проблематизировал представления о девиантности, преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе, поскольку «сама социальная реальность девиантна»¹. Постмодернисты поставили вопрос о пересмотре, реконструкции традиционных позитивистских моделей девиантного поведения.

Применение модернистских теорий и традиционной количественной методологии для исследования релятивных и конвенциональных проявлений девиантного поведения стало непродуктивно в условиях быстрых социальных изменений и флуктуаций. Отсюда исследователи постмодернистской ориентации выдвинули новые подходы и методы анализа девиантности: дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие приемы².

Постмодернисты (Б. Дикристина, Э. Янг, Д. Милованович и др.) активно поддержали плюрализм различных концепций, замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. Возникла группа новых теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности с такими интригующими названиями, как: *конститутивная, феминистская, критическая, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии*.

Преступность и контроль над ней рассматриваются в постмодернизме как рекурсивная продукция, созданная в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество. Преступность – интегральная часть общества, вызванная социальной структурой и идеологией,

¹ Интервью с профессором Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. СПб.: Петрополис, 1994. С. 246.

² Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

разделяющими отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии¹.

Развитие феноменологии и постмодернистского дискурса в девиантологии подстегнуло активность теоретиков-неопозитивистов в конце XX века и на рубеже третьего тысячелетия. Осознавая ограниченность объяснительных возможностей большого количества монотеорий девиантности и преступности, созданных их предшественниками позитивистами и непозитивистами, они обосновали и выдвинули *интегративную перспективу теоретизирования и анализа*.

Неопозитивисты – сторонники теоретического синтеза стали первыми разрабатывать базовые понятия и принципы, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий. Они выстроили интегративные этиологические модели девиантности и преступности с использованием вероятностной, множественной причинности. Теоретическая интеграция рассматривалась как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную рамку с большим объяснительным потенциалом, чем он есть в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной модели в нее стали включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий². Это направление широко представлено в работах М. Крона, Р. Айкерса, Ф. Пирсона и Н. Уэйнера, А. Лиски, Д. Эллиота, Т. Торнберри, Ч. Титла, Дж. Коулмана, Б. Татума и др.).

Наряду с теоретической интеграцией, в рамках неопозитивизма постмодернистская криминология также сформировала свои варианты теоретического синтеза, но уже учитывающе-

¹ Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

² Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 205–206.

го диалектическую взаимосвязь причины и следствия (*множественная интерактивная, диалектическая причинность*).

Над проблематикой теоретического синтеза с 90-х годов активно работали американские постмодернисты Р. Сэмпсон и Дж. Лауб, Б. Вила, Б. Арриго, Дж. Мессершмидт, Д. Милованович, Г. Барак и С. Генри, используя для этого возможности постмодернистской реконструкции. Так, Грэг Барак и Стюарт Генри в 1999 году предложили интегративно-конститутивную теорию преступности, закона и социальной юстиции. Теория моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный постмодернистами, есть попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть¹.

Г. Барак выдвинул тезис о том, что постмодернистская теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону новой более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призвал девиантологов, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля». Предпочтение интеграции девиантологических знаний на постмо-

¹ Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm

дернистской основе Барак обосновал тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что эти моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно меняются во времени¹.

В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках постмодернизма могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма².

Следовательно, в современной девиантологии сосуществуют, соперничают, дополняя друг друга, как *модернистские*, так и *постмодернистские модели теоретической интеграции*. С. Генри и Д. Милованович отмечают появление в последние годы гибридных вариантов интеграции, сочетающих положения и методы, созданные в рамках модернизма (принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (постмодернистский реконструкционизм), а также методологическую триангуляцию. Постмодернистские, гибридные интегративные теоретические модели преступности и противодействия ей – перспективная и многообещающая ветвь на древе девиантологического знания в наступившем столетии, поскольку они полнее охватывают эти проявления в форме, присущей как модернизму, так и постмодернизму, лучше учитывают важные аспекты взаимоотношений между субъектами отклоняющегося поведения и контроля как на индивидуальном, так и социальном уровнях развития.

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998.

² Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm

Природа российской коррупции с позиций теории социального научения¹

Образ России прочно ассоциируется с тотальной коррупционностью всех, особенно высших эшелонов власти. Коррупционные скандалы в Минобороны (дело «Оборонсервиса»), таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития (многочисленные дела о растратах), в связи с крупными хищениями в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛОНАСС, при подготовке саммита АТЭС достигли в последнее время небывалых масштабов и широкой общественной огласки [1; 2; 3]. Многие российские коррупционеры-компрадоры выводят свои капиталы из страны и бегут на Запад, пользуясь услугами теневого банкинга, что наносит огромный урон федеральному бюджету и национальной безопасности России.

Дела о коррупции сотрясают и правоохранные органы. Это нашумевшая история с «крышеванием» игорного бизнеса подмосковными прокурорами, и расследования коррупционных схем в тыловом блоке МВД России в связи с реформой ведомства, и др.[4] По данным российских исследователей, коррупция и неформальная занятость на рынке сотрудников ОВД получили широкое распространение: от простых подработок до «крышевания» бизнеса и осуществления инвестиционной деятельности. Причем в занятости такого рода вовлечены не только «нижние чины», но и сотрудники более высоких рангов, имеющие относительно высокие доходы. Масштаб этой деятельности стремительно вырос в 2000-е годы: примерно от 3 млрд долл. США в год до 30 млрд (Л. Косалс, 2008; ИНДЕМ, 2005) [5].

Не менее скандальные коррупционные преступления имеют место в региональных и местных структурах власти (в Мо-

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2013. № 2. С. 206–213.

ске, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке, в республиках Кавказа и Поволжья, на юге России). Так, характерным примером коррупции в коммунальном хозяйстве является хищение около 100 миллионов долларов в результате реализации коррупционной схемы при поставке некачественных труб для отопительной системы Санкт-Петербурга [6]. Общество постоянно возмущают коррупционные скандалы и состояние дел в дорожной отрасли. Широко известно Новгородское «дорожное дело» по факту хищения 150 млн рублей бюджетных средств преступной группой во главе с первым вице-губернатором области [15]. Факты казнокрадства в системе ЖКХ, отопления, водоснабжения, дорожного ремонта и строительства систематически всплывают в российских городах и регионах.

Руководством страны подобным инцидентам дается принципиальная оценка. Неслучайно *Президент России высказался о резонансных коррупционных делах среди чиновников вполне определенно: «Мы пойдем до конца, не взирая на лица, и в рамках закона»* [7]. Более того, Владимир Путин подписал указы, направленные на ужесточение контроля за доходами, расходами и имуществом госслужащих. В частности, чиновники должны будут отчитываться о крупных покупках, предоставлять сведения об источниках получения средств, за счет которых совершены крупные сделки, а также указывать в ежегодных декларациях сведения о счетах и недвижимости за рубежом [16]. Тем самым власти пытаются усилить зависимость и подконтрольность чиновников, в том числе через угрозу санкций. В аппарате управления заговорили о «долговременной войне» с коррупцией. Примечательно, что обороты антикоррупционной кампании, криминальные истории «раскручивают» в СМИ не столько журналисты и оппозиционные блогеры, сколько структуры государства, конкурирующие группы и кланы российского политического класса.

Между тем коррупция и вопросы контроля над ней – не новые проблемы в российском обществе. Как известно, взяточничество широко распространяется на Руси после утверждения института «кормления» воевод. Как известно, наместники князей отправлялись служить в провинцию без денежного содержания. Подвластное население было обязано их «кормить». Кормление затем превратилось в лихоимство или подкуп за действия, нарушающие закон, и мздоимство – подкуп за действия без нарушения законодательства. Коррупция и воровство стали в стране массовым злом. Нелучайно более 200 лет назад историк Н.М. Карамзин, оценивая ситуацию в России, писал кратко – «воруют». С тех пор мало что изменилось: один коррупционный скандал сменяется другим, одна антикоррупционная кампания – другой.

Международная исследовательская организация Transparency International, по итогам своих последних оценок, ставит Россию по индексу коррупции на 143 место в мире из 183 [7]. Исследования «Левада-Центра» показывают, что российским органам правопорядка доверяет менее трети населения и только 20% доверяют российским судам. 88% опрошенных считают коррупцию главной проблемой страны [7]. Ибо все, как справедливо утверждает Я.И. Гилинский, «упирается в вопрос: кому и сколько нужно заплатить?» [8].

Впрочем, справедливости ради, нужно отметить, что проблема коррупции существует во всех государствах, в том числе в странах с развитой рыночной экономикой и политической системой. Так, в конце 2011 года опрос «Eurobarometer» выявил, что 74% европейских респондентов считают коррупцию серьезной проблемой.

Исследования «Transparency International» показывают, что если в России *средние потери от коррупции в бизнесе составляют – 39%, то в США – 30%* [7]. Следовательно, у Запада нет особого морального превосходства перед Рос-

сией в плане коррупции верхов, поскольку и там масштабы коррупции, особенно при заключении контрактов в сфере государственных заказов, весьма велики. Кроме того, многие формы коррупционного поведения за рубежом приобрели вполне легальную форму, например, система лоббирования коммерческих или политических интересов в органах власти. Вместе с тем в силу определенной культуры законопослушания, менталитета, высокого качества и уровня жизни весьма минимальна раздражающая обывателей бытовая коррупция: люди там взятку клеркам не дают за услуги, которые предоставляет государство.

Российская же коррупция укоренилась по всей вертикали власти, от верхов до низов. Она процветает не только в центральных ведомствах, но и в региональных и местных органах власти. Так, к примеру, опрос Республиканского комитета по социально-экономическому мониторингу в конце 2012 года по проблеме коррупции в городах и районах Татарстана по представительной выборке объемом 4165 единиц наблюдения показал ряд характерных результатов. Судя по материалам исследования, годовой объем рынка коррупционных услуг в регионе, рассчитанный на основе анализа личного коррупционного опыта граждан, составляет 22 млрд рублей. Самые большие взятки берут, по мнению участников опроса, в республиканских министерствах и ведомствах, судах, военкоматах, органах местного самоуправления (муниципалитетах). Самыми коррумпированными участники массового опроса, по понятным причинам, называют сотрудников ГИБДД, медицинских работников, преподавателей вузов. Примечательно, что, наряду со взятками, откатами, широкое распространение в регионе, как считают местные эксперты, получили распространение такие формы коррупции чиновников, как работа через свои компании: *«уже никто не рискнет брать от кого-либо просто так деньги...сей-*

час заключаются контракты или выполняются работы для своих ведомств через близкие структуры» [9].

Исследования и разоблачения фактов коррупционной активности и преступности высокопоставленных российских, региональных и местных чиновников, их подручных меньшего масштаба обнажают лишь одну из вершин айсберга теневой беловоротничковой преступности (white-collar crime. Этот термин был впервые использован Эдвином Сазерлендом в книге «Преступления белых воротничков» (1949) для обозначения преступлений, совершаемых респектабельными людьми высокого социального статуса на своем рабочем месте). Очевидно, что львиную долю преступности белых воротничков в России составляют различные проявления коррупции, сущность которой удачно выразил Дж. Сентуриа, как *«злоупотребление публичной властью ради частной выгоды»* [8, с. 265].

Современная коррупция многолика. Множество форм ее проявления включает: взяточничество, фаворитизм, nepотизм, протекционизм, лоббизм, незаконное присвоение, распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов в личных целях, незаконную приватизацию, незаконную поддержку и финансирование политических структур, вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый «блат», «распил бюджета», создание чиновниками своих компаний и многое другое.

Для девиантологов очевидно, что *коррупция, социальная суть которой состоит в продажности, – действительно, проблема номер один для российского общества и государства*. И дело не столько в масштабности проявлений бытовой или низовой коррупции среди медицинских, вузовских работников или сотрудников ГИБДД, в массовых поборах населения, сколько в том, что основательно поражены коррупцией властные структуры в центре и на местах. Разумеется,

«бытовых» коррупционеров, как самых типичных рядовых взяточполучателей, ни в коей мере не стоит оправдывать. Однако их коррупционные практики – скорее способ адаптации к рынку при низких зарплатах (определяемых государством) и резком падении социального престижа массовых профессий в условиях двойной аномии, по Дюркгейму и Мертону, вызванных резкой сменой парадигм общественного развития.

Гораздо более опасной для российского социума является теневая коррупция в «верхах», в связках «власть и бизнес», «власть и население», между уровнями власти, когда покупаются контракты, лояльность, «теплые места». Словом, тотальная продажность тех, кто должен показывать обществу позитивные примеры служения делу и отечеству, а не факты безнаказанного казнокрадства, растрат, кумовства, издоимства. Массовая коррумпированность государственного аппарата порождает в обществе угнетающую социально-психологическую атмосферу, чреватую для населения стрессами, бесперспективностью, деморализацией и маргинализацией широких слоев населения, бегством из страны интеллектуалов. В органах власти и бизнес-сообществе происходит деградация менеджмента, депрофессионализация и разложение государственного аппарата. Неслучайно Россия «топчется» на месте: не может десятилетиями, имея баснословные природные богатства и даровитый трудовой народ, перейти от сырьевой экономики к экономике инновационной, преодолеть массовую бедность, тем самым снизив остроту социального неравенства и социальной несправедливости.

Не только специалистам, но и любому «профану» очевидно: рыба коррупции в стране гниет с головы, но чистят ее чаще всего с хвоста. Отсюда все усилия первых лиц государства, органов МВД и прокуратуры, Следственного комитета, ФСБ и других правоохранительных институтов в этом направлении скорее эфемерны и социально не эффективны.

Современная российская коррупция, как показывает анализ различных монографических, диссертационных источников, журнальных публикаций, *институционализована*, поскольку сложились и систематически воспроизводятся роли, нормы и таксы коррупционного поведения. Она как неформальный социальный институт встроена в систему государственного управления, носит *системный* характер. Смена отдельных участников коррупционной системы не затрагивает ее в целом. По критическим оценкам некоторых политологов, в частности П. Салина, скандалы затихают, а коррупция остается как часть коррупционной вертикали («на место А. Сердюкова и его девиц придут представители других кланов властной элиты») [3]. Складывается впечатление, что коррумпированность, замаранность в коррупции в некотором смысле выступают как способ управления, как некая гарантия зависимой «преданности» высоко и не очень поставленным клерков. Неслучайно еще со времен Б. Ельцина в стране идет борьба кланов, оружием которых выступают «чемоданы с компроматом», которые нужны, чтобы «окоротить» высокопоставленных чиновников и политических оппонентов. Кроме того, коррупция в стране приобрела разветвленный *сетевой характер*. В центре коррупционных сетей оказываются как естественные монополии, финансовые учреждения, строительство дорог, олимпийских и иных социально значимых проектов, так и региональные и федеральные органы власти, органы правопорядка, обороны и правосудия.

Очевидно, что, не подвергнув коррупцию в российских бюрократических верхах, а затем и в обществе в целом, существенной и долговременной рестрикции (ограничению), не удастся эффективно решить ни одну политическую, социальную или экономическую проблему страны [19].

Феномены беловоротничковой преступности и коррупции – предмет исследований известных зарубежных уче-

ных. Среди них: Э. Сазерленд, Р. Мертон, Дж. Кулеман, М. Готфредсон, Г. Беккер, Т. Хирши, Дж. Сентуриа, Р. Айкерс, С. Роуз-Аккерман, С. Чибнелл, П. Саундерс и многие, многие другие [14; 17, Р. 391–409].

Отечественные исследования проявлений коррупции широко представлены в рамках криминологической науки (А. Долгова, Б. Волженкин, В. Лунеев, О. Мартыненко, П. Кабанов, И. Клямкин и др.), экономической социологии (Т. Заславская, Т. Шанин, В. Радаев, Л. Косалс, Л. Тимофеев, И. Голосенко, И. Кузнецов, Г. Саттаров, С. Барсукова и др.), девиантологии (Я. Гилинский, Я. Костюковский, А. Салагаев, А. Коннов, Ю. Латов, С. Алексеев, Ю. Комлев и др.). В науке существует большое разнообразие подходов к пониманию, объяснению феномена и причин коррупции.

Традиционная криминология описывает причинный комплекс экономической преступности и коррупции в объективных средовых детерминантах и условиях (рыночные реформы, отставание в развитии хозяйственного, уголовного, административного права, дисфункции органов правопорядка, развитие теневой экономики и легализация преступных капиталов, сбои в работе государственной машины – приватизация и криминализация власти на местном, региональном и федеральном уровнях и др.). Антикоррупционная деятельность в соответствии с криминологическим подходом ориентируется, прежде всего, на пресечение коррупции по «факту» коррупционного деяния. Однако большинство проявлений коррупции ускользает от криминологического анализа, поскольку проявления коррупции как социального явления разнообразнее и носят исключительно латентный характер.

В социально-экономических науках, с позиций *неокласического экономического подхода*, в рамках модели «Номо Economicus», хорошо описываются рациональные мотивы поведения коррупционера, увеличивающего свои доходы

с помощью коррупционных практик (Becker 1968; Stigler 1974; Bowles, Garoupa 1997). Для описания коррупционных отношений «принципал-агент» используется *неоинституциональный экономический подход* (Shleifer, Vishny 1993; Fan, Lin, Treisman 2009).

Экономические, рыночно ориентированные подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи – как часть трансакционных издержек (С. Роуз-Аккерман). Если бы государство занимало роль «ночного сторожа» в экономических отношениях, то коррупции было бы меньше. При сильном государственном вмешательстве и регулировании экономических процессов коррупция функциональна и выполняет роль «смазки» для ускорения принятия решений, необходимых бизнесу в целях эффективного хозяйствования.

Исследователи коррупции в рамках *неоинституционального социологического подхода* делают акцент на укорененность коррупционной деятельности, на то, что она включена в соответствующие социальные сети (Sobel 2002; Egbert 2006). «*Менеджерский подход*» объединяет исследования коррупции, которые изучают дефекты функционирования институтов и организаций, связанных с бюрократизмом, а также реформами (Manning, Parison 2004; Miller, Ventura 2004; Macchiavello 2007) [5].

Неомарксистский подход к коррупции трактует ее как основной порок капитализма – социальное явление, порождаемое современным буржуазным обществом, где все на продажу. Коррупция – продукт общества развитых товарно-денежных отношений, широко распространена в странах с развитым рынком, торгово-посредническим или финансовым капитализмом.

Социологический конструктивизм рассматривает коррупцию в рамках субъективистской перспективы анализа

как социальную конструкцию, опираясь на концепцию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Коррупция выступает как социальная конструкция тогда и только тогда, когда она осознается людьми в ходе коммуникаций и обозначается в итоге как сложная, острая, сдерживающая прогресс социальная проблема. Процесс ее конструирования включает рост числа фактов продажности (взяточничества) чиновников и должностных лиц, принимающих решения; криминализацию некоторых форм коррупционной активности.

С. Чибнелл и П. Саундерс, применив конструктивистский подход к анализу коррупции, идентифицировали ее скорее как классификацию поведения, достигнутого в результате коммуникации, нежели качество, внутренне присущее определенному типу поведения. Они продемонстрировали, как интерпретация коррупционного действия может изменяться в зависимости от специфики социального контекста и запаса знаний [10].

Этот оригинальный исследовательский подход не является универсальным, но его эвристический потенциал позволяет увидеть весьма скрытый аспект в природе современной российской коррупции: на конструирование коррупции, распространение и мотивацию коррупционных преступлений оказывают существенное влияние не только объективные социоструктурные факторы, но и социокультурные и психологические детерминанты.

В работах институционалистов убедительно раскрыты социоструктурные модели и причины коррупции, обусловленные чрезмерным вмешательством государства в экономическую жизнь общества. Однако развитые либерализм, демократия и рынок не ведут к исчезновению коррупции. Они лишь снижают уровень бытовой коррупции, усиливая коррупцию бюрократического аппарата и высших эшелонов управления государством, порождая ухищренные формы

взяточничества, фаворитизма, nepoтизма, протекционизма, лоббизма, предоставление преференций и льготных кредитов, выгодных контрактов.

Рискну предположить, что объяснение этой метаморфозы следует искать не только в институциональной, но и социокультурной плоскости. Одна из таких попыток сделана С. Алексеевым в его диссертационном исследовании, где доказывается, что коррупция как «социальное явление – часть культуры населения» [11]. Действительно, культура общества служит наиболее общим механизмом аккумуляции, хранения и передачи не только позитивных, одобряемых в нем способов деятельности, но и негативных – неодобряемых. Среди негативных образцов широко представлены нормы криминальной субкультуры. Очевидно, что субкультура преступной среды «подсказывает» примеры криминального поведения.

С переходом к рынку и вовлечением в предпринимательство активных представителей корпуса «красных директоров», номенклатурного слоя, «теневиков» и преступной среды в новом бизнес-сообществе широкое распространение получают нормы криминальной субкультуры, позволяющие выяснять отношения не в правовом поле, а по «понятиям» на «стрелках». В чиновничество по принципам землячества и личной преданности, «блата» все чаще рекрутируются представители тех или иных кланов, что быстро вытесняет прежнюю номенклатурную бюрократию.

Заметим, что утверждение в ходе реформ норм рыночной культуры конкуренции в российском социуме поощряет массовые установки на достижение финансового успеха. Деньги становятся высшей ценностью. В погоню за богатством устремляются не только предприимчивые дельцы, но и безнравственные чиновники. Многие из них весьма относительно, конвенционально ориентируются на нормы служебной

и деловой этики, особенно когда речь заходит о перспективе незаконного обогащения с минимальными рисками. Неслучайно американский социолог Чарльз Райт Милз описал этот феномен как «структурную безнравственность» в деловом мире [18]. В итоге эти фундаментальные социокультурные сдвиги во многом определяют формирование и распространение в аппарате управления и бизнес-сообществе *субкультуры продажности*, которая санкционирует те или иные практики коррупционного поведения [19].

Как известно, достичь высоких стандартов материального благополучия могут, увы, не все в силу структурных ограничений в рыночном обществе, где представители разных классов имеют ограниченные легальные возможности добиться успеха. Между целью, определяемой культурой конкуренции, и средствами ее достижения возникает напряжение (*strain*), ведущее к их рассогласованию, а следовательно, к аномии, по Р. Мертону (1938).

В условиях рыночного капитализма индивиды выбирают для себя ту или иную модель приспособления для преодоления аномии: от конформизма, при выборе одобряемой культурой цели богатства и законных средств ее достижения, до их полного неприятия (ретретизм) и даже замещения (мятеж). Неслучайно Р. Мертон пишет, что «обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств, становится все более обычным», когда возникает аномическое напряжение и люди выбирают для себя девиантную адаптацию [12, С. 304].

Стрейн-теория получила дальнейшее развитие в трудах девиантологов, и в настоящее время ее модификацию чаще именуют общей теорией напряжения, которая выделяет несколько типов препятствий для достижения определяемых культурой позитивных целей (Д. Эллиот, Д. Гринберг и др.). Согласно стрейн-теории, чиновник – представитель низшего

или среднего класса, как инноватор, стремясь к обогащению любой ценой, может выработать новый способ улучшения своего материального положения с помощью участия в незаконной приватизации, в предпринимательстве, в откатах, в коррупционных сделках, в бизнесе. Да, но как объяснить коррупционное поведение высокопоставленных чиновников, белых воротничков и элиты, которые уже достигли материального успеха и завидного социального положения?

В этом случае познавательный интерес представляют эвристические возможности дискурса вокруг теорий криминальной субкультуры (*subcultural crime theory*). Сторонники субкультурных теорий, как известно, рассматривают происхождение криминальных субкультур в терминах стрейн-теории при возникновении эффекта адаптации по типу инновации. Причем систематическая реализация инновационных девиантных практик позволяет закрепить соответствующую делинквентную норму в субкультуре определенного преступного сообщества. Второй путь происхождения криминальной субкультуры состоит в искажении определенных ценностей доминирующей при капитализме конкурентной культуры, превращая их в субкультурные нормы преступной среды. Описанные алгоритмы вполне объясняют формирование как субкультуры преступности, так и субкультуры продажности в транзитивном российском обществе.

В 1939 году Эдвин Сазерленд, изучавший преступность «белых воротничков» в США, под влиянием идей Г. Тарда сформулировал основные концепты теории дифференциальной ассоциации.

Теория Э. Сазерленда в редакции 1947 года содержит 9 базовых положений. Их суть состоит в том, что «систематическому криминальному» поведению индивиды обучаются в процессе непосредственного, чаще неформального общения с другими людьми, объединенными в криминальные группы

или коррупционные сети. В ходе общения индивид заимствует у членов группы как технику преступления, так и специфику мотивов, стимулов, отношений. Индивид становится делинквентным из-за превалирования в преступной среде определений, благоприятных для нарушения уголовного закона, над определениями, неблагоприятными для девиации. В итоге индивид, интенсивно взаимодействующий с группой носителей криминальной субкультуры, накапливает переизбыток «дифференциальных ассоциаций» с ее негативными определениями и нормами по сравнению со «связями», которые он имеет с носителями антикриминальной культуры.

Под давлением установленных ассоциаций с криминальной субкультурой, даже при законопослушном поведении в прошлом, индивид встает на путь преступлений для удовлетворения своих материальных амбиций и потребностей.

Д. Глейзер в 1956 году предложил процесс дифференциальной ассоциации интерпретировать с помощью концепта «дифференциальная идентификация». По его мнению, в рамках дифференциальной идентификации индивид следует криминальному поведению до тех пор, пока он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми людьми, с чьей точки зрения, его криминальное поведение кажется допустимым. Эти люди могут быть не только представителями преступных сообществ, но и близкими друзьями, успешными в финансовом плане или в плане карьеры, либо референтными группами (кумирами). Д. Кресси в 1979 году уточнил и переформулировал ряд положений теории Э. Сазерленда [13, с. 168–171].

Теория дифференциальной ассоциации была весьма популярной в середине и конце XX века. Она успешно использовалась при объяснении как «обычной» преступности, так и преступности «белых воротничков» и элиты. Однако Сазерленд не смог ответить на вопрос, почему люди имеют те

дифференциальные связи, которые у них есть. В последующем были предприняты новые шаги по развитию теории дифференциальной ассоциации, и Рональд Айкерс, к сожалению, мало известный в нашей стране девиантолог, корректируя теорию Сазерленда, создал свою теорию социального научения (social learning theory) [14].

Теория социального научения Р. Айкерса включает в себя все основные положения Сазерленда. Вместе с тем Айкерс детально уточняет механизмы научения преступному поведению, опираясь на разработки современных ему ученых-бихейвиористов. К понятиям «дифференциальные ассоциации» и «определения закона» им были добавлены концепты «дифференциальное усиление», «имитация» и другие положения, развивающие теорию социального научения.

Концепт «*дифференциальное усиление*» описывает тот факт, что девиантное поведение индивида определяется мерой влияния поощрения или наказания. Будет ли индивид удерживать себя от совершения преступления в настоящем или совершит его в будущем, зависит от прошлых, настоящих и ожидаемых в будущем поощрений и наказаний за эти его действия. Вероятность совершения или повторения деликта возрастает при поощрительном результате или реакции на него, например, такой как получение больших денег, поддержки или иных приятных ощущений. Это *положительное усиление*. Вероятность совершения криминального действия увеличивается, если индивид может избежать нежелательной огласки или репрессивных мер. Это *негативное усиление*. Айкерс описывает модальность ассоциации и усиления. Чем больше значение ассоциации или интенсивность усиления для девиантного поведения людей, тем выше вероятность совершения и повторения криминального действия или коррупционного акта.

Айкерс подчеркивает, что социальное научение являет-

ся комплексным процессом взаимодействий индивида и преступной группы носителей криминальной субкультуры с эффектом обратной связи. Это процесс, в ходе которого складывается баланс усвоенных негативных определений закона по образу «он написан не для нас», имитаций моделей криминального, в частности, коррупционного поведения (взятодатель, взятополучатель) и мер дифференциального усиления (обычно негативного, когда «всегда можно отмазаться или откупиться»), что и обеспечивает в итоге устойчивое делинквентное поведение.

Как видим, предметный каркас теории социального научения Р. Акерса образуют четыре основных концепта: «дифференциальная ассоциация», «определение закона», «дифференциальное усиление», «имитация». Модель процесса научения, предложенная ученым, позволяет точнее описать феноменологию коррупционного поведения индивида, в случае если он дифференцированно ассоциируется с теми, кто придерживается девиантной модели поведения, когда девиантность дифференциально усиливается гораздо больше, чем конформизм, когда его собственные определения закона благоприятствуют девиантным действиям.

Теория социального научения Р. Айкерса эмпирически верифицирована. Она широко используется современными девиантологами при изучении различных должностных преступлений белых воротничков и элиты в западных обществах.

Эмпирическое исследование отношений к взяткам и дачам взяток в среде бизнесменов США позволило установить, что предприниматели со стажем гораздо более терпимо относятся ко взяткам, чем те, кому не хватает опыта в мире бизнеса. Этот факт свидетельствует, что предпринимательская практика способствует приобретению определений, нейтрализующих нормы антикоррупционного законодательства и поддерживающих взяточничество.

Заимствование от вышестоящих, старших, опытных деловых людей субкультурных норм, ориентированных на продажность или подкуп должностных лиц, начинающими или просто молодыми бизнесменами является наиболее важный детерминантой коррупционных преступлений, чем собственно личность индивидуума. Именно лидеры компаний с успешным коррупционным опытом могут своим примером быстро коррумпируют деловых партнеров и чиновников. При выборе в дилемме верность корпорации или верность закону чаще всего выбираются определения в пользу корпоративных интересов, закон же подвергается нейтрализации. При этом процесс социального научения коррупции включает не только технику негативного определения закона и его нейтрализации, но и изоляцию деловых людей путем ротации от законопослушной общественности, что делает их относительно невосприимчивыми к общественной критике и предрасположенными к определениям, благоприятным к нарушению закона [18]. Дифференциальные ассоциации, формирующиеся у потенциального коррупционера, с нормами и моделями девиантности в рамках делинквентной субкультуры продажности ради достижения материального успеха без оглядки на моральные и правовые ограничители, дифференциально усиливают его коррупционную активность.

Таким образом, теории делинквентной субкультуры и социального научения открывают нам один из возможных достаточно эффективных способов понимания природы и специфики коррупции в транзитивном российском обществе как вида негативного девиантного поведения. Опираясь на теоретическое наследие девиантологии, можно вполне адекватно не только оценить феномены современной российской коррупции, но и выдвинуть новые меры по ее противодействию.

Российская специфика коррупции, прежде всего, в том, что субкультурные образцы латентного, успешного, а глав-

ное, безнаказанного казнокрадства и подкупа низам подают, прежде всего, верхи. Об этом свидетельствуют убедительные примеры А. Сердюкова, Е. Скрынник, Т. Голиковой, Р. Панова, Е. Васильевой и других, обеспечивающие путь к финансовому благополучию и продвижению по социальной лестнице. Они широко известны в чиновничьей среде, бизнесе, сфере криминалитета, широких общественных кругах.

Таким образом, успеху антикоррупционной политики в стране могут способствовать не только меры по демократизации общества и развитию политической системы, деbüroкратизации государственного управления, сокращению чиновников и чиновничьего усмотрения при регулировании хозяйственных отношений. Уместно преодоление прогибационизма и двусмысленности в нормативных источниках, регулирующих хозяйственную деятельность предпринимателей. При этом важно разрушить субкультуру продажности, существенно повысить ответственность управленческого аппарата при разрешении подведомственных вопросов. Необходимо установить зависимость служебного поведения чиновников от получения итогового социального пакета при увольнении и выходе на пенсию, реально повысить оплату труда государственных служащих при более строгом контроле их дорогостоящих расходов и приобретений, усовершенствовать систему рекрутирования, подготовки и ротации управленческих кадров. Совершенно необходимо обеспечить неукоснительное соответствие поведения чиновников деонтологическому кодексу государственной службы. И, наконец, в масс-медиа необходима активная пропаганда персоналий и управленческих практик, свидетельствующих об антикоррупционной культуре бескорыстия, преданности делу и служению отечеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. В России разгорелись коррупционные скандалы [Электронный ресурс] URL: <http://www.inopressa.ru/article/19nov2012/nytimes/corruption.html>
2. Волна коррупционных скандалов в России: эксперты говорят об обострении внутриэлитной борьбы [Электронный ресурс] URL: http://www.dp.ru/a/2012/11/13/Volna_korrupcionnih_skand/
3. Эксперты: коррупционные скандалы свидетельствуют о переделе сфер влияния в элите [Электронный ресурс] URL: <http://www.rb.ru/article/eksperty-korrupsionnye-skandaly-svidetelstvuyut-o-peredele-sfer-vliyaniya-v-elite/7052517.html>
4. Хинштейн рассказало коррупционном скандале из-за новой формы МВД. URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/05/uniforms/>
5. Изюмов А.И., Косалс Я.Я. Исследования полицейской коррупции в развитых, развивающихся и трансформирующихся странах как часть проблемы изучения неформальной экономической деятельности полиции // Экономическая социология. Т. 11. 2010. № 2. URL: <http://www.ecsoc.hse.ru>
6. В российских новостях доминируют коррупционные скандалы. URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20121203/202913945.html>
7. Панов В. Жулики без границ. Почему Запад перестал реагировать на коррупционные скандалы в России. URL: http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/zhuliki_bez_granic_676.htm
8. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
9. Коррупция в Татарстане: где берут больше всех? URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/74222/>
10. Быстрова А., Сильвестрос М. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Sociolog/Article/bystrova_a_

silvestros_m_fenomen_korrupsii_ne_issledovatelskie_podhody_elektronnaya_sotsiologii.php

11. Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-197032.html>

12. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1996.

13. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2006.

14. Akers R. Criminological Theories: Introduction and Evolution. Los Angeles, 1997.

15. В Новгороде задержан первый заместитель губернатора Арнольд Шалмуев. URL: <http://www.1tv.ru/news/crime/230039>

16. Путин обязал чиновников закрыть счета за границей 03.04.13. URL: <http://www.nr2.ru/moskow/432171.html>

17. Schmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999.

18. Conklin J.E. Criminology. 4th ed. N.Y., 1989.

19. Комлев Ю.Ю. Феноменология российской коррупции с позиций теории социального научения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1.

Рестриктивный социальный контроль: основные положения и перспективы минимизации девиантности подростков и молодежи в транзитивном обществе¹

Проблематика социального контроля над массовым социально опасным и личностно деструктивным девиантным поведением в современном обществе – объект постоянного внимания исследователей: криминологов, социологов, психологов. Социальный контроль над такими проявлениями

¹ Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3. С. 80–85.

девиантности, как преступность во всех ее проявлениях, алкоголизм, наркотизм, проституция, гемблинг и суицидальное поведение, приобретает статус чрезвычайно актуальной научно-практической проблемы, особенно в контексте обеспечения общественной и личностной безопасности в транзитивном российском обществе. Теоретическая, прикладная и социальная значимость совершенствования социального контроля заметно возрастает в условиях гиперполяризации социальной структуры, что во многом определяет процессы социального исключения и девиантизации.

Как известно, в экономически развитых странах основу модели социального неравенства по критерию дохода составляет средний слой. В современных кризисных условиях средний слой размывается, образуя бимодальную структуру, поскольку постепенно уменьшается число семей со средними доходами, сокращается доля получателей пособий по программам социальной поддержки или уэлфера (welfare – благосостояние). При этом наблюдается рост доходов топ-менеджеров и гонораров звезд шоу-бизнеса (босов). Однако поляризация структуры общества на высший слой сверхбогатых «включенных» и значительные массы «новых бедных» – «исключенных» из социальных перспектив происходит постепенно путем снижения реальных доходов из-за инфляции, роста потребления за счет накоплений, кризиса кредитования, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности.

В России на рубеже XXI века произошло стремительное обнищание и «исключение» больших масс населения как результат шоковой терапии по Гайдару и приватизации по Чубайсу, а также череды последовавших рыночных реформ, образования олигархии и государственно-бюрократического капитализма в условиях транзита от командно-распределительного социализма. В неоднородной и сверхполяризован-

ной социальной структуре российского общества, несмотря на реформы, и сегодня доминирует низший слой. Процессы поляризации и исключения в транзитивном обществе продолжаются: в нашей стране бедные беднеют все больше, богатые становятся все богаче, пропасть между богатством и бедностью становится все глубже. Чем дальше от столиц продвигаешься в глубинку, тем более заметны следы этих перемен. Поляризация общественной структуры порождает множественные предпосылки детерминации негативной девиантности, осложняет ситуацию с социальным контролем и общественной безопасностью, особенно в ювенальной среде.

«Исключенные» подростки и молодые люди – основа социальной базы негативной девиантности в транзитивном российском обществе. Они нередко оказываются беспризорными, бездомными, все чаще совершают не только акты уличного хулиганства, обычные кражи, но и более латентные социально опасные преступления, акты вандализма и экстремизма, преступлений на почве ненависти и ксенофобии. Многие из этих деликтов остаются латентными, но даже регистрируемая преступность убедительно свидетельствует о кризисе социального контроля над негативной девиантностью в молодежной среде. Феноменология кризисных явлений в сфере социального контроля, не сдерживающего преступность, чаще всего именуется криминологами как «кризис наказания» (Т. Матисен, Н. Кристи и др.).

В сообществе «исключенных» без эффективного социального контроля существенно сужается сфера конструктивной активности молодых людей и наряду с «прерывистыми» девиантными карьерами растет риск карьер «интенсивных» на пути рецидивизма и профессионализации преступности. Неслучайно самый высокий процент рецидивной преступности фиксируется в возрастной группе от 22 до 24 лет. Так, по статистическим данным МВД России, при общем сниже-

нии объема преступности в стране количество рецидивных преступлений в 2010 году возросло на 40%. В структуре рецидивных преступлений половину составляют тяжкие и особо тяжкие, более 60% от всей рецидивной преступности приходится на кражи, грабежи, разбои и хулиганство – составы, создающие наибольшие угрозы для личной и общественной безопасности¹.

Наряду с криминальным поведением получают все более массовое распространение саморазрушающие формы девиантности в молодежной среде: алкоголизм и наркотизм, а также гемблинг (игромания). Начиная с 1990 года, наркотизация в России, по оценке С.Г. Олькова, стала развиваться с ускорением по экспоненциальному закону. По статистическим данным, уровень заболеваемости наркоманией среди подростков в нашей стране приблизительно в 2 раза выше, токсикоманией – приблизительно в 8 раз выше, чем среди населения в целом. При этом многие отечественные исследователи фиксируют продолжающееся «омоложение» наркопотребления (Е.А. Кошкина, Н.А. Сирота, 2001; Ю.Ю. Комлев, 2005; М.Е. Позднякова, 2007).

Изменить девиантную биографию, встать на путь исправления в условиях ригористичного российского менталитета, «кризиса наказания», определенной дисфункциональности институтов социализации и социального контроля для многих молодых – перспектива из числа маловероятных.

Как известно, «кризис наказания» в российских условиях был усилен возросшей дисфункциональностью правоохранительных органов в обществе разделенном на включенных и социально исключенных, о чем убедительно свидетельствуют «синдром Евсюкова», «новый казанский феномен в ОМ «Дальний»», и многие другие системные сбои в работе

¹ Петров И.В. В России резко выросло количество рецидивных преступлений // RBCDAILY от 30.03.2011. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708>

правоохранительных органов по обеспечению общественной и личной безопасности. Дисфункции ОВД заявили о себе в отчуждении органов правопорядка от местных сообществ, общества в целом; в утрате общественного доверия к правоохранительной деятельности; в отсутствии гражданского контроля на местах за соблюдением законности и правопорядка; в коррумпированности определенной части рядового и начальствующего состава; в гипертрофированной централизации и бюрократизации управления МВД.

Вступление в силу ФЗ (2011) «О полиции», ФЗ (2011) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», принятие других нормативно-правовых актов, разработка проекта ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», выдвижение предложений по дальнейшему реформированию МВД в формате «Дорожной карты» во многом определяют социально ориентированный вектор и концептуально-правовые рамки реформы ОВД как ключевого института социального контроля.

Вместе с тем реальная практика правоохранительной деятельности все еще остается в прежнем русле: реактивно-репрессивные меры в отношении, прежде всего, социально исключенных доминируют над превентивными формами контроля. Несмотря на некоторое снижение в последние годы, по данным Росстата, преступности несовершеннолетних, доля возрастной группы от 14 до 30 лет в структуре лиц, совершивших преступления, остается чрезвычайно высокой. В частности, по данным Татстата, он стабильно составляет около 50%. Причем на фоне общего снижения регистрируемой преступности по стране в целом и республике Татарстан в частности сохраняется высокая доля рецидивизма в подростково-молодежной среде. Словом, «кризис наказания» продолжается.

В современных условиях большинству российских девиантологов очевидно, что проблематика социального контроля над негативной девиантностью в транзитивном российском обществе нуждается в основательном научном анализе, в движении новой «сумасшедшей», по выражению Я.И. Гилинского, теории девиантного поведения и социального контроля¹.

На кафедре философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России в течение достаточно продолжительного времени, с 1999 по 2010 гг. плодотворно проводились эмпирические исследования специфики и масштабов нормонарушающего поведения в молодежной среде, связанного с употреблением психоактивных веществ, наркотиков, алкоголя и совершением деликтов. Наряду с эмпирическим обобщением девиантологической фактологии в рамках интегративной перспективы анализа был выполнен теоретический синтез, в результате которого постулированы основные положения теории рестриктивного социального контроля (ТРСК) над негативной девиантностью в среде подростков и молодежи.

Основные методологические предпосылки, определившие концептуализацию рестриктивного социального контроля, состоят в следующем:

1. Как известно, в мировой и отечественной девиантологии принято исходить из ряда фундаментальных положений: об отрицательной и положительной девиантности; о релятивности, сконструированности, дополнительности социальных норм и девиаций; о функциональности девиантного поведения; о социальном контроле как совокупности средств и методов воздействия общества и государства на негативные формы девиантности с целью их минимизации.

¹ См.: Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2007.

2. В современной девиантологии и криминологии широко используется теоретическая интеграция. Сторонники интегративного подхода полагают, что важнее сосредоточиться на различных, дополняющих друг друга, аспектах девиантности и контроля. По мысли Г. Барака, в современной криминологии необходимо развивать «интегральную парадигму» [1, р. 218].

3. Цель теоретической интеграции состоит в выявлении общности положений двух и более теорий для того, чтобы произвести их синтез в единую переформулированную теоретическую модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории. Теоретическая интеграция обычно опирается на продуманные варианты совмещения двух или более тесно связанных между собой теорий. А. Лиска в 1989 году выделил и описал такие типы теоретической интеграции, как концептуальная, пропозициональная, одноуровневая, перекрестная¹. Концептуальная интеграция представляет собой тип синтеза, когда объединяются понятия, положения из одной и другой теорий, которые частично совпадают по своему значению. Пропозициональная интеграция связывает дополняющие друг друга утверждения из различных теорий. Одноуровневая интеграция предполагает объединение либо только микротеорий, либо теорий макроуровня. Перекрестная интеграция характеризует синтез структурных и процессуальных теорий.

4. В зарубежных научных источниках широко представлены различные варианты перечисленных выше типов теоретической интеграции, разработанные в 70–90-е годы XX века. Примерами концептуальной интеграции являются: теория «концептуального поглощения» Р. Айкерса, теория «концептуальной интегративной рамки» Ф. Пирсона и

¹ Liska A.E. Strategies and requisites for theoretical integration in the study of crime and deviance // *Theoretical Integration in the Study of Deviance and Crime*. Albany: State University of New York Press, 1989. P. 1–20.

Н. Уейнера. Д. Эллиот, М. Крон, Г. Каплан, Т. Торнберри, Ч. Титтл, А. Лиска разработали пропозициональные интегративные модели. В 90-е годы над проблемами теоретической интеграции работали Т. Миф и Р. Меер, а также Б. Татум и Г. Барак. Одной из первых в России синтетическую теорию преступности и девиантности на объединительной основе концепта социальной несправедливости предложила Т.В. Шипунова.

Исходя из зарубежного и отечественного опыта построения теорий социального контроля и девиантного поведения, обобщая оригинальный эмпирический материал, используя методологические принципы дополнительности, полицептуальности, ТРСК концептуализируется как открытая методологическая рамка (framework)¹. В ее состав отбираются непротиворечивые и дополнительные концепты ряда моно-теорий социального контроля на трех уровнях социального сдерживания: институциональном, групповом и личностном. Прежде всего, это положения из профилактической концепции контроля Т. Парсонса, теорий сдерживания У. Реклеса, теории связей Т. Хирши и теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши. Опыт интеграции теоретических знаний на трех уровнях в моделях контроля представлен в работах Г. Барака, где он подчеркивает возможность объединения культурного взаимодействия индивидов, социальную экологию и взаимоотношения институтов².

В рамках ТРСК на институциональном уровне для определения механизма сдерживания предлагается исходить из парсоновского положения о том, что в реальности ни одна социальная система не бывает в состоянии совершенного равновесия. Факторы, мотивирующие девиацию, действуют всегда, и они настолько стабильны, что их невозможно пол-

¹ Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

² Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon. 1998. P. 286.

ностью устранить из мотивационной системы акторов. Механизмы социального контроля не элиминируют эти факторы, а приводят лишь к ограничению последствий их действия, обеспечивают восстановление равновесия с помощью противодействующих девиантности сил. Отсюда, при моделировании профилактического противодействия негативной девиантности, следует учитывать как функциональное, так и дисфункциональное состояние институтов социализации.

На групповом уровне контроля акцент делается на положении из теории Т.Хирши о силе социальных связей, которые ориентируют индивида на модель конформного поведения при реализации специфических условий сдерживания ювенальной девиантности (привязанность, приверженность, вовлеченность, убежденность). Теоретико-эмпирическую ценность здесь представляет такое условие сдерживания, как вовлеченность в социальные контакты с группой. При этом вовлеченность следует рассматривать с двух сторон: во-первых, как проявление социальной связи с группой негативных девиантов, а во-вторых, связь с группой, в которой нормой является конформное поведение или нормы ориентированы на творческий процесс и позитивную девиантность.

На личностном уровне контроля интегрируется положение из теории самоконтроля М. Готфредсона и Т. Хирши, которое подчеркивает профилактическую роль эффективного самоконтроля как генерального фактора в механизме сдерживания девиантности. Из теории У. Реклесса абсорбируются положения о «внешнем» и, особенно, «внутреннем» сдерживании факторов девиантности. При этом положение о позитивной Я-концепции (самоконтроль, стойкость, самооценка, развитие «эго» и «суперэго», целеустремленность, правосознание и рационализм – ориентация на цель и приверженность нормативному поведению) дополняется концептом о негативной Я-концепции (неразвитый са-

моконтроль, нестойкость, низкая самооценка, неразвитые «эго» и «суперэго», отсутствие целеустремленности, низкие правосознание и рационализм). Тем самым социализация рассматривается как со знаком плюс (нормативная), так и со знаком минус (девиантная).

Выделенные выше в открытую к развитию методологическую рамку переформулированные и дополненные положения существующих теорий контроля интегрированы вокруг концепта «рестрикция» (ограничение). Его суть состоит в том, что открытый, но конечный набор разнонаправленных социальных ограничений определяет: характер функционального и дисфункционального состояния институтов социализации, их социальную эффективность; специфику социальных связей и вовлеченность индивида в группы негативных девиантов или конформистов, направленность социализации и формирования индивидуальной Я-концепции. Варьируя конечным числом ограничений различной направленности на выделенных уровнях контроля можно усиливать или ослаблять эффект социального сдерживания (противодействия) негативной подростково-молодежной девиантности, создавать социальные условия и предпосылки для перевода активности подростков из деструктивного в конструктивное русло (конформизм и позитивную девиантность).

Таким образом, теория рестриктивного социального контроля ориентирована на контроль и превенцию, прежде всего, подростково-молодежной девиантности. Рестриктивная концепция позволяет структурировать наборы разнонаправленных ограничений и варьировать их по количеству и направленности действия. При этом набор ограничений, который создает препятствия для развития дисфункций институтов социализации, следует оптимизировать в сторону увеличения. Например, в современных российских условиях существует острая необходимость в нейтрализации та-

ких дисфункций институтов массовой коммуникации, как тематизация криминала и насилия (проявляется в доминирующем прокате фильмов с показом криминальных сцен насилия, агрессивного поведения и жестокости), «наркотизация» эфира (заявляет о себе как рост массовой апатии и инертности, как переход от «активного участия к пассивному знанию») и др. По мысли теоретика интегративного подхода Г. Барака, без ограничений и цензуры над жестокостью и насилием в фильмах и на ТВ не обеспечить выживания молодежной среды¹. Типичными ограничениями указанных дисфункций СМК могут быть сокращение времени и мест просмотра, объема телевизионных передач с элементами насилия. Подобные ограничения создадут предпосылки для снижения вероятности интериоризации образцов криминального досуга и поведения, увеличат время на занятия какой-либо конструктивной деятельностью.

Набор ограничений, которые дезорганизуют функциональность масс-медиа, наоборот, следует минимизировать. Уменьшение препятствий по реализации таких функций, как корреляционная связь (объяснение, интерпретация и комментирование значения событий и информации; социализация; координация различных форм социальной активности; обеспечение общественного порядка и согласия) и обеспечение преемственности (выражение образцов доминирующей культуры, укрепление и поддержка общих социальных ценностей), существенно повышает функциональность СМК. Иначе говоря, в сетке вещания программы с позитивной функциональной нагрузкой должны занимать лучшее эфирное, а не ночное время.

Набор ограничений на групповом уровне, который препятствует вовлеченности подростка в сомнительную уличную компанию, также необходимо оптимизировать в сто-

¹ Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon. 1998. P. 272.

рону увеличения. Это может быть переезд в другой район, каникулы в деревне или другом городе, отдых с родителями и т.п. Те ограничения, набор которых расстраивает конструктивную вовлеченность подростка в группу с конформным поведением или с нормами, ориентированными на творческий процесс и позитивную девиантность, следует минимизировать. Можно уменьшить препятствия для активности инициативных групп, объединенных конструктивными, познавательными или созидательными целями, или уличных футбольных, хоккейных и иных команд, создающих основу массового спортивного движения.

На уровне индивида также существенная роль принадлежит увеличению числа ограничений, которые препятствуют формированию негативной Я-концепции и девиантной социализации. Без выстраивания воспитательных и иных барьеров на пути формирования педагогически запущенных детей трудно рассчитывать на потенциал самоконтроля. Минимизация набора ограничений, которые стоят на пути формирования позитивной Я-концепции и нормативной социализации, устраняя чрезмерную опеку, а также условия, которые формируют «домашних мальчиков», не готовых к житейским трудностям, повышает вероятность нормативной социализации и развитого самоконтроля.

Эффективное противодействие негативной девиантности в подростково-молодежной среде трудно представить без комплекса рестриктивных мер. Среди них: структурные преобразования в обществе, направленные на рестрикцию процессов его поляризации; реализация сильной социальной и молодежной политики по ограничению бедности и подавлению процессов социального исключения, рестриктивные меры по обузданию наркотизма и алкоголизма; политика элиминации запретов и ограничений, сдерживающих конструктивную занятость подростков и молодежи в спор-

тивно-досуговой, творческой и профессиональной сферах. Теоретическая концептуализация и практическое использование рестриктивных мер – один из возможных, перспективных путей совершенствования социального контроля и противодействия девиантизации подростково-молодежного сообщества в транзитивном российском социуме.

Ряд выдвинутых рестриктивных положений прошли определенную эмпирическую апробацию в рамках исследовательских проектов по противодействию наркотизму подростков и молодежи в Республике Татарстан. Некоторые из них в сфере общественной безопасности, безопасности дорожного движения, в работе СМИ, торговых организаций, рекламодателей были реализованы на практике в 2005–2012 годы и подтвердили свою жизнеспособность. Другие элементы рестриктивной теории контроля еще предстоит подвергнуть оценке на эмпирическую обоснованность.

«Преступления без жертв» и подростково-молодежный наркотизм: проблемы и перспективы социального контроля (зарубежный и отечественный опыт)¹

Американский социолог Эдвин Шур в 1965 году использовал термин «преступление без жертв» для обозначения второстепенных деликтов, связанных с незаконным использованием наркотиков и проведением аборт, гомосексуализмом, вовлечением в гемблинг и проституцию. Наркопотребители, проститутки, действуя по собственной воле, на свой страх и риск, покупают для потребления наркотики

¹ Сб. материалов XVI международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и незаконного оборота наркотиков». Красноярск: Сиб. ЮИ ФСКН России, 2013. С. 174–178.

или торгуют своим телом. Они не обращаются в полицию с иском о совершенном преступлении. Отсюда формально нет и жертв преступлений. Вместе с тем армия торговцев наркотиками и наркопотребителей (в низовом звене это, как правило, один и тот же субъект), «жриц любви», жертв «одноруких бандитов» в значительной степени латентна, многочисленна и склонна к экспансии.

Сегодня метафора «преступление без жертв» обозначает отнюдь не второстепенную, а весьма сложную и опасную по своим многогранным социально-правовым и медицинским последствиям проблематику наркотизма, наркопреступности и вовлечения в наркотизацию большого числа подростков и молодежи. Так, федеральные виктимологические опросы в США показывают, что около 11% из 22 миллионов подростков постоянно употребляют наркотики (в основном марихуану, а также кокаин, ЛСД и другие галлюциногены). Потребление наркотиков среди 12–17-летних американцев повысилось более чем в два раза по сравнению с 1992 годом [1]. При этом, как свидетельствуют опросные данные, рост наркопотребления коррелирует со снижением в массовом сознании молодежи ощущения опасности экспериментов с наркотиками. Об этом убедительно свидетельствуют выдержки из открытых высказываний: «выпивка? – она мне не повредит», «героин? – я смогу с ним справиться», «табак, марихуана – это не опасно».

Аналогичные установки были зафиксированы автором в ходе опросов подростков и молодежи в Татарии в 2002 году (опасность одноразового употребления наркотиков разделяли только 43% опрошенных). При этом общий уровень наркотизации подростково-молодежной среды, включая случайное наркопотребление, достиг в регионе в тот период исторического максимума (26% относительно всей популяции 14–29-летних).

Несмотря на усилия полицейских сил в США, России и других странах, наряду с растущим спросом на наркотики, медицинскими, социальными, правовыми последствиями наркопотребления, существует проблема доступности наркотиков в молодежной среде. Данные опросов свидетельствуют, что и в «штатах», и многих российских регионах двое из троих учащихся от 12 до 17 лет говорят о той или иной мере доступности запрещенных наркотиков. Закон должен «прижать каблуком наркодельцов», но в сети полиции и правосудия, как правило, «попадает мелкая рыбешка». Отсюда и американский (Дж. Конклин, Л. Тоунсен и др), и российский опыт (Я. Гилинский, М. Русакова) показывает, что при рассмотрении большинства уголовных дел меры осуждения принимаются в отношении мелких сбытчиков и наркоманов. Акулы наркобизнеса практически неподсудны. При этом торговля наркотиками продолжает приносить им огромные доходы. Нелегальный наркобизнес (Л. Тимофеев) развивается в полном соответствии с рыночной логикой, на основе экономического закона соответствия спроса и предложения.

Репрессии, создавая риски и высокие издержки для наркодиллеров, поддерживают высокие цены на наркотики и не сдерживают наркотизм. «Преступления без жертв», связанные с наркопотреблением, в структуре незаконного оборота наркотиков (хранение, ношение, перевозка, продажа), наряду с социальными условиями (нужда, недоступность медицинской помощи и др.), во многом порождают вторичные преступления наркоманов (разбои, кражи, мошенничество, вовлечение в проституцию). Исследования показывают, что вторичная наркопреступность – следствие, прежде всего, высокой цены на нелегальные наркотики. Это основной источник денежных средств для приобретения наркотиков с целью личного потребления.

Органы полиции выстроены в США и России в целом по

military model и реализуют преимущественно реактивно-репрессивный социальный контроль над наркопреступностью. В итоге борьбы полицейских сил с производством, импортом и распространением наркотиков снижаются поставки и доступность наркотиков – предложение падает. Однако спрос на наркотики остается неудовлетворенным и цены на них начинают расти до отметки, когда на черном рынке наступает равновесие между спросом и предложением. Рост цен на наркотики при отсутствии реальной альтернативы в виде доступного по цене лечения наркозависимости, в том числе, в форме замещающей терапии заставляет наркоманов активнее участвовать во вторичной наркопреступности.

Реализация репрессивно-запретительной антинаркотической политики и смещение акцентов в сторону арестов, судебного преследования и лишения свободы наркоманов, мелких дистрибьюторов от наркобизнеса ставит много дискуссионных вопросов и не является единственным направлением в противодействии наркотизму. Увы, только репрессивными мерами в «свободном мире» в эпоху глобализации сбить волну наркотизации еще никому не удавалось. Отсюда активно дискутируется альтернативный либеральный дискурс в антинаркотической политике, ориентированный на легализацию наркотиков и декриминализацию антинаркотического и уголовного законодательства. Доводы либеральных теоретиков антинаркотизма сводятся к тому, что: в свободном обществе людям разрешено делать все, что они захотят, до тех пор, пока это не приносит вреда окружающим; наркотики не наносят вреда никому, кроме тех, кто их употребляет; запрет на наркотики чрезвычайно увеличивает их рыночную стоимость, и она становится причиной вторичной, особенно уличной, преступности; легализация наркотиков ведет к уменьшению уровня вторичных преступлений и сокращению других видов «порока», «преступлений без жертв», та-

ких как проституция, порнография, гемблинг; легализация наркотиков снизит уровень коррупции и повысит доходы государства, по аналогии с налогообложением оборота алкоголя и табака. Однако рафинированный либеральный вариант имеет немало противников в американском и российском истеблишменте, научной и полицейской среде. Они указывают на аморальность и социальную безответственность этого проекта, высокую цену, которую общество рискует заплатить за снятие запретов и ограничений в области наркооборота.

Россия в борьбе с наркотизмом, наркотрафиком и наркопреступностью во многом следует по пути Соединенных Штатов. Однако в современной Америке все чаще звучат критические голоса относительно бесперспективности усиления «войны с наркотиками» (War on Drugs). И национальная Комиссия США по уголовной юстиции предлагает ограничить «войну с наркотиками», сокращая последствия полицейской активности за счет усиления медицинской помощи и развития социальных программ профилактики наркотизма в школьной среде [1; 2].

Интерес для отечественной науки и практики представляют не только зарубежные программы медиализации, но и предложения, ориентированные на подавление спроса на курительные смеси, наркотики и сужение социальной базы наркотизации подростков и молодежи профилактическими средствами. Анализ содержания и практики образовательных, воспитательных, спортивных программ, антинаркотических компаний в СМИ, раскрывающих вред и опасность наркотиков, ратующих за здоровый образ жизни молодого поколения, показывает, что их эффективность растет при целевом, адресном использовании в условиях роста благосостояния значительных слоев общества.

Конструктивный антинаркотический опыт на основе компромиссных моделей антинаркотизма, ориентированных в

первую очередь на подавление спроса на наркотики, а затем предложения, то есть ставящих во главу угла приоритет превенции над репрессией, успешно реализуется в Швеции, Греции, Франции и других европейских странах.

Определенный опыт антинаркотической работы, реализованный в рамках компромиссной рестриктивной (ограничительной) теории и соответствующей практической модели социального контроля над наркотизмом, был накоплен и в России, в частности в Татарстане, с 2002 года по настоящее время [3; 4; 5]. Применение рестриктивных мер оказалось весьма продуктивным при адресном подавлении спроса на наркотики в подростково-молодежной среде.

В рамках целевых республиканских программ были успешно реализованы задачи ограничения мест и времени продаж алкоголя, антинаркотического просвещения молодежи в школах, вузах и антинаркотической пропаганды, а также социологического мониторинга наркоситуации. В итоге по репрезентативным опросам опасность даже одноразового употребления наркотиков к концу 2005 года разделяли почти 57% опрошенных подростков и молодых людей. При этом общий уровень наркотизации подростково-молодежной среды, включая случайное наркопотребление, снизился до 20% относительно всей популяции 14–29-летних. В регионе активизировалась борьба с наркодиллерами уголовно-правовыми средствами. Падение спроса на наркотики было сбалансировано снижением его нелегального предложения, наркоситуация стабилизировалась.

Опыт реализации рестриктивных мер весьма продуктивен при противодействии наркотизму и другим проявлениям «преступности без жертв» в подростково-молодежной среде. Он может быть рекомендован для изучения, анализа и реализации в других российских регионах.

Литература

1. Conrlin J. Criminology. N.Y., 1992.
2. Shmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999
3. Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003.
4. Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково-молодежной среды. Казань: ЗАО «Новое знание», 2005.
5. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

Постмодернистская криминология: интегративный дискурс¹

Постмодернизм как особый стиль социологического воображения и теоретизирования, методология познания социальных проблем, в том числе преступности, – детище второй половины XX века. Творцы и последователи постмодернизма в общественном знании – французские философы Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, британский социолог З. Бауман.

Постмодернизм отражает переход общества от эпохи модерна к состоянию постмодерна, от классовой структуры к обществу фрагментарного, мозаичного типа. Экономика постмодерна больше ориентирована на производство идей, знаний, информации, на оказание услуг для удовлетворения индивидуальных потребностей и массового консьюмеризма, на производство новых высоких технологий.

Постмодернизм возник как реакция, рефлексия на кризис

¹ Преступность в регионах России: общее и особенное // Вестник КЮИ МВД России. 2013. Спецвыпуск. С. 159–163.

науки и практики эпохи модерна, на социальные изменения в поздних индустриальных и постиндустриальных обществах, когда наблюдается обострение многих социальных, техногенных, экологических проблем, когда при резком увеличении неопределенности социальных явлений становятся очевидными их проявления, связанные со случайностью, многовариантностью, альтернативностью.

Модернистская или позитивистская наука, как известно, опирается на убеждение о том, что в мире существуют объективные явления, которые могут быть обнаружены через изучение причин. Модернизм рассчитывал на постижение истины и позитивное преобразование несовершенной действительности: искоренение невежества, развитие демократии, обеспечение свободы, правосудия, хорошей жизни и процветания. Посредством позитивной науки модернизм вселял надежду на уничтожение голода, бедности, преступности. Он приравнивал социальные изменения к прогрессу, который увеличивает контроль над природой и обществом. Однако реальность XX века с его войнами, разрушениями, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами развенчала иллюзии прекрасного модерна.

Постмодернизм проблематизирует представления о современной преступности, порядке, контроле и власти в обществе. В рамках постмодернистского подхода ни социальные науки в целом, ни девиантология и криминология в частности не содержат никаких основополагающих объяснений или универсальных законов конформного и девиантного поведения, а лишь вводят в заблуждение, что требует отказа от позитивистских моделей или их пересмотра.

Применение всеобъемлющих социальных теорий, традиционной позитивистской методологии, созданных в эпоху модерна, для исследования размытых, во многом эфемерных, постоянно ускользающих, диффузных социальных

реалий, в том числе преступности, зачастую неэффективно. Позитивистская криминология оказалась в методологическом кризисе из-за неспособности в силу ограниченности монотеорий и методологии предсказать рост масштабов и дифференциацию форм *преступности, в том числе ее старых (терроризм, беловоротничковая преступность, коррупция и др.) и тем более новых форм: кибер- и гэнгстерства, хакинга, фрикинга и др.*, предложить адекватные социальным изменениям модели социального контроля.

Альтернативная постмодернистская логика анализа девиантности и преступности характеризуется как новый тип теоретизирования, открытый не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Криминологический постмодернизм – это новые методологические подходы и теории. Криминологи-постмодернисты используют дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие подходы¹.

По сути, постмодернизм в криминологии представляет собой экстериоризацию той части социального опыта, который не выражен институциональными средствами и структурами современного общества. Он больше имеет дело с социальной коммуникацией, дискурсами, делая их центральными категориями постмодернистского типа мышления. В рамках постмодернизма виртуальная, сконструированная социальная реальность преступности (симулякры и симуляции, по Ж. Бодрийяру) детерминирует реальность объективную.

Постмодернистская криминология активно формируется в 80-е, 90-е годы на исходе века в работах Б. ДиКристина, Э. Янг, Д. Миловановича, С. Генри, Г. Барака не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского

¹ Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

анализа девиантности и преступности с такими интригующими названиями, как: *конститутивная, феминистская, критическая, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии*. Постмодернистская криминология – это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна.

Позитивистские теории предполагают объяснение причинного комплекса в рамках линейных однофакторных, многофакторных и нелинейных вероятностных моделей и, следовательно, не вполне реалистично моделируют объект исследования применительно к неопределенным, динамичным, многовариантным проявлениям преступности. В результате и предлагаемые меры по совершенствованию социального контроля также не вполне адекватны современным реалиям.

Большинство постмодернистских подходов в криминологии являются деконструкционистскими, поскольку они бросают вызов вполне эффективным в традиционном понимании теориям преступности, переосмысливают и разоблачают их несостоятельность в новых условиях и выдвигают новые замещающие теоретические конструкции, более релевантные обществу постмодерна¹. Так, например, Брюс ДиКристина предложил свой вариант деконструкционистского подхода под названием «анархическая криминология»². Его теория охватывает альтернативные методы и эпистемологию, поддерживает символически реконструированные решения социальных и криминальных проблем.

Различные варианты постмодернистской криминологии конструируют и деконструируют социальные нормы, девиантность, преступность, социальный контроль, рассматри-

¹ Shmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 562.

² DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer. Harrow and Heston. N.Y., 1995.

вая их в предельно широком социокультурном, интегральном контекстах.

Криминолог-постмодернист феминистского направления Э. Янг в работе «Образ преступления: человек, объявленный вне закона, и криминальные беседы» (1996) переосмысливает криминологические тексты, предлагая «прочитать криминологию не криминологически», проводит дискурсивный анализ, исследует роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения¹. Она исследует проблематику одиночества в жизни женщин и семьи, поднимает вопросы ответственности родителей за девиантность детей, постмодернистски «прочитывает» и «реконструирует» тему СПИДа.

Другой вариант постмодернизма в криминологии представлен в работе Драгана Миловановича «Криминология постмодерна» (1997). Преступность и контроль над ней рассматриваются им как релятивные, взаимосвязанные, социальные конструкты, динамичные и диалектические явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

Преступность в постмодернизме – рекурсивная продукция, поскольку люди создают себя и собственный мир через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации. Посредством языка и символических представлений они идентифицируют отличия, определяют категории, участвуют в социальном конструировании порядка или преступности. При этом человек не только формирует действительность, но и сам изменяется под ее влиянием. Другими словами, преступность рекурсивна – это однообразные действия, которые стали частью исторического и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве.

¹ Young A. *Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations*. Sage Publications, 1996.

Преступность, согласно постмодернистским воззрениям, интегральная часть общества, результат совокупного воздействия всех его элементов (в модернизме и позитивизме – это следствие лишь ряда причин). Она вызвана социальной структурой и идеологией, разделяющими отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии¹. Следовательно, и преступник, и его жертва – результат неравного распределения и влияния власти, то есть структурированного неравенства.

Постмодернистская криминология – объект постоянной критики со стороны позитивистски ориентированных криминологов. Очевидно, что постмодернистскую криминологию воспринимают отнюдь не все ученые. Неслучайно, ее положения не находят отражения во многих монографиях, учебниках и пособиях по изучению дисциплины. Постмодернистская наука находится в оппозиции к традиционной криминологии, и ее критикуют обычно за релятивизацию знаний, отказ от позитивистских методов исследования, разрушение традиционных положений и реконструкции, за смешение подходов и контекстов, за трудности эмпирической проверки основных понятий и положений.

Между тем в результате полемики модернистов и постмодернистов в современной западной криминологии сформировался новый интегративный дискурс, а затем и постмодернистская интегративная теоретическая перспектива анализа преступности, практически неизвестная отечественным специалистам.

Теоретическая интеграция определяется Рональдом Айкерсом как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулиро-

¹ Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.: Garland Publishing, Inc., 1997.

ванную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий¹.

Модернистская криминология создала ряд интегративных теорий. Среди них: сетевая теория М. Крона, теория концептуального поглощения Р. Айкерса, теория концептуальной интегративной рамки Ф. Пирсона и Н. Уэйнера, интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота и др. Позитивистские интегративные теории описаны в работах Я.И. Гилинского, Ю.Ю. Комлева и др.²

Применительно к быстро меняющемуся современному обществу и профилю характерной для него преступности модернистские интегративные теории, опирающиеся на позитивистское понимание причинности (если x , то y), теряют свою адекватность в новых условиях.

Постмодернистская криминология выдвинула варианты теоретической интеграции, учитывающие диалектическую взаимосвязь причины и следствия (множественная интерактивная причинность, когда если x , то y , и, наоборот, если y , то x). Генри и Милованович наряду с *модернистской* и *постмодернистской* интеграцией выделили еще и *гибридную (смешанную)*, сочетающую положения и методы, созданные в рамках модернизма (принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (постмодернистский реконструкционизм).

В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г.

¹ Akers R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 205–206.

² Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007; Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. 2-е изд. перераб. и доп. Казань: КЮИ МВД России; Комлев Ю.Ю. Теория ре-
стриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках постмодернизма могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма¹.

Разработка постмодернистских интегративных теорий началась в 90-е годы американскими криминологами Робертом Сэмпсоном и Джоном Лаубом, Брайеном Вилой, Брюсом Арриго, Греггом Бараком.

Основные идеи постмодернистской интеграции находят отражение в *теориях жизненного пути, эволюционно-экологической, интегративной теории Б.Арриго, теории преступности как структурированного действия, интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции.*

Интегративная теория жизненного пути. Роберт Дж. Сэмпсон (р. 1956) и Джон Х. Лауб (р. 1953), совершенствуя теорию жизненного пути, в 1993 году использовали возможности постмодернистской реконструкции. Процесс преступления они представляли в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея теории этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом». Сэмпсон и Лауб особо выделили «роль неформальных средств социального контроля, которые зависят от взаимосвязи и структуры связей между людьми и связывают членов общества друг с другом, с более широкими социальными институтами, такими, как работа, семья и школа»². Исследователи активно использовали как количественные, так и качественные социологические методы.

¹ Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002). URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P.186-235.

Анализ объединенных эмпирических данных относительно жизненных историй подтвердил, что стабильность и изменения в поведении людей связаны с институтами занятости и отношениями в семье на протяжении всей взрослой жизни.

Интегративная эволюционно-экологическая теория. Брайен Вила в 1994 году разработал интегративную эволюционно-экологическую теорию понимания девиантности и преступности. Его теория рассматривает взаимодействия между причинными факторами посредством различных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентированный и дисциплинарно-ориентированный подходы к пониманию преступного поведения.

Интегративная теория Арриго. Брюс Арриго (р. 1964) в 1995 году рассматривал интеграцию более определенно в рамках постмодернизма как синтез, который касается «релятивной, позиционной и предварительной функции для интерпретации, толкования, проверки и отказа от некоторых дискурсов, а также их выражения для конструирования реальности в расходящихся социальных отношениях». Этот синтез включает разнообразные знания из психоанализа, семиотики, постструктурализма, деконструктивизма, учитывает роль человеческого фактора и социальные изменения. Тем самым постмодернистская интеграция, согласно Арриго, стремится «понять вектор и изменяющиеся пути, которыми социальные группы сообщаются и дают рекомендации по борьбе с преступностью в местные органы власти, правосудия, законотворчества»¹.

На рубеже XXI века появились новые работы в рамках постмодернистского синтеза. Среди них: *теория преступности как структурированного действия* Джеймса Мессершмидта (1997), в которой автор конструирует преступ-

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998.

ность через способы, которыми люди активно формируют свою идентичность (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях.

Грэг Барак (р. 1948) и Стюарт Генри в 1999 году предложили *интегративно-конститутивную теорию преступности, закона и социальной юстиции*. Теория моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный Бараком и Генри, – это попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть¹.

Грэг Барак в работе «Интегративные криминологии» (1998) обосновал тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону новой, более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призвал ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля».

Предпочтение интеграции криминологических знаний на постмодернистской основе ученые постмодернисты обосновывают тем, что она учитывает как на микро-, так

¹ Интегративные теории, интегративные криминологии// Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002). URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative_html

и макроуровне *взаимное влияние* зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что эти моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно меняются во времени. Интегративные модели охватывают проявления делинквентности и контроля над ними в форме, присущей как модернизму, так и постмодернизму, покрывая всю возможную картину криминальной реальности. Кроме того, они учитывают все важные аспекты взаимоотношений между субъектами отклоняющегося поведения и контроля как на индивидуальном, так и социальном уровнях развития¹. Именно постмодернистские интегративные модели преступности и противодействия преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической теории в новом столетии.

Попытку структурировать постмодернистскую криминологию и выделить новые базовые черты науки третьего тысячелетия сделал американский криминолог–постмодернист Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее криминологии виделось Уэллсу в следующих утверждениях:

- *более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;*
- *более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;*
- *скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;*
- *ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;*
- *нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;*

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998.

• более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области¹.

Таким образом, теоретическое знание, накопленное мировой криминологией, в частности, в рамках постмодернистской теоретической интеграции, может быть использовано в реформах правовой системы, ее институтов в современном российском обществе. Новая постмодернистская криминология предлагает модели преступности и социального контроля, более адекватные современной криминальной реальности в субъективистском и объективистском измерениях.

Это надежный ориентир для ученых и практиков. Он дает возможность «выписать рецепт» для поиска путей превенции преступности, отказа от девиантных карьер, повышения эффективности известных и создания новых форм социального контроля и социализации, для разработки, а также решения целого ряда социальных и правовых проблем, стоящих перед российским обществом, государством и его правоохранительными органами.

Модернистская интеграция: предпосылки, типы и опыт синтеза девиантологических теорий²

Запас знаний и научных исследований до середины 70-х годов XX века не позволял выделить самостоятельный дискурс теоретической интеграции в рамках более сложных концепций, объясняющих изменения темпов насильственной преступности представителей низшего класса или мо-

¹ Shmallegger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 561.

² Вестник Казанского юридического института МВД России, 2014. № 3. С. 6–10.

делирующих латентную делинквентность в среде «белых воротничков» и буржуазной элиты развитых стран Запада. Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в 70–80-е годы прошлого века, прежде всего в США, сбить «волну преступности» привели к «кризису наказания», или «полицейского контроля». В этих условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в девиантологии. Новый интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм социального неблагополучия предполагал более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно–следственных связей, заимствованных из ряда локально «работающих» и непротиворечивых монотеорий.

Интегративная перспектива анализа девиантности и преступности сформировалась лишь со второй половины 70-х, в 80–90-е годы как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества монотеорий девиантности в новых социальных условиях. Впрочем, первые попытки интеграции элементов научных теорий, их взаимное влияние имели место и на более ранних этапах развития девиантологической мысли, например, в работах Коэна (1955), Клоурда и Олина (1960), Реклесса (1973) и других социологов и криминологов¹.

Интерес к теоретической интеграции был также связан с тем, что девиантологи стремились разработать базовые понятия и принципы причинности, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий и выстроить более комплексные, если не всеобъемлющие, этиологические модели девиантности и преступности. Так, Джек Гиббс (1989) определил понятие «контроль», а Стивен Месснер и Ричард

¹ Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения : учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2013. С. 277–284.

Розенфельд (1994) идентифицировали концепт «культура» как центральное понятие интегративной теории. Интегративный подход стал многообещающим в более адекватном комплексном объяснении множественных причинно-следственных связей в контексте объяснения природы различных проявлений девиантности и практик социального контроля.

Эйнстэдтер и Генри в 1995 году выделили четыре типа причинности в контексте теоретической интеграции (*линейная, множественная, интерактивная, диалектическая*)¹.

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт. Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В модернистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность.

Увлечение социологов и криминологов интегративным подходом привело к появлению целого ряда модернистских интегративных теорий девиантности и преступности. Это

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 191.

работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса (1975), Ричарда Куинни (1977), Дэлбета Эллиота (1979), Ричарда Джонсона (1979), Марка Колвина и Джона Паули (1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера (1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна (1985), Томаса Бернарда (1986), Мервина Крона (1986), Джона Хагэна (1988) и многих других исследователей.

Рональд Айкерс в работе «Криминологические теории: введение и эволюция» (1997) рассматривает три принципиальных способа, с помощью которых можно дать оценку и способствовать развитию теории. Первый заключается в том, чтобы проверить, подтверждаются ли выдвинутые гипотезы в ходе практики и испытания временем. Второй способ состоит в том, чтобы использовать «теоретическое соревнование», то есть выполнить логическое, концептуальное или эмпирическое сравнение двух или более теорий для того, чтобы выяснить, какая модель лучше объясняет девиантное поведение. Третий способ – работа над теоретической интеграцией. Она определяется исследователем как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий¹.

Современный разработчик интегративной парадигмы в девиантологии Грэг Барак выделил три уровня группировки модернистских теорий: *микромодели* (микросоциальные процессы), *макромодели* (макросоциальные структуры), *микро-макро* или смешанные модели².

¹ Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.205-206.

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 193–199.

Для микромоделей существенна роль социальных процессов и личностных характеристик индивидов в объяснения преступного поведения. Так, Джеймс Уилсон и Ричард Хернштайн (1985) выдвинули комбинированную гипотезу, в соответствии с которой в природе преступления первостепенное значение имеют социальное научение индивида и его наследственные факторы (импульсивность, низкий интеллект). Эта теоретическая конструкция была нацелена на интегративное моделирование агрессивного, жестокого криминального поведения.

Мервин Д.Крон (1986) в своей сетевой теории предложил более сложную интегративную модель преступного поведения на основе социального обучения, социальных связей и социального контроля в процессе взаимодействия индивидов в форме социальной сети. Крон считал, что чем ниже плотность сети по отношению к плотности населения, тем слабее ограничения против несоответствия нормам и тем выше уровень преступности.

Для макромоделей при прогнозировании преступности существенна роль социоструктурных факторов. Так, Родни Старк (1987) обосновал структурную теорию преступности с использованием концепта «экология среды обитания». Он объединил влияние ряда средовых (плотность населения, ветхость жилья) и экономических (бедность) факторов на преступность. Джон Хагэн (1988) выдвинул структурную теорию контроля власти, пола и поведения, где объединил базовые элементы неомарксизма, гендерного анализа и теорий контроля.

Для микро-макромоделей характерно объединение положений из процессных и структурных теорий девиантности. Фрэнк Пирсон и Нэйл Уэйнер (1985) предложили модель интеграции на основе социального обучения с включением пропозиций из теории социальной связи, утрашения и рационального выбора теорий напряжения и использования незаконных возможностей.

Девиантологи используют различные основания для типологизации интегративных теорий. Так, Ален Лиска, обобщая опыт теоретического синтеза в 1980-е годы, выделил *концептуальную* и *пропозициональную интеграцию*. Концептуальная возникает тогда, когда понятия из одной теории перекрывают в своем значении понятия из других теорий. Пропозициональная интеграция связывает суждения (положения) из различных теорий. К первому типу относятся, например, интегративные теории концептуального поглощения Р. Айкерса и концептуальной интегративной рамки Ф. Пирсона и Н. Уэйнера. Ко второму – интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота, интегративные теории М. Крона, Т. Торнберри и других авторов.

Рассмотрим наиболее яркий опыт модернистской *концептуальной* и *пропозициональной интеграции*.

Теория концептуального поглощения Р. Айкерса. Р. Айкерс в 1975 году показал, что идеи теории социального научения частично совпадают с положениями из теорий социальной связи, стигматизации, конфликта и аномии. Позже он предположил, что интеграция может достигаться с помощью концептуального поглощения. Концептуальное поглощение означает абсорбцию понятий из одной теории понятиями другой в тех случаях, когда это позволяет описываемое ими явление. Например, в теории социальной связи концепт «убеждение» относится к обычным моральным убеждениям, которые строго придерживаются виновности. Концепт «убеждение» может быть абсорбирован в теорию социального научения для определения неблагоприятных дефиниций закона, способствующих совершению преступления, и благоприятных, останавливающих перед совершением зла. Айкерс считает, что концепт «приверженность» из теории социальной связи также может быть абсорбирован в теорию социального научения.

Теория концептуальной интегративной рамки Ф.Пирсона

и Н.Уэйнера. Удачная попытка концептуальной интеграции была сделана Фрэнком С. Пирсоном и Нейлом А. Уэйнером (1985), в которой они объединили концепты из наиболее важных макро- и микротеорий криминального поведения в одну интегративную рамку. Предложенная модель интеграции выполнена на основе выделения понятий, которые являются общими для разных моно теорий и, в свою очередь, характеризуют эти понятия в рамках общей структуры.

Основой модели Пирсона и Уэйнера является теория социального научения. С ее помощью они установили восемь основных концептуальных положений. Шесть из них ссылаются на предшествующие факторы в процессе научения: 1) выгода (награда/наказание), 2) поведенческие навыки (техника совершения преступления), 3) символы благоприятных возможностей совершения преступления, 4) поведенческие ресурсы, 5) правила целесообразности (дают указания для получения максимальной награды и избегания негативных санкций), 6) правила морали (определяют поведение как плохое или хорошее).

Оставшиеся положения имеют отношение к определению двух обратных связей в механизме социального научения, как результат действия по линии: 7) получение выгоды (приобретение наград и наказаний) и 8) получение информации (знание о поведении, которое могло быть использовано для повторного действия). Позже Пирсон и Уэйнер показали, как принципиальные положения из других наиболее важных теорий могут быть вариациями или подтипами этих восьми основных положений. Например, они полагали, что привязанность к другим (из теории социальной связи) влечет за собой подражание им и то, что эти другие становятся источником позитивной выгоды в форме эмоционального удовлетворения. Концепт приверженности также соответствует концепту выгодных требований. Положения из тео-

рий устрашения и рационального выбора также могут быть отнесены к выгодным требованиям, правилам целесообразности, знакам благоприятных возможностей, выгодным и информационным приобретениям. Положения из теорий напряжения, использования незаконных возможностей объединяются с концептами выгодных требований, правил целесообразности, знаков благоприятных возможностей. Наконец, Пирсон и Уэйнер добавили в интегративную рамку концепцию макроуровня как социально–структурированный источник производства и распространения выгоды, возможностей, правил целесообразности и морали.

Интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота. Дельберт С. Элиот предложил пропозициональную интеграцию на основе теорий напряжения, социальной связи и социального научения. Его интегрированная модель предполагает, что движение в сторону делинквентности начинается с напряжения, возникающего в семье и школе, затем оно подпадает под влияние слабых конвенциональных социальных связей в рамках традиционных структур и, наконец, под воздействием сильных связей с делинквентными сверстниками приводит к девиантному поведению.

Аналогичные построения в 80-е годы предложили А. Лиска (теория «состязания») и Т. Торнберри («интерактивная теория»), М. Крон («сетевая теория»), Ч. Титтл (теория «баланса контроля») и другие¹.

Работа над теоретической интеграций с модернистских позиций продолжилась на рубеже и в 90–е годы XX столетия. Это труды Джеймса Коулмана, Терэнса Мифа и Роберта Мейера, Бэки Татума.

Интегративная теория беловоротничковой преступности. На рубеже 80-х Джеймс Самуэль Коулман в работе «Преступ-

¹ Akers R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 214–219.

ная элита» (1989) сформулировал микро–макроинтегративную теорию беловоротничковой преступности, которая объясняет и корпоративные, и профессиональные преступления. С одной стороны, он на микроуровне анализирует психологические побуждения «беззаботных» и «эгоцентричных» «белых воротничков». С другой, на уровне макро выполняет анализ «структуры оппозиции» (законный и незаконный).

Коулман рассматривает также «культуру соревнования», которая может быть проверена этическими нормами, СМИ, символической силой закона. Он определенно подчеркивает роль «техник нейтрализации» в корпоративном мире, которые разрушают этические нормы поведения. Они являются продуктом корпоративной культуры, где эффективная бюрократия порождает своего рода аморальный прагматизм. Он также утверждает, что законные и незаконные оппозиционные стороны дифференцированно распределены согласно рынку и потребностям правовых систем. В пределах крупномасштабных организационных структур это означает, что беловоротничковые преступления – продукт ценностей, установленных требованиями рынка и проведения законов в жизнь¹. В итоге Коулман утверждает, что корпоративная субкультура является существенной в побуждении к профессиональным преступлениям.

Контекстуальная теория. Терэнс Миф и Роберт Мейер в работе «Преступление и его социальный контекст: к интегрированной теории преступников, их жертв и ситуаций» (1994) утверждают, что преступления не могут произойти без особого социального контекста. Они заявляют, что преступления значительно различаются с точки зрения своей социальной экологии и преступной мотивации. Предложенная учеными макро-микромодель учитывает факторы виктимизации, поскольку обычные действия в повседневной

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 201-202.

жизни нередко создают ситуации, провоцирующие преступления. Однако, прежде всего, Миф и Мейер концентрируются на социальном контексте преступления, который задают следующие структурные факторы: низкий социально-экономический статус, подвижность населения, этническая разнородность и неполные семьи.

Интегративная теория структурного притеснения. Беки Татум в 1995 году предложил микро-макроинтегральную теорию преступности – теорию структурного притеснения. Модель Татума стремится объяснить преступления угнетаемой части населения «структурным притеснением», отношениями между ней и социальным окружением с учетом психологического состояния отчуждения этих людей в трех формах адаптивного поведения – ассимиляции, делинквентности, протестных девиаций. Татум попытался связать структурные условия, восприятие афро-американцев, отчуждение, преступления и девиации, совершаемые в этой среде под давлением «структурного притеснения».

Теория Татума утверждает, что неокOLONиальная модель притеснений не только объясняет расовые и классовые различия в преступности, но также раскрывает ее историческую ориентацию, объясняет ее отличие от других структурных моделей. В то же самое время эта модель перемещает исследование преступления «от жертв притеснения к эксплуатирующим структурам современного общества»¹.

Обзор модернистских интегративных теорий 80–90-х годов был бы неполным, если бы не критика девиантологов – сторонников постмодернистской теоретической интеграции. Так, Грэг Барак считает, что модернистские теории ограничены выбором тех или иных интегральных переменных при объяснении девиантности и преступности². Объяс-

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 208.

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 211.

нительный потенциал интегративных теорий модернистов снижен за счет простого объединения непротиворечивых положений или самих монотеорий, поскольку криминальная реальность значительно сложнее ее позитивистских моделей. Кроме того, модернисты игнорируют такие типы социального знания, как: медиа-дискурсы, текстуальность, культура, гендер, участвующие в конструировании криминальной реальности и правосудия.

Таким образом, теоретическая интеграция в области девиантологии стала возможна во второй четверти XX столетия как реакция на «кризис наказания». Основную лепту в развитие интегративной парадигмы внесли американские социологи и криминологи-неопозитивисты. Успешный опыт теоретического синтеза позволил существенно повысить объяснительный, эвристический потенциал девиантологии. Он послужил мощным стимулом для развития интегративного дискурса, создал широкую площадку для конструктивной критики новых теорий, а также дал толчок развитию постмодернистской, а затем в начале нового века и пост-постмодернистской теоретической интеграции, что может быть предметом специального исследования и соответствующих публикаций.

От постмодернистской девиантологии к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний¹

Постмодернизм как философско-социологическое течение возник в результате реакции, рефлексии ученых на кризис науки и практики эпохи модерна, на социальные изменения в поздних индустриальных и постиндустриальных обществах, когда наблюдается обострение многих со-

¹ Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 133–138.

циальных, техногенных, экологических проблем, когда при резком увеличении неопределенности социальных явлений становятся очевидными их проявления, связанные со случайностью, многовариантностью, альтернативностью. Это особый стиль научного воображения и теоретизирования, методология реконструкции и познания старых и новых социальных проблем, в том числе девиантности.

Философия и социология постмодернизма уходит своими корнями к Ф. Ницше, М. Хайдеггеру, французской социальной мысли конца 1960-х и 1970-х годов века. Она противопоставляет себя гегельянству, подвергая резкой критике идеи западного рационализма и логоцентризма. Творцы и последователи постмодернизма в общественном знании – французские философы Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, итальянский философ Дж. Ватимо, британский социолог З. Бауман.

С другой стороны, социологи рассматривают постмодернизм как переходную эпоху, как иной образ жизни и новую культуру. Постмодернизм отражает транзит общества от эпохи модерна к состоянию постмодерна на фоне ускорения технологических и социальных изменений, его транзит от классовой структуры к модели фрагментарного, мозаичного типа. Экономика постмодерна больше ориентирована на производство идей, знаний, информации, на оказание услуг для удовлетворения индивидуальных потребностей и массового консьюмеризма, на производство новых высоких технологий.

Как известно, модернистская наука опирается на убеждение о том, что в мире существуют универсальные вещи, которые могут быть обнаружены через изучение причин. Модернизм рассчитывал на постижение истины с помощью позитивистской науки и эмпирических методов с целью рационального преобразования несовершенной действительности путем искоренения невежества, развития демокра-

тии, обеспечения свобод, правосудия, движения к хорошей, благополучной жизни и процветанию. Он вселял надежду на решение проблем голода, бедности, преступности. Модернизм приравнивал социальные изменения к прогрессу, который увеличивает контроль над природой и обществом. Однако реальность XX века и наступившего XXI с разрушительными войнами, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами развенчала иллюзии прекрасного модернизма.

Применение всеобъемлющих социальных теорий, традиционной позитивистской методологии, созданных социологами в эпоху модерн, для исследования размытых, во многом эфемерных, постоянно ускользающих, диффузных социальных реалий, в том числе релятивных поведенческих и стилевых характеристик, таких, как различные проявления девиантности и преступности, стало непродуктивно. Более того, в общественной науке второй половины прошлого века разразился «кризис детерминизма» и стала очевидна ограниченность позитивистской теории и методологии.

Альтернативная постмодернистская логика анализа характеризуется как новый тип теоретизирования, открытый не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Постмодернизм – это и новые методологические подходы и методы в социологическом изучении социальной реальности. Современные исследователи используют дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие подходы [1].

Для философии и социологии постмодернизма присущи рефлексивность: способность к самопознанию, пастиш (смешение стилей, заимствованных из различных контекстов). Постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к позитивистской науке, возможностям человеческого разума, релятивизацией всех знаний.

Он ставит под сомнение эффективность научно-рационалистических теорий, созданных в эпоху модерн, поддерживает плюрализм различных концепций и предлагает замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. По сути, постмодернизм представляет собой экстериоризацию той части социального опыта, который не выражен институциональными средствами и структурами современного общества. Он больше имеет дело с социальной коммуникацией, дискурсами, делая их центральными категориями постмодернистского типа мышления. В рамках постмодернизма виртуальная сконструированная социальная реальность (симулякры и симуляции, по Ж. Бодрийяру) детерминирует реальность объективную.

Постмодернизм проблематизирует представления о современном порядке, контроле и власти в обществе. В рамках постмодернистского подхода ни социальные науки в целом, ни девиантология и криминология, в частности, не содержат никаких основополагающих объяснений или универсальных законов конформного и девиантного поведения, а лишь вводят в заблуждение, что требует отказа от позитивистских моделей.

Постмодернистская девиантология и криминология как критическое научное направление формируется в 80-е, 90-е годы на исходе века в работах Б. ДиКристина, Э. Янг, Дж. Фэррела, К. Хейворда, Д. Миловановича не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая криминологии. Постмодернистская девиантология – это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе по-

стмодерна. Девиантология постмодерна стала востребована потому, что прежние позитивистские теории недостаточно адекватно объясняют причины девиантности и преступности и, следовательно, предлагают не вполне реалистичные решения по совершенствованию социального контроля [2].

Большинство постмодернистских подходов в девиантологии и криминологии являются деконструкционистскими, поскольку они бросают вызов нередко вполне эффективным теориям преступности, переосмысливают и разоблачают их несостоятельность в новых условиях и выдвигают новые замещающие теоретические конструкции более релевантные обществу постмодерна [3, р. 256]. Так, например, Брюс Дикристин предложил свой вариант деконструкционистского подхода под названием «анархическая криминология» [4]. Его теория охватывает альтернативные методы и эпистемологию, поддерживает символически реконструированные решения социальных и криминальных проблем.

Различные варианты постмодернистской девиантологии и криминологии конструируют и деконструируют социальные нормы, девиантность, преступность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном контекстах.

Криминолог-постмодернист феминистского направления Э. Янг в работе «Образ преступления: человек, объявленный вне закона, и криминальные беседы» (1996) переосмысливает криминологические тексты, предлагая «прочитать криминологию не криминологически», проводит дискурсивный анализ, исследует роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения [5]. Она исследует проблематику одиночества в жизни женщин и семьи, поднимает вопросы ответственности родителей за девиантность детей, постмодернистски «прочитывает» и «реконструирует» тему СПИДа.

Другой вариант постмодернизма в криминологии представлен в работе одного из основателей конститутивной криминологии Драгана Миловановича «Криминология постмодерна» (1997). Милованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и реконструкции уголовного закона.

Преступность и контроль над ней рассматриваются ученым как релятивные социальные конструкты, а также как неопределенные, взаимосвязанные, релятивные, динамические и диалектические явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

В понимании постмодернистов преступность еще и рекурсивная продукция, поскольку люди создают (конструируют) себя и собственный мир через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации. Посредством языка и символических представлений они идентифицируют отличия, определяют категории, тем самым участвуют в социальном конструировании преступности и порядка. При этом человек не только формирует действительность, но и сам изменяется под ее влиянием. Отсюда девиантность и преступность, социальный контроль – это рекурсивный результат, однообразные действия, которые стали частью исторического и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве.

Тем самым, согласно постмодернизму, преступность – интегральная часть общества, это результат совокупного воздействия всех его элементов, а не их отдельное влияние. Она вызвана социальной структурой и идеологией, разделяющих отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии [1]. Следовательно, и преступник, и его жертва – результат неравного распределения

и влияния власти, то есть структурированного неравенства.

Запас знаний и научных исследований до середины 70-х годов XX века не позволял выделить самостоятельный дискурс теоретической интеграции в рамках более сложных концепций, объясняющих изменения темпов насильственной преступности представителей низшего класса или моделирующих латентную делинквентность в среде «белых воротничков» и буржуазной элиты. Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в развитых странах Запада и, прежде всего, в США сбить «волну преступности» во второй четверти прошлого века привели к «кризису наказания» или «полицейского контроля». В новых социальных условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в девиантологии и криминологии.

Интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм социального неблагополучия предполагал более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда непротиворечивых монотеорий. Интегративная перспектива анализа девиантности и преступности стала формироваться со второй половины 70-х, в 80–90-е годы как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества монотеорий девиантности и преступности в новых социальных условиях. С другой стороны, этот процесс подстегнул «кризис детерминизма», развитие альтернативных позитивизму феноменологических и постмодернистских подходов. Впрочем, попытки интеграции элементов научных теорий, их взаимное влияние имели место и на более ранних этапах развития девиантологической науки, например, в работах Козна (1955), Клоуорда и Олина (1960), Реклесса (1973) и других социологов и криминологов.

Интерес ученых к теоретической интеграции был также связан с тем, что девиантологи стремились разработать базовые понятия и принципы причинности, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий и выстроить более комплексные, если не всеобъемлющие, этиологические модели девиантности и преступности. Так, Джек Гиббс (1989) определил понятие «контроль», а Стивен Месснер и Ричард Розенфельд (1994) идентифицировали концепт «культура» как центральное понятие интегративной теории. Интегративный подход стал многообещающим в более адекватном комплексном объяснении множественных причинно-следственных связей в контексте объяснения природы различных проявлений девиантности и практик социального контроля. Дополнительным импульсом к развитию интегративных теорий послужило развитие феноменологической и постмодернистской криминологии. В результате сложились как *модернистские*, так и *постмодернистские модели теоретической интеграции*. В начале XXI века в интегративном дискурсе были заявлены и *пост-постмодернистские варианты теоретического синтеза*.

Эйнстэдтер и Генри в 1995 году выделили четыре типа причинности в контексте модернистской и постмодернистской теоретической интеграции (*линейная, множественная, интерактивная, диалектическая*) [6, p. 191].

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт. Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более позд-

них вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно.

В модернистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская и пост-постмодернистская интеграция учитывает более сложную связь причины и следствия. Это множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

Многообразие подходов к теоретической интеграции привело, по мысли Генри и Миловановича, к формированию *гибридных (смешанных)* вариантов интеграции, сочетающих положения и методы, созданные в рамках модернизма (принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (постмодернистский реконструкционизм).

Особого внимания российских девиантологов заслуживает опыт теоретической интеграции с позиций постмодернизма. И это неслучайно, поскольку в эпоху «ультрасовременного капитализма» формируется Новый мировой порядок. Социальное доминирование базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми приобретают все более скрытый характер. В механизмах социального контроля растет манипулятивная роль массовой информации, Интернета, других масс-медиа и популярной культуры. Социальная реальность, скрепленная Интернетом, социальными сетями и массовыми телекоммуникациями, все больше приобретает черты отчужденного и фрагментарного мира.

На девиантность и преступное поведение все большее влияние оказывают факторы возраста, гендера, класса и других социальных, а также психологических характеристик индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей. И если для девиантологов-позитивистов важны, прежде всего, объективные причины девиантности и преступности, постижение логики совершения преступлений и осуществления социального контроля в новых условиях, то постмодернисты учитывают и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении девиантных действий.

Некоторые из них анализируют моральную привлекательность и эмоциональные аргументы при совершении краж из магазинов, в результате телефонного мошенничества фрикером, электронных краж хакеров. Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (*as creative constructs*), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Среди них: байкеры, скинхеды, художники, работающие в стиле граффити. Этих молодых людей объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности. Неслучайно криминолог-постмодернист Джефф Фэррел заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления и гендерных различий» [6, p. 217].

Девиантная реальность «ультрасовременного капитализма» в эпоху постмодерна и критика постмодернистами

неопозитивистской криминологии, в том числе ее интегративной перспективы в вопросах теории, привели к опыту постмодернистского теоретического синтеза. Над этой проблематикой активно работают, начиная с 90-х годов прошлого века, молодые американские криминологи-постмодернисты Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт, Грег Барак.

Роберт Дж. Сэмпсон (р. 1956) и Джон Х. Лауб (р. 1953), совершенствуя теорию жизненного пути, в 1993 году использовали возможности постмодернистской реконструкции. Процесс преступления они представляли в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея теории этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом». Сэмпсон и Лауб особо выделили «роль неформальных средств социального контроля, которые зависят от взаимосвязи и структуры связей между людьми и связывают членов общества друг с другом с более широкими социальными институтами, такими как работа, семья и школа» [6, р. 186–235]. Исследователи активно использовали как количественные, так и качественные социологические методы. Анализ объединенных эмпирических данных относительно жизненных историй подтвердил, что стабильность и изменения в поведении людей связаны с институтами занятости и отношениями в семье на протяжении всей взрослой жизни.

Брайен Вила в 1994 году разработал интегративную эволюционно-экологическую теорию понимания девиантности и преступности. Его теория рассматривает взаимодействия между причинными факторами посредством различных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентиро-

ванный и дисциплинарно-ориентированный подходы к пониманию преступного поведения.

Брюс Арриго (р. 1964) в 1995 году рассматривает интеграцию более определенно, в рамках постмодернизма, как синтез, который касается «релятивной, позиционной и предварительной функции для интерпретации, толкования, проверки и отказа от некоторых дискурсов, а также их выражения для конструирования реальности в расходящихся социальных отношениях». Этот синтез включает разнообразные знания из психоанализа, семиотики, постструктурализма, деконструктивизма, учитывает роль человеческого фактора и социальные изменения. Тем самым постмодернистская интеграция, согласно Арриго, стремится «понять вектор и изменяющиеся пути, которыми социальные группы общаются и дают рекомендации по борьбе с преступностью в местные органы власти, правосудия, законотворчества»[6].

Исследования Сэмпсона и Лауба, Вилы и Арриго во многом совместимы не только с постмодернистским подходом Генри и Миловановича, но и со структурной теорией Э. Гидденса, в которой описывается дуальность объективизма и субъективизма, ясно формулируется синтетическая модель интегративной науки о преступности.

На рубеже XXI века появились новые интересные работы в рамках постмодернистского синтеза. Среди них: теория преступности как структурированного действия Джеймса Мессершмидта (1997), в которой автор конструирует преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях. Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление – рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени. Ученый

в новой работе «Пол, гетеросексуальность и молодежное насилие: борьба за признание» (2012) развивает положения своей интегративной теории.

Особого внимания заслуживает опыт пост–постмодернистского синтеза криминологических знаний Грэга Барака (р. 1948). Свою модель интеграции Барак выстроил исходя из положений интегративного подхода Дж. Тикосинера с его идеей объединения всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку, теории структуризации социолога Э. Гиденса, конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, постмодернистской криминологии.

Основу теории Барака составляют такие посылы из конститутивной криминологии, как положение о релятивном и сконструированном характере девиантности и преступности. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях.

Согласно модели Г. Барака, преступность и социальный контроль над ней – результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние. Отсюда основа его пост-постмодернистского синтеза представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Ученый интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрес-

сиями, из естественных и социальных наук (культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии). Пост-постмодернистский подход Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции в современной науке о преступности.

Интегративная модель Г. Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории девиантности и преступности. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономии составляют, по мысли ученого, основную идею интегративной пост-постмодернистской криминологии [6, р. 216–232].

Предпочтение интеграции криминологических знаний на пост-постмодернистской основе Г. Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность), а также то, что эти моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени.

В работе «Интегративная криминология» (1998) Барак обосновал тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону новой, более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призвал ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля» [6, р. 236–255].

Развитие пост-постмодернистского синтеза девиантности и преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепилось под названием интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г. Барака и С. Генри (1999). Эта концепция моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный учеными постмодернистами, – попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных знаний и характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть [7].

В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г. Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма. Интегративная парадигма – многообещающее направление развития науки о девиантности и преступности [7]. Именно пост-постмодернистские интегративные модели преступности и противодействия преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической теории в новом столетии.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Грэг Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы девиантности и преступности, но уже в контексте глобализации [8]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает интегративное изучение пре-

ступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Таким образом, пост-постмодернистская модель интеграции криминологических знаний охватывает проявления делинквентности и контроля над ними в форме, присущей как модернизму, так и постмодернизму, покрывая всю возможную картину девиантной и криминальной реальности, в том числе в глобальном социальном контексте. Кроме того, она учитывает все важные аспекты взаимоотношений между субъектами отклоняющегося поведения и контроля как на индивидуальном, так и социальном уровнях развития.

Постмодернистская девиантология и криминология, в том числе интегративная, не свободны от критики. Ее воспринимают отнюдь не все зарубежные и, тем более, отечественные ученые-позитивисты. Эти знания, увы, еще не находят адекватного отражения во многих монографиях, учебниках и пособиях по девиантологии, социологии девиантности и преступности, криминологии. Постмодернистская наука находится в оппозиции к традиционной девиантологии и криминологии. Постмодернистскую девиантологию критикуют обычно за релятивизацию знаний, отказ от позитивистских методов исследования, разрушение традиционных положений и реконструкции, за пастиш (смешение) подходов и контекстов, за трудности эмпирической проверки основных понятий и положений.

Тем не менее, развитие девиантологии и, прежде всего, ее наиболее развитой части – криминологии в постмодернистской перспективе – реальный факт, позволяющий увидеть новые базовые черты этой социологической науки в начале третьего тысячелетия. Попытку структурировать их сделал американский исследователь Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Буду-

щее девиантологии и криминологии видится Уэллсу в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области [3, р. 251].

Литература

1. Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y.–L.: Garland Publishing, Inc., 1997.
2. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2013.
3. Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999.
4. DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer. Harrow and Heston. N.Y., 1995.
5. Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations». N.Y.: Sage Publications, 1996.
6. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998.
7. Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage, 2002) [Элек-

тронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm

8. Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

Пост-постмодернистский синтез знаний о преступности – новый вектор в развитии теоретической девиантологии¹

Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в развитых странах Запада и, прежде всего, в США сбить «волну преступности» во второй четверти прошлого века привели к «кризису наказания» или «полицейского контроля». Стала реальностью масштабная девиантизация транзитивного общества позднего модерна. В этих социальных условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в девиантологии.

Интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм негативной девиантности предполагал более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда непротиворечивых криминологических монотеорий. Интегративная перспектива анализа и описания девиантности в рамках неопозитивизма стала формироваться как реакция на ограниченность объяснительных возможностей классических монотеорий. Впрочем, попытки интеграции их элементов, взаимное влияние теоретических конструкций имели место и на более ранних этапах развития девиантологической науки в работах Коэна (1955), Клоуорда и Олина

¹ Сб. материалов международной научно-практической конференции «Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна». СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С. 148–152.

(1960), Реклесса (1973) и других социологов и криминологов.

Увлечение теоретическим синтезом неопозитивистов, изучавших девиантность в ее наиболее социально опасных проявлениях, привело к появлению целого ряда модернистских интегративных теорий девиантности и преступности. Это работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса (1975), Ричарда Куинни (1977), Дэлбета Эллиота (1979), Ричарда Джонсона (1979), Марка Колвина и Джона Паули (1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера (1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна (1985), Томаса Бернарда (1986), Мервина Крона (1986), Джона Хагэна (1988) и многих других криминологов.

Кризис детерминизма и острая критика неопозитивистской социологии преступности структурно-функционального направления радикальными конфликтологами, феноменологами и, особенно, постмодернистами привели к возникновению альтернативных путей в развитии девиантологических теорий.

Как известно, постмодернизм проблематизирует традиционные представления о природе девиантности и социального контроля. Во многом это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере девиантности и преступности, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна, с попыткой выдвинуть адекватные новой девиантной реальности решения по либеральному совершенствованию социального контроля. Постмодернистская криминология (конститутивная, феминистская, культуральная, топологическая, анархическая) формируется в работах Д. Миловановича, Э. Янг, Б. Дикристина, Дж. Фэррела, К. Хейворда и других теоретиков этого научного направления. Ее различные варианты конструируют и деконструируют социальные нормы, девиантность, преступность, социальный контроль в предельно широком социокультурном контексте. Преступ-

ность и контроль над ней рассматриваются как релятивные социальные конструкторы, как неопределенные, взаимосвязанные динамически изменчивые явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

Развитие криминологии в постмодернистской перспективе позволяет выделить новые базовые черты этой науки в третьем тысячелетии. Попытку структурировать их сделал американский исследователь Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Постмодернистское будущее науки о преступности видится Уэллсу в следующих утверждениях:

- более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;
- более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;
- скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаристическая, чем детерминистская;
- ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;
- нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;
- более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области¹.

В развитии неопозитивистской криминологии на рубеже веков сформировался еще один постмодернистский вектор – интегративная криминология. Американские криминологи

¹ Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 561.

Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт выдвинули ряд постмодернистских интегративных теорий девиантности и преступности. В частности, Р. Сэмпсон и Дж. Лауб в 1993 году обосновали интегративную версию теории жизненного пути. Процесс преступления они представили в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре)конструирование преступления. Центральная идея этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом».

Б. Вилла разработал интегративную эволюционно–экологическую теорию девиантности в 1994 году. Его подход позволяет рассматривать взаимодействия между причинными факторами девиантности уже посредством различных подходов и научных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентированный и дисциплинарно-ориентированный подходы.

Б. Арриго в 1995 году, развивая междисциплинарный дискурс, выдвигает постмодернистскую интегративную теорию, в которой синтез включает разнообразные положения из психоанализа, семиотики, структурализма, деконструктивизма с учетом роли человеческого фактора и социальных изменений.

В 1997 году Дж.Мессершмидт обосновал теорию преступности как структурированного действия, в которой конструировал преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях. Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление – рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени.

Усилиями постмодернистов в области теоретического синтеза были выдвинуты новые объемные, многофакторные, процессуально-динамические объяснительные модели девиантности и преступности. Они более адекватно и гибко описывали девиантную реальность и контроль над ней при моделировании причинно-следственных связей в быстро меняющемся обществе постмодерна. Неслучайно Эйнстэдтер и Генри, обобщая достижения науки о преступности в рамках позитивистских и неопозитивистских моделей теоретической интеграции, выделили четыре типа причинности (*линейная, множественная, интерактивная, диалектическая*) и показали развитие теории в направлении диалектического описания казуальных связей¹.

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт.

Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие могут меняться местами, приобретая циклический характер взаимодействия. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В неопо-

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 191.

зитивистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская интеграция учитывает более сложную связь причины и следствия: это и множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

Первое десятилетие нового века открывает эпоху «ультрасовременного капитализма», который формирует «новый мировой порядок». Социальное доминирование базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми средствами high-tech приобретают все более скрытый характер. В механизмах социального контроля растет манипулятивная роль массовой информации, Интернета, других масс-медиа и популярной культуры. Социальная реальность, скрепленная «мировой паутиной» и массовыми телекоммуникациями, все больше приобретает черты виртуальности, отчужденности и фрагментарности многополярного и изменчивого мира.

На девиантность и преступное поведение все большее влияние оказывают взаимосвязанные факторы технологического характера, конфликтов, культуры, возраста, пола, расы, класса и других социальных констант и изменений, а также факторы интерсубъективности и других психологических измерений индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей и обществ. Как известно, девиантологи-неопозитивисты аналитически нередко раздельно изучают объективные и субъективные причины девиантности и преступности, а постижение логики совершения преступлений и осуществления социального контроля моделируют в «замороженном» или статическом состоянии социоструктурных или личностных переменных. Постмодернисты учитывают как объективные обстоятельства, так

и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении девиантных действий не только в контексте социальной структуры, но и, что особенно важно, социальных изменений. Так, криминолог–постмодернист Джефф Фэррел, обращая внимание на интерпретацию «чувственных смыслов», заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления в ультрасовременном мире¹. Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (as creative constructs), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Среди них: байкеры, скинхеды, художники, работающие в стиле граффити. Этим молодых людей объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности.

В результате научной состязательности в зарубежной теоретической девиантологии начала века развиваются не только *модернистские, постмодернистские модели теоретической интеграции*, но и *гибридные (смешанные)*, сочетающие положения и методы, созданные в рамках модернизма (принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (реконструкционизм).

Новый перспективный вектор, направленный на развитие гибридных теорий, наиболее ярко выражен в трудах американского криминолога Грэга Барака по разработке пост-постмодернистского синтеза девиантологических и

¹ See: Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 217.

криминологических знаний. Еще в работе «Интегративная криминология» (1998) Барак обосновывает тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающе-административной формы социального контроля в сторону новой более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и другим формам девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призывает ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля»¹.

Свою модель теоретического синтеза Г. Барак выстраивает исходя из конститутивной и постмодернистской теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Миловановича, теории структуризации Э. Гиденса, положений интегративного подхода Дж. Тикосинера с его идеей объединения всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку.

Из конститутивной, постмодернистской криминологии Барак заимствует положения о неопределенном, динамичном, диалектическом, релятивном и сконструированном характере преступности и контроля над ней. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней. Преступность – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. Это результат совокупного взаимосвязанного воздействия всех объективных (политических, экономических социальных) и субъективных факторов

¹ Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 236–255.

(чувственно–эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Из теории структуризации Э. Гидденса Барак использует положение о том, что социальные действия создают структуры («правила», «властные ресурсы»), в том числе структуры знания об обществе и поведении в нем, которые делают возможным на практике как конформное, так и девиантное поведение.

Из интегрированной системы Zetetics Дж. Тикосинера он интегрирует философию синтеза как объединение всего систематизированного гуманитарного знания, связанного с методами исследования, мыслительными процессами, психологическими факторами, условиями окружающей среды, которое позволяет ставить новые проблемы, стимулировать творческое воображение, создавать оригинальные идеи. Под влиянием Тикосинера Г. Барак выстраивает фрейм интеграции открытой системы знаний о девиантности и преступности, включая специальную терминологию, их функции и взаимосвязи.

В итоге «Zetetics криминология» Барака объединяет новые и старые научные знания о девиантности и преступности. Тем самым пост-постмодернистский синтез Барака представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Фрейм Барака интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук (культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии). В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) криминолог пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода вполне могут сочетать непротиворечивые положения современного эмпиризма

и постмодернистского реконструкционизма¹. Пост-постмодернистский синтез позволяет полнее учесть как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние множества зависимых и независимых переменных (диалектическая причинность), а также то, что девиантность, преступность, социальный контроль как моделируемые явления сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются во времени в ультрасовременном обществе.

Таким образом, пост-постмодернистская модель Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции знаний, накопленных как позитивистской, так и постмодернистской наукой о девиантности и преступности. Пост-постмодернистская интеграция позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории девиантности и преступности, выйти на диалектический уровень описания причинно-следственных связей. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономии составляют, по мысли ученого, основную идею новой интегративной пост-постмодернистской девиантологии и криминологии².

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Грэг Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы девиантности и преступности, но уже в контексте глобализации³. Он критически оценивает девиантологические и криминологические теории в исторической ретроспективе, развивает пост-постмодернистское интегративное моделирование девиантно-

¹ Интегративные теории, интегративные криминологии //Энциклопедия преступности и наказания (Sage,2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_integrative.htm

² Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 216–232.

³ Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

сти и преступности, а также мер социального контроля, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Таким образом, пост-постмодернистская модель интеграции криминологических знаний охватывает проявления делинквентности и контроля над ними в форме, присущей как модернизму, так и постмодернизму, максимально покрывая всю возможную картину девиантной и криминальной реальности, в том числе в глобальном социальном контексте. Кроме того, она учитывает наиболее важные и разноплановые аспекты взаимоотношений между субъектами отклоняющегося поведения и контроля как на индивидуальном, так и социальном уровнях развития.

Пост-постмодернистская интеграция знаний о девиантности и преступности – современный продуктивный вектор в области теоретической девиантологии. Он нуждается в критическом осмыслении отечественными специалистами, в эмпирической верификации и дальнейшей разработке.

От протодевиантологических идей к классической школе: генезис, основные положения¹

Когда и как формировалась девиантологическая мысль? Каковы ее истоки и предпосылки? Дать однозначные ответы на эти вопросы в определенной мере сложно. С одной стороны, девиантология – относительно молодая наука, с другой, – ее возникновению предшествовал весь социальный опыт человечества и его изучение мыслителями разных времен и народов.

Не исключено, что и в глубокой древности человек размышлял над тем, почему одни деяния социально приемлемы,

¹ Вестник КЮИ МВД России. 2014. № 4. С. 11–17.

а другие определяются как греховные или запретные и табуируются религиозными нормами или законом. На заре социальной истории человечества ответы на вопросы, имевшие непосредственное отношение к девиантности и социальному контролю над ней, в широком смысле – регулированию основ социальной жизни, люди искали в мифологии и традиционных верованиях. Так, в мифах вся сложность социального мира складывается из простых и понятных вещей, а жизненные ситуации, связанные с отклонениями от норм, сводятся к обыденным переживаниям, мыслям и действиям. Как известно, в мифе сотворение мира возможно за шесть дней, а сам он состоит всего из четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня. Мифы замещают изучение сложных социальных явлений рассказами о жизни богов, героев и злодеев. Легенды и древние сказания объясняют не только тайны сотворения и развития мира, но и раскрывают феноменологию злодеяний, борьбы добродетели и порока. Накопление и закрепление первых протодевиантологических знаний происходит постепенно и находит отражение во всех религиозных источниках. Об этом свидетельствуют Тора, Библия и Коран. Однако мифология и религия как первые формы ненаучного мышления не позволяют проверить на истинность девиантологические идеи и предположения опытным путем.

Ненаучным протодевиантологическим способом фиксации и трансляции знаний о пороке выступает искусство. Это и наскальные рисунки, и поэзия, и проза, и живопись, и театр. Великие мастера художественного слова, кисти, драматургии оставили потомкам выдающиеся творения прошлых лет, в которых описываются девиантные судьбы, людские драмы и трагедии. Девиантологическое содержание можно увидеть в размышлениях и творчестве Гомера, Шекспира, Сервантеса, Бальзака, Пушкина, Достоевского, Толстого, Маяковского, Маркеса, на полотнах Босха, Рубенса, Брей-

геля, Дюрера, Гойи, Васнецова и многих других гениальных творцов. Однако искусство, отражая мир человека, социальные проблемы, в том числе девиантность, не обходится без художественного вымысла, творческого воображения и преувеличений. Оно не связано строгими правилами верификации жизненных наблюдений в поисках объективного знания.

Научному осмыслению феноменологии девиантности первыми способствовали античные мыслители, опиравшиеся в поисках истины о норме и патологии на философскую рефлексию и диалектический метод. Древнегреческий философ Гераклит Эфесский (родился около 544–540 до н.э.) видел движение вещей и общественных явлений как закономерный процесс, порождаемый единством и борьбой противоположностей (день и ночь, жизнь и смерть, добро и зло). Аристотель (384–322 до н.э.) причины девианности в форме распрей и войн находил в несовершенном устройстве общества, в имущественном неравенстве, в нарушении меры справедливости.

Идеи античных философов о добре и зле, норме и патологии, государстве и обществе, социальной справедливости нашли отражение в правотворчестве. Так, римская империя создала уникальный социально-правовой памятник – римское право (от свода законов двенадцати таблиц до дигестов Юстиниана), отражающее социальную, в том числе девиантную реальность этой величественной эпохи. Оно выступает как вполне определенное писанное право, единое для всех территорий и сословных групп, способное регулировать самые сложные аспекты как в области властных отношений между государством и гражданином (публичное право), так и имущественных отношений между частными лицами (частное право).

С падением Рима и развитием христианства в Европе протодевиантологическая мысль средневековья развивается в русле богословия. Впрочем, ранние идеологи христиан-

ства во многом наследуют римскую трактовку естественно-правовых норм и отклонений. Естественное право на жизнь и собственность рассматривались как данные Богом, однако девиантность трактуется в контексте греховного поведения. Социальные доктрины через понятие Бога развивают Аврелий Августин, Фома Аквинский, Уильям Оккам и другие теологи. Августин (354–430 н.э.) обосновывает социальное неравенство в обществе тем, что оно имеет божественное происхождение, а земная иерархия есть отражение иерархии небесной. При этом люди, населяющие «Град земной», приверженцы всего греховного (алчные, жестокие, самолюбивые, думающие лишь о телесных нуждах, забывшие Бога девианты). Аквинат (1224–1274) также решительно выступает против социального равенства, считая сословные различия вечными. Равенство людей возможно лишь перед Богом.

Религиозные представления находят отражение в правовых документах средневековья. В салической правде (конец V века н.э.) описан порядок престолонаследия, судопроизводства и заключения сделок, перечислены преступления и наказания, отражены элементы нового общественного строя, связанного с растущим социальным расслоением. Нормы о запрете таких девиаций, как убийства, насилие над женщинами, а также об имущественных отношениях, отражены в законах датского короля Кнута (1017–1035 гг.), в англосаксонских статутах и ассизах закрепилось формирование общего права (*common law*). В Великой хартии вольностей (*Magna Charta Libertatum*) (1215 г.), отражены реалии английской сословной монархии с ограничением власти короны и провозглашением прав и свобод подданных.

К освобождению от религиозной зависимости в осмыслении девиантологической проблематики привела эпоха Просвещения. С ее приходом утвердился культ разума, укоренились представления о способности человека к познанию

Вселенной, использованию природы в своих целях, о пользе наблюдений и умозаключений для поиска истины, о критическом восприятии и анализе социальной действительности.

В философских работах Т. Мора, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ф. Бэкона, Б. Спинозы и др., исходя из решения вопроса о природе человека и общества были сформулированы более реалистичные представления о сути и генезисе общества, и государства, социальных норм и отклонений. Так, еще в «Утопии» Томаса Мора (1478–1535) были высказаны конкретные соображения о причинах преступности и целесообразности наказаний. Английский философ Томас Гоббс (1588–1679) сформулировал светский вариант теории «естественного права» и концепцию общественного договора. Люди, созданные Творцом, равны, у них одинаковые возможности и ничем не ограниченные «права на все». Однако, по мнению философа, догосударственное «естественное» состояние человеческого общества характеризуется как «война всех против всех» в условиях абсолютного равенства и ничем не ограниченной свободы. В сочинении «Левиафан» Гоббс поднимает проблематику социальных отклонений, порядка и стабильности. В пессимистической перспективе он негативно оценивает человека как эгоистическое, завистливое и ленивое существо – источник девиантности конфликта в силу соперничества, недоверия, жажды славы. Отсюда люди, чтобы избежать самоуничтожения, обеспечить мир и безопасность, вынуждены заключить «общественный договор» – контракт о создании государства, передав ему часть своих прав. Гоббс превозносит роль государства в форме абсолютной монархии.

Джон Локк – представитель английского эмпиризма и либерализма (1632–1704), так же, как и Гоббс, исходит из предположения о «естественном» догосударственном состоянии общества, организованного на принципах равенства, спра-

ведливости, независимости друг от друга. В таком социуме отношения между людьми регулируются нормами морали и религии, а не права. Однако по мере роста населения и неравномерного накопления собственности усиливаются девиантогенные факторы и нарастают конфликты. Так возникает состояние войны «всех против всех». Отсюда в поисках выхода люди приходят к идее «общественного договора» или согласия относительно образования государства, которому делегируются полномочия силой обеспечить мир и защитить собственников. Государство как продукт общественного договора – гарант естественных прав (свобода, равенство, собственность). Концепцию общественного договора Локк развил положением о том, что граждане не должны лишаться всех или большинства своих прав, а власть концентрироваться в одних руках или одной властной структуре. Однако Локк, в отличие от Гоббса, убежденный сторонник конституционной монархии, в которой единственным истинным основанием власти суверена является согласие народа.

Французский просветитель Жан-Жак Руссо (1712–1778), разделяя идею общественного договора, иначе, чем его английские предшественники, объяснял причины создания государства и системы норм права. Как мыслитель-гуманист, он утверждал, что человек по своей природе добр, милостив, создан для счастья, но общество его «портит». Согласно Руссо, общество создано общей волей людей, а законы общества являются выражением этой воли. В трактате «Об общественном договоре» Руссо рисует картину идеального общества. В естественном догосударственном состоянии человек находится в гармонии с природой. Однако рост населения и географические факторы приводят к возникновению соперничества. Естественное неравенство сил и дарований людей с появлением частной собственности ведет к политическому неравенству, к конфликтам могущественных

и обездоленных, к распространению девиантных проявлений и практик среди людей. Восстановлению гражданского мира и согласия после свержения абсолютизма должно служить создаваемое по общественному договору демократическое государство, опирающееся на ненасильственные, воспитательные средства, которые в полной мере отвечают изначально миролюбивой природе человека.

Согласно Руссо, свободой обладает не личность, а государство и люди пользуются свободой лишь как его полноправные граждане. В результате человек теряет естественную свободу, но приобретает свободу гражданскую. Ее условием выступает равенство, и не только политическое, но и имущественное. Государство не должно допускать поляризации людей на бедных и богатых. Следовательно, Руссо демонстрирует социологическое мышление, обращая внимание на социальное неравенство, наличие классов, конфликтов и перемен, роль демократического государства в обеспечении гражданского мира и в снижении масштабов девиантности. Идеи юснатурализма и естественных прав были закреплены в работах англо-американского политического активиста и теоретика Томаса Пэйна (1737–1809).

В религиозной интерпретации преступность считалась порождением человеческой порочности, греховности. Если индивид совершал преступление, то ему полагались жестокая кара на земле и ад в загробной жизни. Мыслители эпохи Просвещения и Нового времени не только раскрепостили и развили философскую и политико-правовую мысль, но и подвергли острой критике религиозные модели объяснения поведения людей и, прежде всего, преступности и девиантности, проложили рациональный путь к пересмотру вечной темы «преступления и наказания».

Под влиянием идей Просвещения с развитием метафизического, умозрительного подхода, доминировавшего в

философии и юриспруденции той поры, преступление все чаще рассматривается как индивидуализированная форма зла, продиктованная рациональным, свободным выбором индивида. В итоге в криминологии как наиболее развитой части девиантологического знания сформировалась классическая школа (Ч. Беккариа, И. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах и др.), основные этапы развития которой отражены на рисунке 1 [1, с. 28–29].

В 1764 году итальянский криминолог Чезаре Беккариа (1738–1794) опубликовал свою фундаментальную работу «О преступлениях и наказаниях». Он первым дал сокрушительную оценку современной ему юстиции, особенно тех судей, которые накладывали произвольные и чрезмерные наказания. Цель наказания, по мысли гуманиста, должна состоять в сдерживании, предупреждении преступного поведения, а не мести. Он полагал в духе времени, что люди оценивают свои поступки рационально, осознавая боль и

Классическая школа

Период: 1700-е – 1880

Теоретики: **Ч. Беккариа, Дж. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах** и др.

Понятия: рационализм, утилитаризм, свободный выбор, сдерживание через наказание, общественный договор, естественные права, превенция

Неоклассическая школа,

тип 1: закон и порядок

Период: 1970-е – настоящее время

Теоретики: **Дж. Катц** и другие.

Понятия: определенное сдерживание, общее сдерживание

Неоклассическая школа,

тип 2: защита личных прав

Период: 1960-е – настоящее время

Понятия: естественные права, конституционные права, судебный процесс

Рис.1

похвалу. Согласно Беккариа, сама боязнь наказания заставляет людей вести законопослушный образ жизни. При этом он требовал, чтобы мера наказания в большей степени исходила из того вреда, которое преступное действие причиняет обществу, а не потерпевшему. Беккариа различал три типа преступлений: против безопасности государства, против граждан и их собственности, против общества. Согласно его взглядам, наказание должно соответствовать типу преступления. Так, воровство должно наказываться штрафом, и только за тяжкие преступления против государства предполагается применение смертной казни. Впрочем, великий криминолог-гуманист был настроен против смертной казни в большинстве подобных обстоятельств.

Основателем классической школы по праву считается итальянец Чезаре Беккариа. Под влиянием гуманистических идей Просвещения он сформулировал ряд и поныне актуальных принципов превенции преступности и либерализации наказания:

«Лучше предупреждать преступления, чем наказывать» [2, с. 393].

«Хотите предупредить преступление? Сделайте так, чтобы законы были ясными, простыми, чтобы вся сила нации была сосредоточена на их защите» [2, с. 395].

«Должна быть соразмерность между преступлениями и наказаниями» [2, с. 216].

«Единственным и истинным мерилom преступлений является вред, который они причиняют нации» [2, с. 223].

«Цель наказания заключается не в истязании и мучении человека ... цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удержать других от совершения того же» [2, с. 311].

«Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает людям пример жестокости...» [2, с. 320].

«Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания произведет всегда большее впечатление, чем страх перед другим, более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность» [2, с. 309].

Идейное влияние классика на современных ему ученых, европейское сообщество и практику правоприменения было огромным. Очень высоко оценили правовые принципы Ч. Беккариа прусский король Фридрих Второй, российская императрица Екатерина Вторая. В Уголовном кодексе Франции 1871 года были практически внедрены многие идеи великого правоведа-гуманиста. Однако французский кодекс все еще игнорировал различия между правонарушителями и ситуациями преступлений. Пересмотренный в скором времени уголовный закон этой страны позволял судьям рассматривать обстоятельства преступления, но все еще не учитывал иррациональные аспекты намерений и мотивов поведения преступников.

Таким образом, Ч. Беккариа сформировал классический подход, в рамках которого преступники рационально управляют своим поведением и могут быть удержаны от преступления путем осознания неизбежности угрозы наказания.

Важный вклад в развитие социально-правовых идей Ч.Беккариа и классической школы внес талантливый английский философ и правовед Иеремия Бентам (1748–1832). Бентам в работе «Введение в принципы нравственности и законодательства» (1789) заложил основы моральной философии утилитаризма, в рамках которой польза выступает основой нравственности и критерием человеческих поступков. В соответствии с философией Бентама цель нравственного поступка личности направлена на ее пользу, индивидуальное благосостояние, а общества – на максимизацию общей полезности (по Бентаму, «наибольшее счастье наибольшему числу людей»). Утилитаризм, как способ мыш-

ления в буржуазном обществе, редуцировал проблему морального выбора к расчету выгод и потерь, наслаждений и страданий. Он обосновал прагматичное стремление представителей третьего сословия во всем извлекать материальную пользу, добиваться благополучия, независимо от того, идет ли речь об индивидуе или обществе в целом.

Бентам, как и Бекария, ориентировался на практическую пользу превенции преступлений. Сторонник утилитаризма и гедонистического направления в анализе преступного поведения, он полагал, что «предотвратить случай вреда», превысить удовольствие от преступной деятельности может рационально осознаваемая преступником боль наказания.

Анализируя несовершенство уголовного законодательства, он обосновал в вышеуказанной работе ряд прогрессивных принципов назначения наказания преступникам:

-
- *«должно, чтобы зло наказания превосходило выгоду преступления»;*
 - *«чем менее неминуемость наказания, тем более должна быть строгость его»;*
 - *«чем важнее преступление, тем более можно решиться на наказание жестокое для вящей надежды предупредить преступление»;*
 - *«одинаковые наказания за одинаковые преступления не должны вестись налагаемыми на всех преступников без изъятия. Надлежит принимать в уважение обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность»* [3, с. 546–551].
-

Бентам выдвинул идею создания централизованной полиции, сосредоточенной на предупреждении преступности и контроле. Эта его рекомендация нашла отражение в английском законе о столичной полиции 1829 года. Другой оригинальный вклад Бентама вложен в пенитенциарную криминологию. Он предложил проект тюрьмы по типу Паноптикума,

камеры которой располагаются по окружности, что повышает эффективность контроля стражи за заключенными.

В рамках классической школы утвердилось положение о том, что человек сознательно контролирует свою судьбу, а преступление есть результат его собственного свободного выбора. И если человек выбирает зло, то должен нести за это уголовную ответственность. Поскольку преступник взвешивает все «за» и «против», то выбор преступного поведения имеет исключительно рациональный характер. Отсюда, усиливая наказание правовыми средствами, общество должно сделать преступление менее привлекательным и более болезненным для индивида, что и будет сдерживать его от искушения идти по пути злодеяний.

Теоретическое наследие в понимании девиантности, преступности и социального контроля, оставленное классической школой, актуально и развивается в настоящее время. Его можно структурировать в следующих пяти принципах.

Принцип рациональности: поведение людей рационально – результат сознательного выбора.

Принцип гедонизма: максимизация удовольствия (награды) и минимизация боли (наказания) – главные инструменты в превенции преступлений.

Принцип наказания: кара за преступление – средство устрашения и сдерживания.

Принцип прав человека: в обществе должны уважаться права граждан.

Процессуальный принцип: обвиняемый должен считаться невиновным и не подвергаться наказанию, пока его вина не будет установлена в судебном процессе.

Таким образом, лучшие представители классической школы, анализируя преступность, законодательство, пенитенциарную систему и жесточайшую практику наказания своего времени, искренне считали, что при выборе лично-

стью моделей противоправного поведения рациональность является основополагающим мотивом, а превенция и контроль – лучше жестокости наказаний. Принципиальные положения классиков относительно понимания преступности и гуманизации социального контроля над ней в различных вариациях нашли отражение и составляют основу уголовного законодательства многих стран мира.

Вместе с тем нельзя не видеть, что классическая школа заметно ограничивает методологическую основу изучения и многообразие форм девиантного поведения, обращаясь в основном к метафизическому исследованию юридических аспектов феномена преступности. Отсюда наибольшая критика досталась классикам за умозрительность и метафизичность их подхода, поскольку основным методом познания, которым они пользовались, было, по образному выражению американского социолога Э. Сатерленда, «кресло, на котором они сидели во время написания своих книг» [4, с. 20]. Методологическая ограниченность, оторванность от опыта, эмпирических исследований природы девиантности не позволили представителям классической школы выйти на исследование феноменологии личности преступника, антропо-биологических, социально-психологических, собственно социальных и иных аспектов отклоняющегося поведения.

Классическая школа привела к научному прорыву в пору Нового времени, бурному развитию девиантологических знаний, привнесла в социально-правовую теорию и юридическую практику великие идеи неотвратимости наказания и, что, особенно важно, его гуманизации, а также превенции преступлений. Основные положения классической школы получили дальнейшее развитие в рамках неоклассицизма в США и других англоязычных странах в 1960, 1970-е годы в рамках направлений социального контроля по моделям «закон и порядок», «защита индивидуальных прав» [5]. В

их основе лежит неоклассическая концепция сдерживания преступности угрозой и примером уголовного наказания. Однако в правоприменительной практике на рубеже XXI века утилитарная модель социального контроля над преступностью «закон и порядок» не выдержала испытание скоростью социальных изменений ультрасовременного капитализма. «Кризис наказания», начиная с конца 80-х годов, если не обрушил этот проект, то, по крайней мере, показал, что его теоретические возможности и практические модели неоклассического полицейского контроля над преступностью и другими формами негативной девиантности в современных условиях весьма ограничены. Однако это тема следующего специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения. Казань: КЮИ МВД России, 2013.
2. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
3. Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении (сочинения английского консультанта). СПб., 1806.
4. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: Издательская группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
5. Комлев Ю.Ю. Теория рестриктивного социального контроля. Казань: КЮИ МВД России, 2009.

Адаптация и закрепление молодых специалистов в ОВД в контексте полицейской реформы: результаты социологических исследований¹

Реформа ОВД проводится на правовой основе ФЗ «О полиции» (2011), «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011), «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2011) и других нормативных правовых актов. Траекторию перемен уточняет «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации» (2013). Этот документ направлен на то, чтобы сделать российскую полицию государственным институтом, способным дать адекватный ответ угрозам и вызовам XXI века и пользующимся высоким доверием граждан.

Необходимость преобразований обусловлена развитием новых политических реалий, внешних и внутренних угроз, экономических санкций, глобализацией. Глобальные и локальные перемены в мировой экономике и обществе постмодерна влекут за собой, с одной стороны, гентрификацию и рассеивание преступности, с другой – ее геттоизацию (концентрацию и интенсификацию). Эти тренды заявляют о себе не только в экономически развитых, но и в развивающихся странах с преимущественно сырьевой экономикой и высоким уровнем расслоения населения, таких, как Россия и другие страны постсоветского пространства. Вместе с тем заметное снижение масштабов фиксируемой полицией ОВД статистики преступлений, как в России, так и других странах, свидетельствует не об успешном противодействии

¹ Вестник КЮИ МВД России. 2015. № 1. С. 6–18.

криминальным угрозам, а скорее о трансформации преступности из преимущественно насильственной в латентную форму «беловоротничковой» (коррупция и другие преступления) и кибер-преступности. Дистрибутивное уголовное право и правоохранительная система в силу инерции не обеспечивают эффективный социальный контроль над преступностью в ее современных проявлениях, что позволяет криминологам (Н. Кристи, Я. Гилинский и др.) заявлять о продолжении «кризиса наказания» или «полицейского контроля» по модели «закон и порядок».

Опыт реформ в МВД показывает, что без профессионалов в среде сотрудников органов внутренних дел полиция не сможет выполнить стоящие перед ней задачи по противодействию преступности в новых условиях. Наряду с современным оснащением ОВД, внедрением передовых технологий совершенно необходимо реформировать работу с полицейскими кадрами. «Дорожная карта» справедливо концентрирует внимание на необходимости повышения кадрового профессионализма ОВД. Для достижения этой цели требуется *сформировать и закрепить профессиональное кадровое ядро* полиции по всем направлениям оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности на всех уровнях управления; повысить эффективность системы подбора, расстановки и перемещения кадров; создать необходимые условия для «профессиональных лифтов», стимулирующих служебный рост и личную инициативу кадров; переработать нормативы кадрового обеспечения органов внутренних дел с учетом фактической нагрузки; скорректировать работу образовательных организаций, системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров, увязанной с порядком прохождения службы в органах внутренних дел; качественно преобразовать воспитательную работу с личным составом, в основу которой поставить идеи соблюдения и защиты

прав человека, служения народу, гражданской ответственности и патриотизма, верности служебному долгу, уважения к закону, общепринятым нормам морали и нравственности, толерантности и самодисциплины. Необходимо восстановить и упрочить в этих целях институты наставничества, поручительства и взаимной ответственности сотрудников и руководителей; сформировать в системе МВД России условия, обеспечивающие высокую личную заинтересованность каждого сотрудника в добросовестном исполнении служебных обязанностей как гарантии сохранения высокооплачиваемой и престижной работы; а также получения во время прохождения службы и после выхода в отставку достойного пакета социальных льгот.

«Дорожная карта», как видим, определяет вектор на развитие кадрового ресурса МВД. Это совершенно оправданно, поскольку позволит в перспективе изменить и управленческую парадигму, ориентированную на тотальный ведомственный контроль, при котором неизбежны постоянные проверки, отчеты, работа на статистику, а не конечный результат; снижение профессионализма («работа по среднему»), текучесть кадров, падение инициативы и творчества.

Исследования специалистов свидетельствуют, что издержки «контроля сверху» за работой сотрудников полиции в России сегодня столь велики, что на охрану правопорядка нередко не хватает людских и временных ресурсов. Так, участковый уполномоченный за свой рабочий день выполняет два вида работ: с одной стороны, он ходит по вызовам, ведет прием граждан, участвует в разрешении конфликтов, в охране общественного порядка. С другой – он детально заполняет рапорты, отчеты, протоколы, на что тратит половину своего рабочего времени [1]. В полиции, да и не только, принято считать, что без заполнения бумаг сотрудники ничего не делают. На этот факт указали и результаты не-

формализованного опроса, проведенного в рамках данного исследования в учебной группе ФПО и ДПО КЮИ МВД России, где обучение проходили в 2014 году 25 руководителей подразделений полиции из Татарстана, Москвы, Нижегородской области, Пермского края и других регионов, включенных в кадровый резерв территориальных органов МВД России на районном уровне. Типичные высказывания опрошенных следующим образом характеризуют современную ситуацию на местах: *«бюрократия, поэтому нехватка личного состава», «бумажный оборот, поэтому нет времени для работы с населением», «несвойственные функции», «нет ротации руководителей», «палочная система», «неграмотное сокращение личного состава», «двойной документооборот», «тотальный контроль», «заседаем больше, чем работаем», «бумажная работа».*

Между тем ориентация «Дорожной карты» на создание и закрепление *«профессионального кадрового ядра»* предполагает переход к системе управления, в которой вложение в качественный отбор, подготовку, переподготовку и закрепление персонала полиции будет способствовать росту образованности, самоконтроля, самодисциплины и ответственности сотрудников, повышению роли в ОВД профессиональной этики, репутационных механизмов «контроля снизу». По этому пути успешно продвигаются полицейские организации западных стран, особенно Германии.

В настоящее время на службу в полицию поступают различные категории специалистов. Однако ведущая роль в комплектовании территориальных подразделений принадлежит выпускникам ведомственных высших учебных заведений юридического профиля. Это достаточно подготовленная и стабильная часть в пополнении кадрового потенциала полиции. Работа с кадрами затрагивает широкий спектр социально-профессиональных вопросов, связанных с со-

вершенствованием системы отбора, направления на учебу, распределения, адаптации и закрепления молодых специалистов в территориальных ОВД.

Выпускники вузов МВД получают в целом добротную теоретическую подготовку, овладевают профессиональными знаниями, навыками и умениями. Учебные планы, образовательные программы и технологии в ведомственных образовательных организациях ориентированы на реализацию компетентностного подхода. Они постоянно совершенствуются в контексте усиления практической направленности обучения. Вместе с тем практика и режим работы в ОВД отличаются от учебы в вузе. Эти различия весьма существенны в условиях, когда продолжается реформа ОВД, пресса нагрузки на плечи рядовых сотрудников полиции не снижается, а в некоторых случаях усиливается в силу издержек, вызванных ошибками оптимизации штатной численности персонала, ее перераспределения, а также бюрократизации управления, доминирования «контроля сверху», тотального и повсеместного бумаготворчества.

Полицейская реформа, увы, мало что изменила в работе ОВД на уровне территориальных подразделений. Тем не менее, статистика свидетельствует, что после принятия закона «О полиции» текучесть выпускников Казанского юридического института МВД России в ОВД Республики Татарстан определенно снизилась. Так, в 2010 и 2011 годах из 180 выпускников очного факультета, откомандированных для дальнейшего прохождения службы в МВД по РТ, по разным основаниям был уволен каждый шестой молодой специалист. По итогам 2012 и 2013 годов из 172 выпускников уволены всего 5 молодых специалистов. Однако установки на увольнение, как показывают неформализованные опросы, разделяет все еще значительная часть выпускников вуза. И если бы не контрактная система, то уволенных по собствен-

ной инициативе среди выпускников КЮИ МВД России в территориальных подразделениях МВД по РТ было бы значительно больше, особенно в крупных городах.

Отсюда адаптация и закрепление выпускников КЮИ МВД России в территориальных ОВД имеют особую актуальность и практическую значимость.

В рамках заказа со стороны УРЛС МВД по РТ на разработку адаптационной проблематики кафедрой философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России в 2014 году выполнена НИР «Адаптация и закрепление выпускников КЮИ МВД России в ОВД РТ: результаты эмпирического исследования».

Основная цель этой работы состояла в проведении и обобщении результатов эмпирических исследований качества подготовки, специфики адаптации и закрепления в территориальных ОВД Татарстана выпускников КЮИ МВД России.

Эмпирическую базу исследования составили результаты исследований в области профессиональной адаптации выпускников вузов, в том числе ведомственных, а также данные неформализованных и формализованных опросов выпускников КЮИ МВД России и экспертов – руководителей, ведущих сотрудников территориальных ОВД, в том числе наставников молодых специалистов.

Автором были разработаны 2 методики полуформализованных опросов и одна методика неформализованного интервью. В качестве основного объекта исследования были определены выпускники очной формы обучения КЮИ МВД России, распределившиеся в территориальные ОВД Республики Татарстан, со стажем практической работы не более 5 лет. При формировании выборочной совокупности акцент сделан на отбор респондентов из УМВД России по г. Казани, поскольку в Казанский гарнизон за последние 5 лет было распределено около 200 выпускников КЮИ МВД очной

формы обучения (43 из них были уволены). В итоге опрошен практически каждый третий выпускник, отобранный по вероятностной выборке, что позволяет считать итоговые данные вполне репрезентативными. Выборка объемом из 61 единицы обеспечивает качественную репрезентативность конечных данных и включает в себя в основном выпускников КЮИ МВД России 2012, 2013 годов. Среди них в полиции общественной безопасности служат 23% респондентов, в криминальной полиции – 47%, следствии и дознании – 23%.

В качестве другого объекта были определены руководители служб, ведущие специалисты, наставники как носители экспертного знания. Основу экспертной выборки составили руководители служб УВД и подразделений Казанского гарнизона (26 человек). Экспертами выступили наставники, непосредственные начальники и руководители подразделений криминальной полиции (47%), следствия и дознания (27%), полиции общественной безопасности и других служб (36%), в которые распределились молодые специалисты. Дополнительно опрошены 53 эксперта из территориальных ОВД Кировской и Ульяновской областей, Удмуртии, Марий Эл, Чувашии, Башкирии, где работают выпускники КЮИ МВД России. Кроме того, были опрошены по методике неформализованного интервью слушатели учебной группы ФПО и ДПО КЮИ МВД России – руководители, включенные в кадровый резерв территориальных органов МВД России на районном уровне. Сбор опросных данных выполнен в ноябре–декабре 2013 года и январе–феврале и октябре 2014 г.

Теоретические основы исследования: основные подходы и понятия. Ультрасовременный капитализм, сотрясаемый конфликтами и периодическими кризисами, обостряет конкуренцию на рынке труда. Отсюда, будущему специалисту чрезвычайно трудно и важно найти свое место по избранной профессии, приобрести навыки быстрого и,

по возможности, безболезненного вхождения в профессиональную деятельность. Выпускники вузов МВД России не исключение в ряду молодых специалистов и также должны приспособиться к специфике службы в территориальных ОВД, где периодически происходит «оптимизация численности личного состава». Им необходимо проникнуться миссией, целями и задачами, стоящими перед полицией; найти общий язык с коллегами по службе, наставниками и начальниками; научиться взаимодействовать с правонарушителями, потерпевшими, гражданами, нуждающимися в полицейской защите; освоить корпоративные полицейские нормы. Этот сложный процесс в широком смысле слова определяется понятием «адаптация», происходящим от латинского *adaptio* – приспособляю.

В социологии и психологии чаще всего рассматривают социальную, социально–психологическую, а в контексте профессиональной деятельности профессиональную адаптацию. В определенной мере эти специфические виды адаптации пересекаются друг с другом: социальная деятельность сопряжена с внутренним миром человека, при этом они тесно связаны с профессиональным статусом и поведением специалиста в организации. С позиций полицейского менеджмента, кадровой работы наибольший интерес представляет социально-психологическая и профессиональная стороны адаптации молодых специалистов – выпускников ведомственных вузов в территориальных ОВД.

Социальный аспект адаптации предполагает определенную степень как общей, так и профессиональной социализированности личности, характеризующуюся профессиональными компетенциями и знаниями, навыками, умениями, ценностными ориентациями, направленностью личности, статусно-ролевыми характеристиками. Он проявляется в процессе деятельности и неразрывно связан с профессио-

нальной активностью. Психологическая сторона адаптации выступает как сбалансированность внутренней структуры личности. В социальном и психологическом ключе адаптацию изучают и как потенциальное саморазвитие личности.

Профессиональная адаптация рассматривается специалистами в значении совокупности приспособительных реакций человека к окружающей его социальной, психологической, организационной среде; как приспособление личности к новым социальным условиям, связанным с изменением вида его деятельности, как вхождение индивида в различные социально–профессиональные роли [2]. Профессиональная адаптация имеет как предметную, так и социально-психологическую сторону. Предметная сторона профессиональной адаптации отражает отношения в подсистеме «человек – профессия», социально-психологическая – в подсистемах «человек – человек» и «человек – коллектив». Эти взаимосвязанные стороны профессиональной адаптации происходят одновременно, дополняют и интенсифицируют друг друга. В профессионально–психологическом контексте адаптацию интерпретирует М.А. Дмитриева как процесс становления и сохранения динамического равновесия в системе «человек – профессиональная среда» [3]. Профессиональная адаптация как процесс приспособления человека к новым для него условиям труда включает в себя овладение профессиональными ценностями и нормами, осознание профессиональных мотивов и целей, усвоение компонентов профессиональной деятельности (миссии, целей, задач, стоящих перед организацией, предмета и результатов труда, приемов работы и служебных условий) [4].

Сопоставление различных подходов позволяет синтезировать понятие «профессиональная адаптация выпускника вуза системы МВД к условиям деятельности в ОВД», под которой будем понимать *процесс активного взаимодей-*

ствия личности молодого специалиста-выпускника ведомственного вуза в ходе предметной служебной деятельности и профессиональной среды (коллектив ОВД), который включает ее в систему ценностей, норм, мотивов, социально-профессиональных ролей и связей, позволяет закрепить усвоенные в вузе профессиональные знания, умения и навыки, освоить базовые практики полицейской службы, добиться служебного роста и самореализации.

Исследователи выделяют несколько основных стадий профессиональной адаптации, соответствующих процессу вхождения молодого специалиста в социальную среду организации: установление равновесия между коллективом и индивидом, которое проявляется во взаимной терпимости к системе ценностей и стереотипам поведения; псевдоадаптация как сочетание внешней приспособленности к обстановке с внутренними отрицательным отношением к ее нормам и требованиям; приноравливание как признание и принятие системы ценностей новой ситуации, взаимные уступки; осуществление психологической переориентации индивида, трансформации прежних взглядов, ориентаций, установок в соответствии с новой ситуацией.

Результатом адаптационных процессов может быть адаптированность или дезадаптированность личности, поскольку адаптация отнюдь не всегда бывает успешной. Отсюда специалисты используют понятие «дезадаптация», суть которого состоит во внутриличностных и межличностных конфликтах в коллективе, сопряженных с невозможностью найти пути их разрешения. Дезадаптированность может быть ситуативной или устойчивой. Первый вариант устраним с помощью адаптивных действий как субъекта адаптации, так и агентов его профессиональной социализации. Вторая версия сохраняется продолжительное время и носит деструктивный характер, поскольку личность

не может найти выход – путь к адаптации в определенных социальных или организационных условиях. В итоге дезадаптивный субъект переживает острую перманентную фрустрацию, стресс, депрессию или даже психоз или невроз. Дезадаптация может заявить о себе в различных поведенческих нарушениях: в негативной девиантности и нарушениях служебной дисциплины, в снижении производительности труда, в аварийности и травматизме.

Для успешности профессиональной адаптации необходимо формировать адаптационный потенциал личности молодого специалиста. Он определяется паттерном следующих характеристик: нервно-психическая устойчивость; самооценка личности; уровень социальной поддержки (ощущение значимости для окружающих); способность разрешать конфликты; опыт общения; ориентация на общепринятые нормы поведения и требования коллектива. Чем более выражены перечисленные характеристики, тем выше вероятность успешной адаптации в профессии в коллективе, тем значительнее диапазон факторов внешней среды, к которым индивид может приспособиться. Адаптированность личности как способность молодого специалиста к профессиональной адаптации отражает уровень и содержание его фактических достижений во взаимодействии с окружающей организационной средой. Специалисты дифференцируют адаптированность на высокую, среднюю и низкую. Общим показателем адаптированности личности молодого специалиста в организации является отсутствие признаков дезадаптации.

Профессиональная адаптация рассматривается исследователями и как процесс, и как результат. При рассмотрении адаптации в процессном измерении выделяют ее временные характеристики, стадии адаптации и их протяженность. Процесс адаптации человека к профессиональной деятельности дифференцируется на ряд этапов: первичная адапта-

ция, период стабилизации, возможная дезадаптация, вторичная адаптация, возрастное снижение адаптационных возможностей. Изучение адаптации в результативном контексте позволяет сосредоточиться на оценке успешности адаптационных процессов в целом. Та или иная степень адаптированности молодого специалиста характеризует определенное качественное состояние его личности как результат процесса адаптации.

В теории выделяют три наиболее общих критерия оценки профессиональной адаптированности: успешность деятельности (выполнение служебных заданий, поддержка отношений с коллегами, наставниками и руководителями); способность избегать ситуаций, создающих угрозу для дезорганизации служебных отношений и конфликтов и эффективно устранять подобные риски (предотвращение нарушений дисциплины, распорядка дня, чрезвычайных происшествий); осуществление деятельности без значимых нарушений физического здоровья.

Применительно к профессиональной адаптации выпускников ведомственных вузов в территориальных ОВД следует уточнить критерии адаптированности следующим образом: отношение к содержанию служебной деятельности; самооценка степени освоения специфики выполняемых заданий; установка на продолжение службы в полиции; оценка руководителем качества работы молодого специалиста (соблюдения сроков выполнения заданий при расследовании уголовных дел, проведении криминалистических экспертиз и т.п.), уровня сложности работы, меры самостоятельности молодого специалиста; оценка структуры его деловых качеств; оценка руководителем перспективности молодого специалиста; фиксация наличия и количества поощрений или взысканий.

Для выпускников ведомственных вузов процесс вхождения в служебную деятельность территориальных ОВД,

несмотря на полицейскую практику, является новым и нетривиальным. Молодые специалисты, только «окунувшись в воду» реальной полицейской службы, выясняют для себя, что их априорные, во многом идеализированные представления о характере службы, а также ожидания относительно своего места и роли в полиции не совпадают с суровой действительностью. Один из лучших исследователей адаптационной проблематики в поствузовском контексте М.С. Яницкий отмечает, что процесс профессиональной адаптации молодых специалистов развивается нормально, если устанавливается соответствие между подсистемами следующих характеристик: комплекс требований, предъявляемых современным производством к личности специалиста и связанных с его готовностью к профессиональной деятельности (высокий уровень профессиональных знаний, любовь к своей специальности, инициативность, самостоятельность, организованность и другие профессионально значимые качества), и комплекс ожиданий и требований со стороны специалистов к будущему месту работы [5].

Очевидно, что и у молодых офицеров полиции не всегда сбалансированы ожидания относительно содержательной стороны полицейской службы (актуальность, разнообразие, сложность решаемых задач, возможности профессионального роста по службе, актуализация творческих способностей), перспектив общения с коллегами и улучшения социально-бытовых и жилищных условий. Д.А. Александров, исследуя социально-психологические аспекты адаптации молодых сотрудников ОВД, показывает, что профессиональная адаптированность уменьшает внутренний диссонанс, который может произойти из-за несоответствия или неудовлетворенности собственными реальным и идеальным Я-образами [6, с. 20–23].

Ряд исследователей профессиональной адаптации в ОВД

обращает внимание на недостаточность практических знаний, умений и навыков собственно по «полицейским дисциплинам» в контексте выявления факторов дезадаптации. Так, в исследовании А.Ф. Караваева, Е.А. Скиданова в рамках проекта «Профессиональное становление молодых сотрудников ОВД» отмечается, что более всего способствовали получению и усвоению знаний, закреплению умений практические занятия в ОВД, ситуационно–ролевые игры, упражнения, учения по дисциплинам специализации. Наибольшее значение для успешной адаптации выпускники придают практике в любом виде (практические занятия – 76,79%, занятия в подразделениях – 53,89%; ситуационно–ролевые игры – 42,99%) [7].

Таким образом, успешная профессиональная адаптация способствует преодолению психологических проблем, закреплению выпускника ведомственного вуза в полиции. Сам процесс закрепления выступает как реализация комплекса специальных управленческих мер, способствующих выполнению сотрудником своих обязанностей и условий контракта, формирующих прочную установку на продолжение службы вплоть до полной выслуги лет. Словом, закрепляемость выпускников ведомственных вузов в ОВД – это, прежде всего, результат качественного полицейского менеджмента.

Адаптация и закрепление молодых специалистов после учебы в ведомственном вузе в территориальных ОВД во многом осложняется тем, что органы правопорядка, согласно Д.Д. Невирко, являются авторитарными социальными институтами и организациями [8]. И если в учебном процессе субординационные отношения в системе «преподаватель–курсант» развиваются по модели «учитель–ученик», то на практике в полиции – по модели «начальник–подчиненный». Территориальные ОВД, несмотря на социальную, сервисную ориентацию полицейской службы в духе ФЗ «О полиции»,

особенно на местах, по-прежнему остаются авторитарной структурой. Для полиции характерна бюрократическая модель управления на основе тотального «контроля сверху» с использованием формализованных оценок деятельности подчиненных со стороны непосредственных начальников и вышестоящих уровней управления. Сохранению авторитарных традиций и норм в ОВД, чрезмерной бюрократизации управления способствуют гипертрофированное единоначалие, жесткая регламентация службы, отсутствие демократических начал в управлении, неразвитость «контроля снизу», в том числе со стороны общественного мнения.

Отсюда весьма показательно, что многие выпускники ведомственных вузов свидетельствуют, что в ОВД нередко доминирует формальный, если не жесткий, подход руководителей подразделений к оценке их труда, указывают на факты несправедливого, необъективного отношения к ним руководства в вопросах материального и морального стимулирования труда, продвижения по службе. Выпускники вуза, начинающие свою профессиональную деятельность, некоторыми руководителями априори воспринимаются как «ничего не знающие и ничего не умеющие» по определению. Отношение в коллективах на местах к молодым специалистам часто определяется примитивной формулой, задаваемой некоторыми ортодоксальными полицейскими руководителями: «Забудь все то, чему тебя учили в вузе, и учись здесь и сейчас заново». Однако на практике учат и так, что потом общество сталкивается либо с «синдромом Евсюкова», либо «синдромом ОМ «Дальний»».

Дезадаптация в форме нарушений дисциплины, текучести кадров, низких показателей служебной деятельности есть некий итог спонтанного процесса, в ходе которого полицейским менеджментом не учитывается или недооценивается важность управления профессиональной адаптацией

и закреплении в ОВД молодых специалистов. Между тем управление профессиональной адаптацией заключается в том, чтобы сократить длительность «взаимоприспособления» личности и профессиональной среды, добиться эффективной профессиональной деятельности, иначе говоря, научить молодых специалистов эффективно выполнять свои профессиональные обязанности. Адаптация в территориальных ОВД, по оценкам специалистов, длится от 7–9 месяцев до 1,5 лет. Ключевая роль в управлении адаптацией принадлежит агентам профессиональной социализации в ОВД (*руководителям, непосредственным начальникам, наставникам, работникам кадрового аппарата, коллективу в целом*).

Представляется, что со стороны полицейского менеджмента необходимо систематически выявлять и анализировать дезадаптационные факторы и условия, добиваться их элиминации. Это касается профессиональной подготовленности молодых специалистов, работы наставников, режима работы, объема и распределения нагрузки, воспитательной работы и морально-психологического климата в полицейском коллективе в целом.

Опыт показывает, что даже молодые специалисты, имеющие добротную теоретическую подготовку, овладевшие основами профессиональных знаний и умений, достаточно сложно адаптируются к профессиональной деятельности. Такой вывод напрашивается по данным, структурированным кадровой службой КЮИ МВД России относительно тех выпускников, которые оказались без попечения и реальной помощи со стороны руководства, кадрового аппарата, наставников в территориальных подразделениях в первые месяцы службы. Например, не встретили понимания и поддержки выпускники института 2012 года дознаватели Е.О. Махмутова (ОП «Япеева») и Р.И. Нугуманова (ОП «Вишневский»). Примечательно, что Нугумановой практически

сразу после назначения на должность было поручено расследование более пятидесяти уголовных дел. В результате обе выпускницы уволились в 2013 году.

Вместе с тем дезадаптивность молодых специалистов – отчасти проблема и ведомственной образовательной организации. Совершенно очевидно, что адаптационный потенциал выпускника закладывается еще на этапе вузовского обучения. На теоретических и практических занятиях по психологии, социологии, психологии конфликта, психологии общения и другим социогуманитарным дисциплинам следует более целенаправленно развивать навыки социального взаимодействия, коммуникабельности, умения управлять развитием конфликтов. Адаптивность молодых специалистов растет, если учебный процесс учитывает алгоритмы действий в психологически насыщенных и профессионально значимых ситуациях (выполнение процессуальных действий, подготовка документов, служба по охране общественного порядка, осуществление оперативно-розыскных или следственных действий и т.п.). Адаптивности молодых специалистов способствуют занятия, моделирующие экстремальные ситуации риска, опасности, высокой ответственности, в ходе которых формируется психологическая устойчивость, умение владеть собой. Подобная подготовка реализуется и на полосе препятствий, площадках для эмоционально–волевых упражнений, в процессе психорегуляционных тренингов. Немалую роль в освоении профессиональных знаний занимают учебные занятия на специальных полигонах и прохождение практики в ОВД.

Между тем этих мер уже недостаточно в современных условиях, отсюда, наряду с психологическими программами и тренингами, целесообразно максимально приблизить процесс обучения к практике полицейской работы, широко привлекая на взаимовыгодной основе к учебным занятиям

лучших специалистов из МВД по РТ и других правоохранительных структур. Заслуживает внимания и такая форма укрепления практической стороны обучения, как общественная практика, более широкое участие курсантов в работе юридической клиники и выездные практические занятия.

Как правило, социологические исследования профессиональной адаптации и закрепления молодых специалистов в ОВД опираются на положения и принципы социологического и психологического позитивизма, на количественные методы. Впрочем, хорошим дополнением для позитивистской методологии являются принципы «понимающей социологии» и качественные методы, прежде всего, неформализованные интервью и кейс-стади.

По методике опроса перед респондентами были поставлены как закрытые (формализованные), так и открытые (неформализованные) вопросы, раскрывающие качество профессиональной подготовки выпускников и специфику их профессиональной адаптации, закрепления на службе в полицейских коллективах.

Профессиональная подготовка, адаптация и закрепление молодых специалистов в оценках выпускников и экспертов. Обработка и анализ данных опроса молодых специалистов позволяет сделать ряд следующих констатаций и выводов.

В целом подготовленность к службе в ОВД после учебы в вузе положительно («подготовлен вполне») оценивает каждый второй респондент, 45% расценивают ее как недостаточную, 5% считают себя неподготовленными. Следует признать, что выпускники достаточно самокритично оценивают качество подготовки в вузе, что свидетельствует о наличии резервов для совершенствования учебного процесса.

Выпускникам было предложено оценить по пятибалльной системе уровень своих профессиональных знаний, получен-

ных в стенах КЮИ МВД России, по базовым дисциплинам: психология, уголовное право, уголовный процесс и основы судопроизводства, криминалистика, ОРД, административное право и административная деятельность полиции.

Опрос показал, что по психологии на «хорошо» и «отлично» свои знания оценивают 57% респондентов, «удовлетворительно» – 26 %, неудовлетворительно – 17%.

По предмету «Уголовное право» 77% выпускников считают, что имеют «хорошие» и «отличные» знания, 15% подготовлены «удовлетворительно», 7% – «неудовлетворительно».

Уголовный процесс и основы судопроизводства 70% респондентов освоили на «хорошо» и «отлично», 15% – «удовлетворительно», 15% – «неудовлетворительно».

Криминалистику 57% опрошенных освоили на «хорошо» и «отлично», 34% – «удовлетворительно», 10% – «неудовлетворительно».

Оперативно-розыскную деятельность (ОРД) 59% респондентов освоили на «хорошо» и «отлично», 23% – «удовлетворительно», 18% – «неудовлетворительно».

Знания по административному праву и административной деятельности полиции 47% опрошенных расценивают как «отличные» и «хорошие», 38% как «удовлетворительные», 15% – «неудовлетворительные».

Таким образом, субъективные оценки, полученных в вузе знаний по ряду ключевых практически ориентированных дисциплин, таких как ОРД, административное право и административная деятельность полиции, свидетельствуют о недостаточной подготовленности выпускников к служебной деятельности в ОВД, поскольку доля респондентов с весьма посредственными (удовлетворительными и неудовлетворительными) знаниями составляет от 40 до 53 процентов. Полученный результат свидетельствует о необходимости существенно усилить практический дискурс в обучении,

особенно по дисциплинам полицейского профиля. Применение этих знаний и умений требуется с первых дней профессиональной служебной деятельности. Следовательно, недостаточность подготовки, прежде всего, по дисциплинам специализации выступает существенным фактором дезадаптации молодых специалистов в первые годы службы.

Анализ ответов на открытые вопросы показывает, что в ряду наиболее сложных проблем, с которыми столкнулись выпускники в ОВД, в первую очередь (в порядке убывания значимости), выступают: сложности, непосредственно связанные с самой работой (занятость, загруженность, ненормированный рабочий день, отсутствие компенсаций за переработку и т.п.), а также недостаток практических занятий и умений по дисциплинам специализации.

К факторам дезадаптации непосредственно в территориальных ОВД следует отнести ряд средовых характеристик. Среди них: неудовлетворительное материально-техническое обеспечение; необустроенность рабочих кабинетов, дефицит компьютеров, оргтехники и канцелярских принадлежностей. Существенно детерминирует низкую адаптированность и дезадаптивность молодых специалистов чрезмерно большой объем работы (большое количество уголовных дел у следователей) на старте, ненормированный график работы, бесконечные дежурства и отвлечения от работы и, как результат, дефицит времени для восстановления и отдыха. К факторам дезадаптации респондентами были отнесены: бюрократизация управления, бумаготворчество, формализм, недоступность начальников и формальный характер наставничества. При этом не делается различий между молодым специалистом и опытным сотрудником, а требования предъявляются самые высокие – «нужны показатели в работе». Выпускники фактически предоставлены сами себе, а процесс адаптации носит во многом стихийный характер.

События на местах развиваются по принципу: «кто выплывет – будет работать, кто нет – и ладно, новых пришлют».

С другой стороны, преимущественно теоретический характер обучения в вузе не позволяет выпускнику самостоятельно и в короткие сроки без помощи наставника сформировать навыки оформления процессуальных документов и проведения следственных действий. Кроме того, ряд респондентов обратили внимание на тот факт, что часть теоретических знаний, полученных в вузе по уголовному процессу, не соответствует практике, сложившейся в ОВД. Отсюда участники опроса предлагают включить в учебный процесс разбор уголовных дел, решение практических задач, аккумулированных современной процессуальной практикой в дознании и следствии.

Обработка открытых вопросов позволяет сделать вывод, что в первые месяцы службы практически все молодые специалисты испытывают стрессы, нервные расстройства. У многих резко меняется отношение к службе в полиции, к выбранной профессии, формируется установка на переход в другие правоохранительные органы или на гражданскую службу.

Обобщение данных экспертного опроса позволяет структурировать следующие положения и выводы.

Большинство экспертов (67% от общего числа опрошенных) считают, что в целом выпускники КЮИ вполне профессионально подготовлены для службы в ОВД. Это весьма высокая экспертная оценка относительно качества теоретической подготовки, осуществляемой в Казанском юридическом институте МВД России, на аудиторных занятиях с реализацией соответствующих форм контроля остаточных знаний. Однако обращает на себя внимание существенное различие в общей оценке профессиональной подготовки выпускников, которую дают казанские эксперты по сравнению с респондентами из других регионов. В Казани вполне

подготовленными выпускников находит только 31% опрошенных, за пределами Татарстана – 85%. Вероятнее всего, это различие вызвано тем, что в таком мегаполисе, как Казань, факторов дезадаптации больше, нагрузка на молодых специалистов существенно выше и адаптация к службе в напряженных условиях происходит намного сложнее, с более существенными сбоями и проблемами.

Ожидания столичных заказчиков образовательных услуг относительно качества профессиональной подготовки выпускников определенно выше, чем в периферийных ОВД, где факторы дезадаптации слабее, поскольку уровень криминальной нагрузки на полицию намного меньше, чем в региональных центрах. Есть и еще одно предположение: в Казани стремятся закрепиться на службе в полиции выходцы из сельских районов, поскольку для них это, пожалуй, один из реальных каналов вертикальной мобильности. При этом уровень общего образования и профессиональной подготовки этой категории выпускников существенно ниже, чем у тех, кто социализировался и учился в городских условиях.

Распределение мнений экспертов по оценке теоретических знаний молодых специалистов в рамках базовых учебных дисциплин также сохраняет специфику, выявленную на уровне самооценок профессиональной подготовленности выпускников. Впрочем, казанские эксперты дают существенно более низкие оценки профессиональным знаниям молодых специалистов. Тем не менее, отрадно, что 75% экспертов считают, что выпускники имеют хорошие и отличные профессиональные знания по уголовному праву, 60% – по уголовному процессу и основам судопроизводства, 63% – по административному праву и административной деятельности полиции, 61% – по криминалистике, и только 49% экспертов считают, что выпускники вуза имеют хорошие и отличные знания по линии ОРД. Опросные данные

выпускников и экспертов в целом корреспондируют и указывают на один и тот же круг дезадаптационных факторов.

По оценке 87% экспертов, выпускники КЮИ успешно (на «хорошо» и «отлично») адаптируются в социально-психологическом смысле в коллективах ОВД. Причем на этот факт указывают примерно в равной мере как эксперты в Казани, так и опрошенные за пределами Татарстана. Экспертное мнение свидетельствует о наличии определенного адаптационного потенциала молодых специалистов, поскольку:

- 71% отметил умение выпускников самостоятельного развивать свои профессионально значимые качества;
- 62% считают, что молодые специалисты умеют правильно выстраивать отношения с руководством, коллегами по службе и гражданами;
- 66% отметили, что выпускники умеют правильно применять уголовно-правовые нормы;
- 63% считают, что молодые специалисты умеют квалифицировать преступления и анализировать их состав;
- 61% указал, что выпускники умеют принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом.

Вместе с тем установлено, что 54% экспертов в целом и 15% в Казани считают, что выпускники на «хорошо» и «отлично» умеют принимать процессуальные решения, составлять протоколы, постановления и иные процессуальные документы. 53% и 19% соответственно указали на умение использовать тактические приемы производства следственных действий, методики расследования и раскрытия преступлений; 48% и 12% соответственно отметили умение молодых специалистов осуществлять подбор, проверку и привлечение к содействию лиц на гласной и негласной основе, в том числе сотрудничеству на контрактной основе.

Анализ высказываний экспертов по открытым вопросам

показывает, что многие молодые специалисты испытывают серьезные затруднения с составлением протоколов и принятием процессуальных решений, с оформлением постановлений и иных процессуальных документов; с использованием тактических приемов производства следственных действий, с применением современных методик расследования и раскрытия преступлений.

Таким образом, опросы выпускников и экспертов показали, что вуз выпускает в целом теоретически подготовленных молодых специалистов с определенным адаптационным потенциалом, развитие которого требует формирования, прежде всего, более устойчивых практических навыков и умений. Обнаружено, что в территориальных ОВД процесс профессиональной адаптации и закрепления молодых сотрудников во многом происходит стихийно и нуждается в более эффективном управлении. Решение этих проблем видится на пути объединения усилий КЮИ МВД России и МВД по Республике Татарстан.

Выводы и предложения. Вектор на замещение и обновление кадрового состава полиции в контексте полицейской реформы профессионально подготовленными сотрудниками, на формирование и укрепление профессионального ядра ОВД, определенные в «Дорожной карте», предполагают активное управление профессиональной адаптацией и закреплением на рабочих местах молодых специалистов – выпускников юридических вузов системы МВД России. В Казанском юридическом институте МВД России принят комплекс мер по повышению качества отбора абитуриентов, изучению личных дел, по ранней профориентации в школах, лицеях, кадетских корпусах и суворовских училищах. О положительных переменах в организации профориентации, отбора и учебной деятельности профессорско-преподавательского состава свидетельствует ежегодный рост числа

хорошо и отлично успевающих курсантов, снижение текучести кадров молодых специалистов. Однако, несмотря на позитивный тренд, профессиональная адаптация молодых специалистов, особенно в крупных городских подразделениях полиции, остается серьезной практической проблемой.

Обобщение эмпирических исследований профессиональной адаптации в ОВД и опросов, выполненных в Татарстане, позволяет сформулировать и предложить практикам полицейского менеджмента, кадровой работы, руководству ведомственных вузов МВД России ряд рекомендаций, нацеленных на эффективную элиминацию дезадаптивных факторов, гармонизацию процесса вхождения в полицейскую профессию и закрепление на службе молодых специалистов. В их числе ключевыми являются следующие предложения:

- Отказ от «палочной системы», бумаготворчества, демократизация и дебюрократизация управления; внедрение в практику работы полиции такого социального критерия, как общественное мнение.

- Внедрение на местах в территориальных ОВД критериев профессиональной адаптированности молодых специалистов, таких как: отношение к содержанию служебной деятельности; самооценка степени освоения специфики выполняемых заданий; установка на продолжение службы в полиции; оценка руководителем качества работы молодого специалиста (соблюдения сроков выполнения заданий при расследовании уголовных дел, проведении криминалистических экспертиз и т.п.), уровня сложности работы, меры самостоятельности молодого специалиста; оценка структуры его деловых качеств; оценка руководителем перспективности молодого специалиста; фиксация наличия и количества поощрений или взысканий.

- Реализация эффективного менеджмента адаптационными процессами с целью сокращения времени на профессио-

нальную адаптацию и закрепление молодых специалистов. Руководителям территориальных подразделений необходимо обратить внимание на неудовлетворительное материально-техническое обеспечение и необустроенность рабочих мест, кабинетов, на дефицит компьютеров, оргтехники и канцелярских принадлежностей. Следует оптимизировать служебную нагрузку, добиваться постепенности в ее распределении и росте, снизить давление таких факторов, как ненормированный график работы, дежурства и отвлечения от работы; формальный характер наставничества. Развивать мотивацию на закрепление молодого специалиста в полиции.

- Осуществление в территориальных ОВД мониторинга профессиональной адаптации по критериям адаптированности. Для этого достаточно систематических собеседований руководителя подразделения с непосредственным начальником, наставником и молодым специалистом с целью выявления и устранения дезадаптационных факторов.

- Фиксация реакций и установок на продолжение службы в полиции с учетом индивидуальных психологических особенностей выпускников при распределении и реализации объемов работы, выполнении поручений, служебных заданий, поскольку нагрузки все переносят по-разному и, соответственно, траектория адаптации тоже индивидуальна.

- Привлечение возможностей молодежных объединений в ОВД, молодых специалистов к обсуждению текущих служебных проблем закрепления и факторов дезадаптации, особенно на стадии подготовки управленческих решений как элемент демократизации полицейского менеджмента.

- Стимулирование на местах образованности (повышение квалификации), самоконтроля, самодисциплины и ответственности сотрудников, повышение роли полицейских деонтологических норм профессиональной этики, репутационных механизмов «контроля снизу».

- Совершенствование предметной стороны и образовательных технологий, воспитательной работы в ведомственных вузах в рамках компетентного подхода и усиления практической направленности обучения. С этой целью предлагается увеличить объем практических занятий с решением учебных задач по дисциплинам специализации (УП, ОРД, административное право и административная деятельность), ввести тренинги по методикам, развивающим адаптационный потенциал курсантов и слушателей, в ходе которых формируется психологическая устойчивость, умение владеть собой; организовать учебу не только на полигонах, но и в рамках выездных практических занятий в ОВД; усовершенствовать процедуру прохождения практики в территориальных подразделениях, широко привлечь к учебным занятиям лучших специалистов из МВД по РТ и других правоохранительных структур; развить опыт проведения вузом общественной практики в службах криминальной полиции и следствия, привлечь большее число курсантов к работе юридической клиники института.

- Введение поствузовского сопровождения молодых специалистов в первые месяцы службы в ОВД со стороны руководящего и профессорско–преподавательского состава института.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В.В. Пределы контроля // Ведомости. 2014. № 185.
2. Петровичев В.М. Процесс профессиональной адаптации молодых специалистов как объект научного исследования // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 1.
3. Дмитриева М.А. Социально-психологическая профессиональная адаптация // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2001.

4. Петрова А.С., Шелепова М.А. Профессиональная адаптация молодых специалистов в ОВД: понятие и пути совершенствования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3.
5. Яницкий М.С. Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики: учебное пособие. Кемерово, 2007.
6. Александров Д.А. Исследование социально–психологических закономерностей формирования профессиональной адаптивности сотрудника ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1.
7. Караваев А.Ф., Скиданов Е.А. Профессиональное становление молодых сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 4.
8. Невирко Д.Д. Особенности социализации личности в авторитарных институтах России 90-х годов (опыт социологического анализа специфики профессиональной подготовки кадров органов внутренних дел). Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999.

Конференции, семинары

*Республиканский научно-практический семинар
«Актуальные проблемы профилактики
правонарушений несовершеннолетних».
Казань, март 2014*

*Международная научно-практическая конференция
«Тенденции развития современной юриспруденции».
Казань, май 2015*

*Итоговая научно-практическая конференция,
КЮИ МВД России, май 2005*

Заседание Ученого совета. КЮИ МВД России, январь 2005

Международный семинар по обмену опытом в Академии полиции Турции. Анкара, март 2010

Всероссийская итоговая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы информационного обеспечения органов внутренних дел: вопросы теории и практики». Казань, июнь 2013

*Межвузовский семинар по противодействию коррупции.
Казань, апрель 2015*

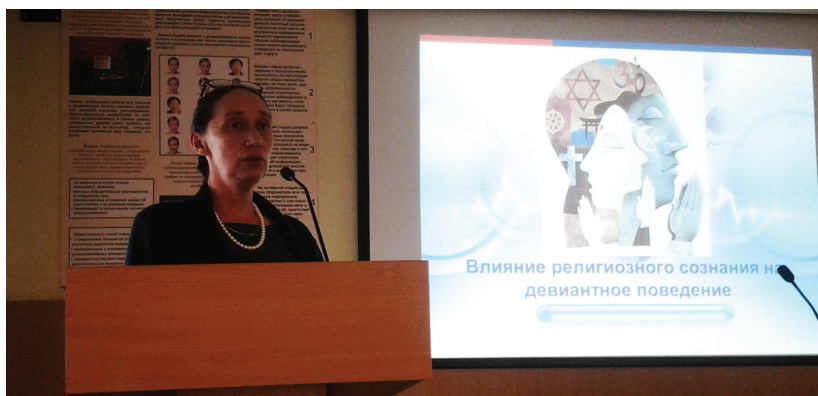

Девиантология в учебном процессе

*Межкафедральный методологический семинар.
Казань, КЮИ МВД России – СПбУ МВД России, май 2014*

Доклады по фрейму «Философия права и девиантология в образовательной программе юристов-практиков для системы ОВД. Казань, КЮИ МВД России – СПбУ МВД России, май 2014

Девииантологическое сообщество

Международный семинар «Девииантология вчера, сегодня, завтра», РГПУ им. А.Н. Герцена. Санкт-Петербург, июнь 2014

*IV Всероссийский социологический конгресс.
Уфа, октябрь 2012*

*Международная научно-практическая конференция
«Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху
постмодерна». Санкт-Петербург, 2014*

*Всероссийская научная конференция «Девиянтность и социальный контроль в обществе постмодерна».
Санкт-Петербург, ноябрь 2013*

*Всероссийская научная конференция
«Методологические проблемы эмпирического
исследования девиантного поведения».
Москва, ИС РАН, октябрь 2004*

*Всероссийский семинар «Девиантология сегодня: проблемы и
перспективы». Санкт-Петербург, октябрь 2010*

Кафедра философии, политологии, социологии и психологии

*А.Н. Казаков, Г.И. Уразаева, А.Б. Валеев, О.С. Шигапова,
Ю.Ю. Компев, С.З. Еникеева, А.Ю. Козлов. 1997*

*К.В. Кондратьев, А.Б. Валеев, Г.И. Уразаева, М.М. Зарипов,
Ю.Ю. Компев, Р.В. Карамельский, С.З. Еникеева,
Ю.Л. Сироткин, Н.В. Фатихова. 2014*

Научное издание

Комлев Юрий Юрьевич

**ДЕВИАНТНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ:
ТЕОРИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРАКТИКА**

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ

Технический редактор
Корректор
Компьютерная верстка

Еникеева С.З.
Климанова Н.А.
Ризванова Л.А.

Формат 60x84 1/16
Подписано в печать 19.11.2015

Усл. печ. л. 26,4
Тираж 100 экз.

Типография КЮИ МВД России
420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Центр инновационных технологий»
420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс (843) 231-05-46, 231-05-61
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru